

*Российская академия наук
Институт Соединённых Штатов Америки и Канады*

США & Канада

ЭКОНОМИКА – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Научный и общественно-политический журнал

2022

№ 8 (632)

Август

Основан в январе 1970 года

Выходит 12 раз в год

ISSN 2686-6730

Журнал издаётся под руководством

Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН

Главный редактор

А.Н. ПАНОВ

Редакционная коллегия:

В.Н. Гарбузов (ИСКРАН, Москва, Россия); П.С. Золотарёв (ИСКРАН, Москва, Россия); Е.Г. Комкова (ИСКРАН, Москва, Россия); К.И. Косачёв (Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); С.В. Лавров (МИД РФ, Москва, Россия); Л.Ф. Лебедева (ИСКРАН, Москва, Россия); В.П. Лукин (Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); М.Г. Носов (Институт Европы РАН, Москва, Россия); О.Г. Овчинников (ИСКРАН, Москва, Россия); А.Н. Панов (МГИМО, Москва, Россия); А.А. Пороховский (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **М.А. Портной** (ИСКРАН, Москва, Россия); С.М. Рогов (ИСКРАН, Москва, Россия); С.А. Рябков (МИД РФ, Москва, Россия); В.Б. Сулян (ИСКРАН, Москва, Россия); Т.А. Шаклеина (МГИМО, Москва, Россия); Том Грэм (Ассоциация Киссинджера, Нью-Йорк, США); Пан Давэй (Шанхайская академия общественных наук, Шанхай, КНР); Нобуо Симотомаи (Университет Хосэй, Токио, Япония) Анжела Стент (Джорджтаунский университет, Вашингтон, США); Кадзухико Того (Университет Киото Сангё, Киото, Япония).

Номер готовили:

В.С. Аничкина; В.С. Ахонина; М.Ю. Белецкая; А.Л. Коровина; О.Б. Кузнецова;
Е.К. Рогульская (заведующая редакцией); А.С. Степанов.

Москва

© Российская академия наук, 2022
© Институт США и Канады РАН, 2022
© Редакция журнала «США & Канада»
(составитель), 2022

*Russian Academy of Sciences
Institute for the U.S. and Canadian Studies*

USA & Canada

ECONOMICS – POLITICS – CULTURE

2022

No. 8 (632)

August

Published since January 1970

Monthly Publication (12 Times a Year)

ISSN 2686-6730

*The Journal is published under supervision of the Department of Global
Problems and International Relations of the RAS*

Editor-in-Chief

A. PANOV

Editorial Board:

V. Garbuzov (ISKRAN, Moscow, Russia); P. Zolotarev (ISKRAN, Moscow, Russia); E. Komkova (ISKRAN, Moscow, Russia); K. Kosachev (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); S. Lavrov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); L. Lebedeva (ISKRAN, Moscow, Russia); V. Lukin (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); M. Nosov (The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); O. Ovchinnikov (ISKRAN, Moscow, Russia); A. Panov (MGIMO, Moscow, Russia); A. Porokhovskii (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); M. Portnoi (ISKRAN, Moscow, Russia); S. Rogov (ISKRAN, Moscow, Russia); S. Ryabkov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); V. Supyan (ISKRAN, Moscow, Russia); T. Shakleina (MGIMO, Moscow, Russia); Thomas Graham (Kissinger Associates, Inc., New York, USA); Pan Dawei (Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China); Nobuo Shimotomai (Hosei University, Tokyo, Japan); Angela Stent (Georgetown University, Washington, D.C., USA); Kazuhiko Togo (Kyoto Sangyo University, Kyoto, Japan).

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2022

© Institute for the U.S. and Canadian
Studies (ISKRAN), 2022

© Editorial Board of "USA & Canada"
(compiler), 2022

Содержание

2022, № 8 (632)

Конференция ИСКРАН – ИКСА РАН

Рогов С.М. Неравнобедренный треугольник: Россия – США – Китай в новой геополитической обстановке.....	6
Труш С.М. Российско-украинский кризис: фактор Китая.....	25
Волошина А.В. Американско-китайские отношения и борьба за мировое технологическое лидерство.....	36
Ма Бин Изменение политики США в Центральной Азии и его влияние на «Экономический пояс Шелкового пути».....	51
Уянаев В.Б. Отношения Индии и США: текущее состояние и внешние последствия.....	63
Куприянов А.В. Стратегические императивы Индии: от Индийского океана к ИТР и обратно.....	75
Степанов А.С. Политика США в Юго-Восточной Азии: от Б. Обамы до Дж. Байдена.....	90
Ермаков Д.Н., Казенков О.Ю. Американско-китайские отношения в условиях глобализации.....	102
Информация для авторов	127

Публикуемые материалы отражают точку зрения авторов, которая может не совпадать с мнением редколлегии журнала.

Любое использование публикаций журнала в коммерческих целях, включая перепечатку или перевод на иностранные языки, без письменного согласия редакции не допускается.

Ссылка на журнал при цитировании или частичном использовании текста публикаций обязательна.

Contents

2022, No. 8 (632)

ISKRAN – ICCA RAS Conference

Rogov, S.M. Inequilateral Triangle: Russia-USA-China in the new geopolitical environment.....	6
Trush, S.M. Crisis between Russia and Ukraine: the China Factor.....	25
Voloshina, A.V. The US-China Relations and the Struggle for Global Technological Supremacy.....	36
Ma Bin The Adjustment of the U.S. Central Asia Policy and its Impact on China's Silk Road Economic Belt.....	51
Uyanaev, S.V. India–U.S. relations: current state and external consequences....	63
Kupriyanov, A.V. Strategic Imperatives of India: from the Indian Ocean to the Indo-Pacific and Back Again.....	75
Stepanov, A.S. The U.S. Policy towards Southeast Asia: from Barack Obama to Joe Biden.....	90
Ermakov, D.N., Kazenkov, O.Yu. US-China relations in the context of globalization.....	102

Конференция «Американо-китайское соперничество на современном этапе»

В настоящее время мы все являемся свидетелями того, как между США и Китаем разворачивается противостояние примерно равных соперников. Как Китай для Соединённых Штатов, так и США для Китая является главным противником во всех сферах государственной деятельности: экономической, дипломатической, технологической и военной. Политика России является важным фактором в двусторонних отношениях, так как, во-первых, отношения между РФ и Западом находятся на самой низкой точке со времён окончания холодной войны, а во-вторых, Россия является близким стратегическим партнёром Китая. Хотя Россия и не представляет опасность для США в той же степени, что и КНР, согласно доктринальным документам Вашингтона, Москва являет собой серьёзный военный вызов для Америки.

Именно этой проблематике была посвящена международная конференция, прошедшая 6 апреля 2022 года в Институте Дальнего востока РАН и организованная совместно ИДВ и Институтом США и Канады РАН. Темой конференции было обозначено «Американо-китайское соперничество на современном этапе». Подобное мероприятие, посвящённое американо-китайским отношениям, проводится двумя упомянутыми научными организациями уже второй год подряд. В конференции приняли участие представители нескольких научно-исследовательских институтов из России (ИСКРАН, ИДВ РАН, ИМЭМО, МГИМО) и Китая (Китайская академия общественных наук, Фуданьский университет). В ходе мероприятия участники изложили свои соображения касательно текущего расклада сил в американо-китайском соперничестве в различных сферах, перспектив его дальнейшего развития, а также возможной политики России в этой связи. Конференция состояла из двух сессий. В ходе первой сессии докладчиками были рассмотрены базовые вопросы американо-китайских отношений, внешней политики США, а также фактор России в этой связи. Вторая сессия конференции была посвящена рассмотрению американо-китайского соперничества в различных регионах мира, в особенности, в Азии и в Тихоокеанском регионе. По итогам конференции участники договорились о проведении таких мероприятий и в дальнейшем.

Внимание читателей предлагаются выступления участников конференции.

УДК 327

DOI: 10.31857/S2686673022080016

EDN: GTMIFH

Неравнобедренный треугольник: Россия – США – Китай в новой геополитической обстановке

С.М. Рогов

Институт США и Канады РАН (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., 2/3.

Scopus Author ID: 7004559140 РИНЦ ID: 198424

ORCID: 0000-0002-3957-7128 email: pa.to.rogov@gmail.com

Резюме: Автор предлагает общий сравнительный обзор отношений трёх ключевых стран – России, Китая и США. Новая геополитическая картина мира представляется с тремя центрами силы. Треугольник эволюционирует, меняется потенциал каждой из его сторон. Трёхсторонние отношения не равнозначны.

Китай наращивает свой экономический, ядерный и политический потенциал, превращаясь в примерно равного по своей мощи соперника США на мировой арене. Россия же конкурирует с США только в военно-стратегической сфере.

Именно поэтому внешняя политика США сегодня направлена на «двойное сдерживание» – как России, так и Китая. При этом Вашингтон стремится опереться на своих союзников как в Европе, укрепляя НАТО, так и создавая «кружевные» коалиции в Индо-Тихоокеанском регионе. Это сулит долгосрочное противоборство американского угла с китайским и российским углами треугольника.

Ключевые слова: треугольник, внешняя политика, «химерика», ядерный баланс, приоритетный вызов, военная политика, стратегия «двойного сдерживания», национальная оборонная стратегия, военно-стратегический баланс, «плетение кружев», концепция «стратегической автономии»

Для цитирования: Рогов С.М. Неравнобедренный треугольник: Россия – США – Китай в новой геополитической обстановке. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2022; 52 (8): 6-24. DOI: 10.31857/S2686673022080016 EDN: GTMIFH

Inequilateral Triangle: Russia-USA-China in the new geopolitical environment

Sergey M. Rogov

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences

2/3 Khlebny per., 121069 Moscow, Russian Federation

Scopus Author ID: 7004559140 РИНЦ ID: 198424

ORCID: 0000-0002-3957-7128 email: pa.to.rogov@gmail.com

Abstract: The author offers a general comparative overview of the relations of three key countries – Russia, China and the United States. A new geopolitical picture of the world is pre-

sented with three centers of power. The triangle evolves, the potential of each of its sides changes. Three party relationships are not equipollent.

China is building up its economic, nuclear and political potential, turning into a peer competitor of the United States on the world stage. Russia competes with the US only in the military-strategic sphere.

That is why US foreign policy today is aimed at “double containment” of both Russia and China. At the same time, Washington seeks to rely on its allies both in Europe, strengthening NATO and pursuing “latticework” strategy in the Indo-Pacific region. This promises a long-term confrontation between the US angle and the Chinese and Russian angles of the triangle.

Keywords: triangle, foreign policy, «chimerica», nuclear balance, priority challenge, military policy, strategy of «double deterrence», national defense strategy, military-strategic balance, latticework, concept of «strategic autonomy»

For citation: Rogov S.M. Inequilateral Triangle: Russia-USA-China in the new geopolitical environment. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2022; 52 (8):6-24.

DOI: 10.31857/S2686673022080016 EDN: GTMIFH

ВВЕДЕНИЕ

Я бы хотел обратить внимание на несколько пунктов, касающихся отношений между Россией, Китаем и США. После Второй мировой войны этот треугольник играет очень важную роль в мировой политике и экономике, а также в военной сфере. Причём в настоящее время эта роль не только не ослабевает, а даже усиливается.

Треугольник США – КНР – Россия в значительной степени определяет развитие событий в мире в XXI веке. В его состав входят две экономические сверхдержавы, три крупнейших ядерных государства, 1-я, 3-я и 4-я страны по размерам территории, 1-е, 3-е и 10-е государства по численности населения [1].

Стороны треугольника не равнозначны. Китай существенно опережает Россию по невоенным параметрам, Вашингтон лидирует по военным расходам, а Москва занимает 1-е место по ядерным вооружениям.

ИСТОРИЯ ТРЕУГОЛЬНИКА

Во время первой холодной войны отношения в треугольнике развивались зигзагообразно. После победы КПК с помощью СССР в гражданской войне США отказались признать КНР. Союз Москвы и Пекина против Вашингтона проявился в войне в Корее, где американской армии противостояли миллионы китайских «народных добровольцев». СССР играл важную роль «старшего брата» при создании политической и экономической системы КНР.

Однако к началу 1960-х годов отношения между КПСС и КПК резко ухудшились, что было связано с нежеланием Мао поддержать «борьбу с культом личности» и отказом Н.С. Хрущёва предоставить китайцам ядерное оружие. КНР самостоятельно создала своё ядерное оружие. Во время так называемой культурной революции на советско-китайской границе происходили вооружённые столкновения.

В 1972 г. президент Р. Никсон, осознав, что Мао сделал ставку на «борьбу с советским гегемонизмом», посетил Пекин, а в 1979 г. администрация президент Дж. Картер пошла на официальное дипломатическое признание КНР, лишив гоминдановское правительство на Тайване статуса законного представителя Китая. Таким образом, американский и китайский углы треугольника создали конструкцию, противостоявшую СССР вплоть до конца 1980-х годов.

Распад Советского Союза привёл к исчезновению биполярной системы международных отношений. Вашингтон сделал ставку на консолидацию однополярного мира с США как единственной сверхдержавой. Среди тех, кто мог попытаться сравняться, уже не было Советского Союза, но были два потерпевшие поражение во Второй мировой войне государства, которые под защитой американского зонтика в период холодной войны превратились в мощные экономические державы, начавшие конкурировать с США. Но у Вашингтона были мощные рычаги, контролировавшие военно-политическую самостоятельность Бонна и Токио – НАТО¹ и договор о взаимной безопасности.

В результате перед КНР открылся широкий доступ к американским инвестициям, технологиям, системе высшего образования. Производительность труда значительно возросла. Это стало одной из главных причин чрезвычайно быстрых темпов развития китайской экономики на протяжении нескольких десятилетий. Китай вышел на 1-е место по высокотехнологичному экспорту. В XXI веке он превратилась в «фабрику мира». В промышленности Китая заняты 236 млн человек, США – 34, России – 21.

Китай стал главным поставщиком бытовых товаров на гигантский американский потребительский рынок. Так возникла экономическая взаимозависимость США и КНР. Вместе с тем образовался гигантский торговый дефицит и американский долг Китаю – более 1 трлн долл., который сохраняется и поныне.

В 2021 г. на долю России пришлось 0,8% внешней торговли и 0,2% иностранных инвестиций США. Она занимала 23-е место среди торговых партнёров США [2], импортируя в основном сырьё. Более развитыми были российско-китайские торгово-экономические отношения. На долю России приходилось в 2021 г. 27% китайского импорта угля, 16% – нефти, 8% – газа. В то же время доля КНР составляла 72% российского импорта компьютеров телекоммуникационно-

¹ Согласно классической формуле первого генерального секретаря НАТО лорда Исмея, «цель НАТО – держать Америку внутри Европы, Германию под Европой, а Россию вне Европы».

го оборудования и 56% полупроводников. Китай был вторым после ЕС внешне-торговым партнёром России – 18%, а доля США – только 4% [3].

В начале нынешнего столетия Китай по размерам ВВП вышел на 2-е место в мире и стал приближаться к США по многим параметрам экономического развития. В середине прошлого десятилетия он обошёл США по величине ВВП по паритету покупательной способности (ППС).

В результате США столкнулись с нехваткой «критической массы» для того, чтобы остановить превращение Китая в «равного по силам соперника».

Это позволило КНР использовать свою экономическую мощь для того, чтобы начать масштабную модернизацию своих вооружённых сил в немалой степени благодаря закупкам и копированию современных российских вооружений. В то же время китайцы развернули большое количество баллистических ракет средней дальности в восточных провинциях. США вышли из Договора РСМД, мотивируя этот шаг необходимостью реагировать на развёртывание китайцами ракет этого класса, вынуждающим американский флот отступить за так называемую 1-ю линию островов, а в перспективе и 2-ю линию островов.

Китай стремится установить зону безопасности в прибрежных морях Тихого океана и приступил к созданию океанского флота для обеспечения морского транзита экспортных китайских товаров и импорта сырья не только в Тихом, но и в Индийском океане. Количество китайских надводных кораблей и подводных лодок в 2000–2020 гг. выросло с 110 до 360 единиц. Это формально больше, чем у ВМС США, но по тоннажу военных кораблей китайцы уступают американцам в 3 раза.

Администрация Дж. Буша-младшего упустила контроль над этой ситуацией, погрязнув после 11 сентября 2001 г. в бесконечной войне с «исламо-фашизмом». В этот период появилась концепция «Химерики» (*Chimerica*) – альянса двух держав при лидерстве США. Сторонником такой концепции был, например, Збигнев Бжезинский. Но Пекин отверг такой сценарий и стал демонстрировать стремление защищать свои интересы.

Осознав вызов со стороны китайского гиганта, администрация Б. Обамы объявила о переносе приоритета (*pivot*) американской военной политики в Индо-Тихоокеанский регион. Одновременно Вашингтон попытался создать своего рода «общий рынок» всех государств этого региона кроме Китая. Но Д. Трамп в одностороннем порядке отказался от этой идеи и начал открытую торговую войну против КНР. Это привело к некоторому снижению американских инвестиций в Китай и импорта китайских товаров в США. Вашингтон стал резко осуждать китайскую политику в Гонконге, Тибете и Синьцзяне. Тем не менее КНР обогнала США по размеру ВВП по ППС, хотя и продолжает отставать по ВВП по обменному курсу.

Дж. Байден в целом продолжил стратегию сдерживания КНР. После начала пандемии американская пропаганда объявила, что коронавирус был создан КПК.

Что касается российско-китайских отношений, то в 1990-е годы произошла их нормализация. Были урегулированы территориальные споры (в основном благодаря уступкам РФ) и осуществлена разрядка военной напряжённости в приграничных районах. Постепенно начала налаживаться торговля. Россия стала главным поставщиком оружия Китаю – на многие млрд долл. Начали проводиться совместные военные учения.

Пожалуй, наиболее важным фактором стало развитие сотрудничества Москвы и Пекина в подходе к международным делам в противовес Вашингтону. Это наглядно проявилось при внесении совместного проекта договора о запрете размещения оружия в космосе, а также создании таких многосторонних форумов, как РИК, БРИКС, ШОС. Хотя формально союз не был заключён, было провозглашено, что «сотрудничество между Россией и Китаем не имеет границ, наша борьба за мир не имеет границ, наше стремление поддерживать безопасность не имеет ограничений, наше противостояние гегемонизму не имеет границ» [4]. Таким образом, термин «гегемонизм» возродился, но он применяется не в отношении Москвы, а Вашингтона.

Таблица 1

Доля стран треугольника в общемировых показателях в 2021–2022 гг., %

	Население	ВВП (ППС)	Экспорт	НИОКР	Оборонные расходы	Ядерные вооружения
США	4,3	15,7	10,1	24,5	39	42,7
Китай	18,4	18,6	12,8	25,5	14	2,7
Россия	1,9	3,1	1,7	2,5	3,4	47

<https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2022/04/19/world-economic-outlook-april-2022>,
<https://www.rdworltonline.com/2021-global-rd-funding-forecast-released/>,
<https://www.iiss.org/publications/the-military-balance>, <https://fas.org/issues/nuclear-weapons/status-world-nuclear-forces/>

Следовательно, конфигурация треугольника вновь изменилась. Китай и Россия стали опять балансировать США, препятствуя стремлению американцев консолидировать однополярное мироустройство. В то же время Вашингтон в обозримом будущем продолжит осуществлять стратегию «двойного сдерживания» Москвы и Пекина. Но у США, похоже, не хватает сил, чтобы в одиночку решить такую сложную задачу.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Опросы общественного мнения во всех трёх странах подтверждают тезис о том, что мы живём в условиях новой холодной войны (Холодная война 2.0).

В последние годы в политической элите США сложился устойчивый двухпартийный антироссийский и антикитайский консенсус. Разгул пропаганды носит беспрецедентный характер. Генри Киссинджер оценил это как «демонизацию» России [5].

Пропаганда отражается и на настроениях американской общественности. Негативные оценки РФ и КНР вернулись к 1950–1960-м годам и даже превосходят стереотипы того периода.

Позитивный образ России, наблюдавшийся после окончания первой холодной войны, исчез практически бесследно. В период перестройки в СССР в 1989 г. впервые была отмечена позитивная оценка нашей страны в американском общественном мнении. Последний раз большинство опрошенных давали положительную оценку нашей стране в 2011 году. С тех пор отрицательные оценки постоянно возрастали и, по данным службы Гэллапа, в 2022 г. достигли самого высокого уровня за всю историю опросов общественного мнения – 88% накануне начала специальной военной операции на Украине [6]. Опрос Исследовательского центра Пью показал, что доля американцев, считающих Россию «врагом», выросла с января по март 2022 года с 41% до 70% [7].

Традиционно Республиканская партия занимала более жёсткую позицию в отношении СССР. Эта тенденция сохранялась и после распада Советского Союза. Однако после президентских выборов 2016 г. демократы обошли республиканцев в негативном отношении к РФ. После прихода к власти Д. Трампа республиканцы продолжали несколько отставать от демократов по этому показателю. Но в настоящее время партии сравнялись в поддержке антироссийских взглядов. Думается, что такая ситуация сохранится надолго.

Схожая картина наблюдается и в России. Здесь тоже в годы перестройки негативное отношение к США стало меняться на позитив. Это продолжалось, по данным Левада-Центра², вплоть до интервенции НАТО в Югославии. Позднее отрицательную роль сыграли война в Южной Осетии и первый Майдан на Украине. Однако окончательно ситуация изменилась в 2014 г. Новая холодная война закрепила негативный имидж США. Весной 2022 г. 75% опрошенных считали, что США являются недружественным России государством.

Что касается Китая, то тайная дипломатия Генри Киссинджера подготовила почву для визита Р. Никсона в Пекин в 1972 г., а затем и для нормализации отношений США и КНР. После установления дипломатических отношений в

² Признан иностранным агентом.

1979 г. 66% американцев относились благоприятно к Китаю. Развитие американо-китайского сотрудничества с целью сдерживания СССР довело этот показатель до 72%. Однако события на площади Тяньаньмэнь привели к более чем двукратному сокращению позитивного отношения к КНР – 34%. Впоследствии положительные оценки многие годы держались на уровне 40–45%, пока в 2021 г. не упали до 21%. Ныне негативное отношение к Китаю достигает 79%, что даже несколько хуже, чем к России [6].

92% американцев считают, что партнёрство России и Китая представляет «серьёзную проблему» для Америки, а 64% – что «мощь и влияние Китая представляют серьёзную угрозу» [8]. Тем не менее только 25% опрошенных считают Китай «врагом» (12% демократов и 45% республиканцев), а 62% – только «соперником».

Таким образом, разгул пропаганды привёл к тому, что в общественном сознании США сложились устойчивые негативные стереотипы в отношении России и Китая. То же самое произошло в отношении США и в настроениях российской и китайской общественности. Исторический опыт свидетельствует, что для пересмотра этих стереотипов потребуются многие годы и даже десятилетия, что будет отражаться и на подходе политических кругов.

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ НОВШЕСТВА АДМИНИСТРАЦИИ БАЙДЕНА

Уже в самом первом доктринальном документе администрации Дж. Байдена, опубликованном в марте 2021 г., получили оценку китайский и российский углы треугольника: «Как Пекин, так и Москва вкладывают большие усилия, чтобы заблокировать мощь США и помешать нам защищать свои интересы и интересы союзников по всему миру». Однако при этом признавались важные отличия: «Китай в особенности становится всё более напористым. Это единственный соперник, потенциально способный сложить свою экономическую, дипломатическую, военную и технологическую мощь, чтобы постоянно бросать вызов стабильной и открытой международной системе». В этой связи провозглашается: «Мы обеспечим, чтобы Америка, а не Китай, определяла международную повестку дня, вместе с другими создавая новые глобальные нормы и соглашения, продвигающие наши интересы и отражающие наши ценности. Укрепляя и защищая нашу не имеющую параллелей сеть союзников и партнёров и осуществляя необходимые оборонные инвестиции, мы будем также сдерживать агрессию Китая» [9: 20].

Россия подобным соперником не признаётся, хотя говорится, что она «по-прежнему намерена усилить своё глобальное влияние и играть разрушительную роль на мировой арене» [9: 8].

В апреле 2022 г. был опубликован доктринальный документ Министерства обороны США – «Национальная оборонная стратегия» (*National Defense Strategy*). Это короткая версия, всего две страницы, внимательно прочитав которые невоз-

можно не сделать вывод о том, что США видят в Китае противника номер один. Более того, Китай упоминается 3 раза на этих двух страницах и описан как приоритетный вызов для США (*priority challenge*). Россия упоминается дважды и описана как серьёзная угроза (*acute threat*) [10]. По всей видимости, это связано с событиями на Украине и военной операцией, которую там проводит Россия. Но очевидно, что Китай воспринимается как противник в экономической, политической, идеологической и военной сферах. Тогда как Россия считается в первую очередь прямой военной угрозой США, и причиной тому является наличие внушительного ядерного арсенала у Москвы. Но в экономическом плане Россия не рассматривается как конкурент США.

Администрация Дж. Байдена не скрывает намерения нанести поражение России в специальной военной операции на Украине. Вашингтон практически полностью заморозил дипломатические контакты с Москвой и препятствует российско-украинским мирным переговорам. США и их союзники предоставили Киеву финансовую и военную помощь, объём которой превышает украинский государственный бюджет. В то же время Запад развязал настоящую экономическую войну против нашей страны, заранее проработав некоторые меры, которые никогда ранее не применялись в мирное время.

Беспрецедентные экономические санкции, введённые США и союзниками против России, приведут, по оценкам некоторых экспертов, к сокращению российского ВВП в 2022 г. на 10%. Санкции описаны как попытка разрушить российскую экономику, но этого не произошло, хотя и привело к серьёзным социально-экономическим последствиям для России. Потребуется примерно 10 лет, чтобы вернуть нашу экономику на уровень 2021 года.

26 марта сего года в Варшаве Дж. Байден заявил, что российский президент, которого он назвал «военным преступником» после начала специальной военной операции, «не должен оставаться у власти», фактически поддержал «смену режима в России» [11]. Хотя позже Государственный департамент отрицал, что это является целью США. Но очевидно то, что происходит, похоже на попытку Вашингтона сменить режим в Москве.

Второй аспект относится к представлению, которое продвигалось Грэмом Элисоном и касалось истории соперничества великих держав, и его выводы заключались в том, что столкновение Китая и США практически неизбежно («ловушка Фукидида») [12]. Согласно концепции древнегреческого историка Фукидида, в ходе соперничества великих держав Афин и Спарты военный конфликт являлся практически неизбежным. Такое восприятие разделяется многими американскими экспертами, которые пытаются понять, как не допустить такого исхода.

Следующий аспект относится к идее о том, что, если Россия сможет достичь успеха и достичь поставленных целей на Украине, это побудит Китай использовать военные силы с целью воссоединения с Тайванем. В США идут ожесточён-

ные дебаты о том, как защитить Тайвань от КНР путём создания стратегии, которая будет отрицать победу Китая. Наиболее агрессивно этот подход продвигает Элбридж Колби [13]. Такая стратегия отрицания включает целый ряд элементов: обеспечение Тайваня достаточным количеством военного снаряжения, а также наращивание американских стратегических и нестратегических ядерных сил и ПРО. Всё это должно лишить Китай возможности нанести превентивный удар против авианосных групп и военных баз США в западной части Тихого океана.

Наконец, существует спор в американском экспертном сообществе о том, как разрушить потенциальный российско-китайский союз, который станет противовесом США. И некоторые американские эксперты предлагают, чтобы США осуществили маневр «Киссинджер наоборот», то есть наладили партнёрские отношения с Россией с целью сдерживания Китая [14].

Но в реальности администрация Байдена проводит совершенно другую политику – её действия против России подталкивают последнюю к более близким отношениям с Китаем. В последнее время звучат рассуждения о том, что есть возможность оттолкнуть Китай от поддержки России с помощью угроз о введении вторичных экономических санкций против китайских компаний. Так что, если Китай продолжит развивать экономические отношения с Россией, то он будет наказан экономическими санкциями со стороны США и их союзников. Но эта идея, идея отрыва КНР от России, оспаривается некоторыми экспертами, потому что они указывают на экономическую взаимозависимость как между Китаем и США, так и между Китаем и Европой. Они констатируют, что санкции против КНР будут контрпродуктивными.

Некоторые американские эксперты доказывают, что нынешняя озабоченность российской угрозой не должна ослаблять внимание к Китаю как к главному долгосрочному приоритету американской политики в XXI веке. Как подчеркивается в недавнем докладе Исследовательской службы Конгресса, «ключевые вопросы, которые дебатировались ныне, заключаются в том, насколько большой приоритет оборонное планирование США должно придавать Европе (чтобы сдерживать или реагировать на действия России) вместо Индийско-Тихоокеанском региона (чтобы сдерживать Китай)», конкретно определив «как ответ США на российское вторжение на Украину сможет повлиять на китайские расчёты потенциальных действий в отношении Тайваня». Эти дискуссии «могут привести к изменениям национальной или оборонной стратегии США и повлиять на американский военный бюджет» [15].

ЯДЕРНЫЙ БАЛАНС

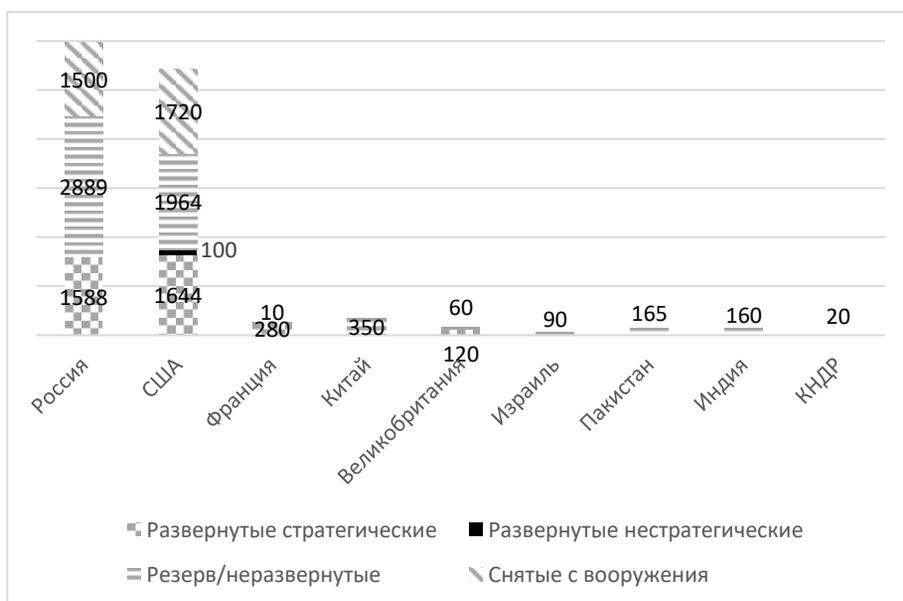
Сравнение военно-стратегического баланса свидетельствует, что Российская Федерация остаётся ядерной сверхдержавой и по-прежнему поддерживает при-

мерный паритет с Соединёнными Штатами. Официальные данные отсутствуют, но, по оценке СИПРИ, у каждой из сторон имеется по 6 тыс. ядерных боезарядов, что в 15–20 раз больше, чем у КНР [16]. Россия и США продолжают соблюдать подписанный в 2012 г. и продлённый до 2026 г. Договор СНВ-3 [17]. На 1 марта сего года у США было 1515 ядерных боеголовок, развёрнутых на 686 средствах доставки (МБР, БРПЛ ТБ), у России – соответственно 1474 и 761 [18].

В то же время считается, что Москва значительно превосходит Вашингтон по количеству нестратегических ядерных зарядов [19]. Эксперты Федерации американских учёных утверждают, что у США всего лишь 200 таких боеголовок [20], а у России – около 2 тысяч [21].

Диаграмма

Рассчётный глобальный ядерный арсенал в 2022 г.

Составлено на основе <https://fas.org/issues/nuclear-weapons/status-world-nuclear-forces/>

Новое поколение крылатых, баллистических и гиперзвуковых ракет США начнёт, вероятно, разворачиваться в 2023 г. не только против Китая, но и вблизи российских границ в Европе, например, в балтийских и Польше. Это позволит американским ракетам с коротким подлётным временем поражать многие стратегические цели на территории Российской Федерации.

В 2022 г. США прервали переговоры с Россией по стратегической стабильности и разработке нового договора на смену СНВ-3. Учитывая, что ранее Вашингтон в одностороннем порядке вышел из договоров по ПРО, РСМД и открытому небу, возникает перспектива полного и необратимого развала действовавшего на протяжении нескольких десятилетий режима контроля над вооружениями.

Нельзя не отметить, что американские союзники, многие годы декларировавшие поддержку контроля над вооружениями, пошли на поводу у США и поддержали разрыв указанных выше соглашений. Со стороны европейцев никаких вразумительных предложений нет.

Но в то же время в США существует огромная обеспокоенность, которая относится к наращиванию китайских ядерных сил, строительству нескольких сотен шахтных пусковых установок (ШПУ) для МБР, которые, как заявляют американские эксперты, проводит Китай. И это позволит КНР приобрести ещё большее количество стратегического ядерного орудия в следующие несколько лет, чтобы затем, через 10 или 20 лет, догнать и даже перегнать США и Россию по этому показателю. Таким образом, возникает перспектива трёхсторонней гонки стратегических вооружений во второй четверти нынешнего столетия.

Возможное быстрое наращивание ядерного потенциала Китая вряд ли отвечает интересам РФ. Не случайно крайне правые круги США уже сейчас призывают выйти из ДСНВ, чтобы немедленно возобновить наращивание ядерного арсенала, отказаться от паритета с Россией и не допустить паритета с КНР.

НОВАЯ СТРАТЕГИЯ НАТО. КОАЛИЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ

Коалиционная стратегия администрации Дж. Байдена прежде всего была направлена на преодолении кризиса Североатлантического альянса, который был спровоцирован риторикой Д. Трампа. В определённой степени это удалось сделать, и Вашингтон смог восстановить своё лидерство в НАТО. Это даёт США возможность мобилизовать ресурсы европейских союзников для сдерживания России.

Таблица 2

Доля стран ЕС и НАТО в общемировых показателях, %

	Население	ВВП (ППС)	Экспорт	НИОКР	Оборонные расходы	Ядерные вооружения
США	4,3	15,7	10,1	24,5	39	42,7
Китай	18,4	18,6	12,8	25,5	14	2,7
Великобритания	0,9	2,3	3,1	2,1	2,5	1,8
ЕС	4,4	12,0	26,0	17,4	15	2,5
НАТО	8,8	27,9	36,4	42,5	53	46,8

<https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2022/04/19/world-economic-outlook-april-2022>,
<https://www.rdworldonline.com/2021-global-rd-funding-forecast-released/>,
<https://www.iiss.org/publications/the-military-balance>, <https://fas.org/issues/nuclear-weapons/status-world-nuclear-forces/>

В экономической сфере Европа практически не уступает американцам – на долю европейцев приходится 15% мирового ВВП и 12% промышленного производства, 24% экспорта и 25% расходов на НИОКР. Формально эти показатели дают возможность ЕС претендовать на роль ещё одной сверхдержавы. Но ЕС не обладает суверенитетом для самостоятельных действий вопреки позиции «старшего партнёра» – США. Поэтому администрация Дж. Байдена смогла скоординировать экономические санкции Запада против РФ и поставки оружия и предоставление финансовой помощи Украине.

Кроме того, у европейских членов НАТО 57% военнослужащих и 68% танков, 61% ББМ, 69% крупнокалиберных артиллерийских систем, 57% крупных надводных кораблей и 54% подводных лодок, которыми обладает Североатлантический альянс [22]. Это существенно превышает численность войск и обычных вооружений России в Европе.

Попытки реализовать концепцию «стратегической автономии» Европы были заблокированы Вашингтоном, добившимся подтверждения доминирующей роли НАТО под руководством США. Под американской эгидой был подготовлен новый доктринальный документ – «Стратегическая концепция НАТО 2022» [23].

В документе объявлено об отказе от провозглашённого ранее партнёрства с нашей страной и заявлено, что «Российская Федерация является наиболее значительной и прямой угрозой безопасности союзников и миру и стабильности в Евро-Атлантическом регионе» [23: 4]. В этой связи провозглашается необходимость «укрепить оборону и сдерживание для всех членов союза». США объявили о намерении увеличить свои войска в Европе до 100 тыс. человек, а общая группировка войск НАТО вблизи российских границ вырастет до 300 тысяч [24].

Новая стратегия провозглашает: «Страны – члены НАТО обязались развернуть на нашем восточном фланге дополнительные мощные боеготовые силы на местах, наращиваемые за счёт существующих боевых групп до подразделений уровня бригады там, где и когда возникнет необходимость, на основе убедительных быстро доступных подкреплений, заблаговременно размещённой техники и усовершенствованной системы командования и управления. Мы приветствуем сотрудничество между рамочными и принимающими странами в укреплении сил командования и управления, в том числе в создании структур на уровне дивизий. Мы приветствуем изначальные предложения стран – членов НАТО для новой модели сил НАТО, которые укрепят и модернизируют структуру сил НАТО и обеспечат ресурсами наши военные планы нового поколения. Мы усовершенствуем наши учения по коллективной обороне, чтобы быть готовыми к высокоинтенсивным операциям в различных сферах и обеспечить усиление любой страны – члена НАТО в короткие сроки. Все эти

шаги существенно укрепят потенциал сдерживания и передовую оборону НАТО» [23].

Мадридский саммит поддержал принятие в Североатлантический альянс Швеции и Финляндии. Линия противостояния НАТО и России увеличится более чем в два раза. Это может привести к росту напряжённости в Балтийском и Северном регионах. Нынешняя волна расширения НАТО открывает двери для следующего приглашения в альянс других членов.

В новом натовском документе впервые упоминается КНР, хотя АТР не входит в географические рамки сферы деятельности Североатлантического альянса. В документе отмечается «системная конкуренция» со стороны Китая, которая «бросает вызов нашим интересам, безопасности и ценностям и стремится подорвать основанный на правилах международный порядок» [23: 5].

Китаю посвящены два пункта стратегической концепции. При этом в отношении Пекина не применяются столь жёсткие формулировки, как в отношении Москвы.

Впервые на саммит НАТО были приглашены некоторые тихоокеанские союзники США. В этой связи в документе отмечено, что «участие наших партнёров из Азиатско-Тихоокеанского региона, наряду с другими партнёрами, продемонстрировало ценность нашего сотрудничества в противодействии общим вызовам безопасности» [23: 11].

Стратегия объявляет: «Индо-Тихоокеанский регион имеет важное значение для НАТО, поскольку развитие событий в этом регионе непосредственно сказывается на Евро-Атлантической безопасности. Мы будем укреплять диалог и сотрудничество с новыми и существующими партнёрами в Индо-Тихоокеанском регионе, чтобы реагировать на затрагивающие разные регионы вызовы и продвигать совместные интересы» [23: 11].

Это соответствует концепции треугольника и свидетельствует о стремлении Вашингтона вовлечь НАТО в противостояние США и Китая. Однако европейские союзники не проявляют особого энтузиазма в отношении конфронтации с КНР, которая является их крупнейшим торговым партнёром. Пожалуй, единственным исключением стала Великобритания, которая при Б. Джонсоне вновь попыталась претендовать на глобальную роль.

КРУЖЕВНЫЕ КОАЛИЦИИ

У Вашингтона нет на Тихом океане мощного военного блока, аналогичного НАТО. Однако не следует забывать, что у США имеются двусторонние договоры о взаимной безопасности с Японией и Южной Кореей, на территории которых расположены военные базы, где дислоцируются примерно 40 тыс. американских военнослужащих. Но этого явно недостаточно для сдерживания

Китая. К тому же отношения между Токио и Сеулом носят весьма непростой характер.

В этих условиях администрация Дж. Байдена пошла на создание в Индо-Тихоокеанском регионе нескольких коалиционных образований с преобладанием «англосаксонского компонента». Бывший заместитель государственного секретаря Кристофер Форд назвал это новшество «плетением кружев» [25].

Первым примером такого «кружева» стала группировка АУКУС (*AUKUS*), куда в августе 2021 г. вошли США, Великобритания и Австралия под предлогом сотрудничества в создании ядерных подводных лодок [26].

Наиболее крупной коалицией является Четвёрка (*QUAD*) в составе США, Великобритании, Австралии и Индии. Первый саммит «Четвёрки» прошёл осенью 2021 года. Это единственная группировка, которая формально превосходит Китай по размерам населения – 25%, ВВП – 45% и экспорта – 19% [27].

Наконец, летом 2022 г. было объявлено о создании «Глубоководного Тихоокеанского партнёрства» (ГПП), куда вошли 5 стран – в том числе члены АУКУС, а также Новая Зеландия и Япония. Это связано с противодействием попыткам КНР обосноваться на Соломоновых островах в южной части Тихого океана [28].

Таблица 3

Доля стран АУКУС, Четвёрки, ГПП и Китая в общемировых показателях, %

	Население	ВВП (ППС)	Экспорт	НИОКР	Оборонные расходы	Ядерные вооружения
США	4,3	15,7	10,1	24,5	39	42,7
Китай	18,4	18,6	12,8	25,5	14	2,7
Япония	1,6	3,8	3,3	7,5	2,5	0
Индия	18,1	7,0	2,4	3,8	3,7	1,3
Великобритания	0,9	2,3	3,1	2,1	2,5	1,8
Австралия	1,2	1,9	2,1	1,2	1,5	-
АУКУС	6,4	19,9	15,3	26,7	42,9	45,8
Четвёрка	24,7	44,8	18,9	39,1	49,1	43,9
ГПП	8,0	23,7	18,5	34,2	45,4	45,8

<https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2022/04/19/world-economic-outlook-april-2022>,
<https://www.rdworlondonline.com/2021-global-rd-funding-forecast-released/>,
<https://www.iiss.org/publications/the-military-balance>, <https://fas.org/issues/nuclear-weapons/status-world-nuclear-forces/>

Таким образом США пытаются окружить Китай. Но им не удалось вовлечь в одну коалицию одновременно и Индию, и Японию. Кроме того, ни в одну из групп не вошли Канада и Южная Корея. Видимо, администрация Дж. Байдена продолжит свои усилия по созданию максимально широкой единой антикитайской коалиции.

В свою очередь Москва и Пекин также стремятся обзавестись партнёрами. Упомянувшийся выше БРИКС формально обладает весьма внушительным потенциалом: 42% населения, 32% ВВП и 19% мирового экспорта [1]. На деле же БРИКС не в состоянии действовать как единый союз по типу НАТО.

Таблица 4

Доля стран БРИКС в общемировых показателях, %

	Население	ВВП (ППС)	Экспорт	НИОКР	Оборонные расходы	Ядерные вооружения
Китай	18,4	18,6	12,8	25,5	14	2,7
Индия	18,1	7,0	2,4	3,8	3,7	1,3
Россия	1,9	3,1	1,7	2,5	3,4	47
ЮАР	0,8	0,6	0,5	0,3	0,1	0
Бразилия	2,8	2,4	1,1	1,6	0,9	0
БРИКС	42	31,7	18,5	33,7	22,1	51

<https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2022/04/19/world-economic-outlook-april-2022>,
<https://www.rdworldonline.com/2021-global-rd-funding-forecast-released/>,
<https://www.iiss.org/publications/the-military-balance>, <https://fas.org/issues/nuclear-weapons/status-world-nuclear-forces/>

Кроме того, слишком сильны противоречия между Китаем и Индией, включая застарелый территориальный конфликт. К тому же Индия вступила в Четверку, которая явно имеет антикитайскую направленность.

У РФ есть общие интересы с КНР, но они не всегда полностью совпадают. Это, в частности, касается таких проблем, как Крым и Тайвань.

Важно отметить возникновение новых многонациональных форматов. Они обладают не равнозначным потенциалом.

Таблица 5

Треугольник и международные структуры в процентной доле общемировых показателей

	Населе- ние	ВВП (ППС)	Экс- порт	НИОКР	Оборон- ные рас- ходы	Ядерные вооруже- ния
США	4,3	15,7	10,1	24,5	39	42,7
Китай	18,4	18,6	12,8	25,5	14	2,7
Россия	1,9	3,1	1,7	2,5	3,4	47
ЕС	4,4	12,0	26,0	17,4	15	2,5
НАТО	8,8	27,9	36,4	42,5	53	46,8
АУКУС	6,4	19,9	15,3	26,7	42,9	45,8
Четвёрка	24,7	44,8	18,9	39,1	49,1	43,9
БРИКС	42	31,7	18,5	33,7	22,1	51
ГПП	8,0	23,7	18,5	34,2	45,4	45,8

<https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2022/04/19/world-economic-outlook-april-2022>,
<https://www.rdworldonline.com/2021-global-rd-funding-forecast-released/>,
<https://www.iiss.org/publications/the-military-balance>, <https://fas.org/issues/nuclear-weapons/status-world-nuclear-forces/>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Некоторые из этих структур просуществуют недолго, другим, возможно, предстоит пройти долгий путь и превратиться в настоящие союзы экономического и военного характера.

Исследовательская служба Конгресса представила свою интерпретацию треугольника. Она констатирует, что «возобновившееся соперничество великих держав – это не биполярная ситуация (как во время холодной войны) или однополярная ситуация (как в эпоху после холодной войны), а ситуация, которая в значительной степени характеризуется соперничеством трёх главных мировых держав – США, Китая и России». Эта ситуация описывается как холодная война 2.0 [15].

Думаю, что мы являемся свидетелями новой геополитической ситуации, когда изменения могут происходить довольно быстро. И мне кажется, что исход специальной военной операции на Украине во многом определит будущее отношений в треугольнике Россия – США – Китай.

ИСТОЧНИКИ

1. Global Outlook. IMF, April 2022, p. 115. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2022/04/19/world-economic-outlook-april-2022#:~:text=War%2Dinduced%20commodity%20price%20increases,higher%20than%20projected%20last%20January.> (accessed 10.06.22)
2. Trade and Investment Role in the Global Economy. Congressional Research Service, March 24, 2022. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/row/IF12066.pdf> (accessed 10.06.22)
3. China's Economic and Trade Ties with Russia. Congressional Research Service, May 24, 2022. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/row/IF12120.pdf> (accessed 10.06.22)
4. МИД КНР: сотрудничество Китая и России не имеет границ. *Газета «Коммерсантъ»*. 30.03.2022. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/5282860> (accessed 10.06.22)
5. Henry Kissinger: To settle the Ukraine crisis, start at the end. *Washington Post*. March 5, 2014. Available at: https://www.washingtonpost.com/opinions/henry-kissinger-to-settle-the-ukraine-crisis-start-at-the-end/2014/03/05/46dad868-a496-11e3-8466-d34c451760b9_story.html (accessed 10.06.22)
6. Americans Rate Canada, Britain, France, Japan Most Favorably. *Gallup News*. March 14, 2022. Available at: <https://news.gallup.com/poll/390641/americans-rate-canada-britain-france-japan-favorably.aspx> (accessed 10.06.22)
7. Seven-in-Ten Americans Now See Russia as an Enemy. Pew Research Center. April 6, 2022. Available at: <https://www.pewresearch.org/global/2022/04/06/seven-in-ten-americans-now-see-russia-as-an-enemy/> (accessed 10.06.22)
8. China's Partnership with Russia Seen as Serious Problem for the U.S. Pew Research Center. April 28, 2022. Available at: <https://www.pewresearch.org/global/2022/04/28/chinas-partnership-with-russia-seen-as-serious-problem-for-the-us/> (accessed 10.06.22)
9. White House, Interim National Security Strategic Guidance, March 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (accessed 15.06.22)
10. Fact Sheet: 2022 National Defense Strategy. DOD, April 2022. Available at: <https://media.defense.gov/2022/Mar/28/2002964702/-1/-1/1/NDS-FACT-SHEET.PDF> (accessed 15.06.22)
11. Joe Biden Is Calling for Regime Change in Russia and This Time It Isn't A Gaffe. *Newsweek*. April 4, 2022. Available at: <https://www.newsweek.com/joe-biden-calling-regime-change-russia-this-time-it-isnt-gaffe-1694867> (accessed 15.06.22)
12. The Thucydides Trap: Are the U.S. and China Headed for War? *The Atlantic*. September 24, 2015. Available at: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2015/09/united-states-china-war-thucydides-trap/406756/> (accessed 15.06.22)

13. #Reviewing the Strategy of Denial. Kelley Jhong. February 9, 2022. Available at: <https://thestrategybridge.org/the-bridge/2022/2/9/reviewing-the-strategy-of-denial> (accessed 15.06.22)

14. The 'Reverse Kissinger'. The American Conservative. January 10, 2017. Available at: <https://www.theamericanconservative.com/articles/the-reverse-kissinger/> (accessed 15.06.22)

15. Renewed Great Power Competition: Implications for Defense – Issues for Congress. Congressional Research Service. Updated March 10, 2022. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/natsec/R43838.pdf> (accessed 15.06.22)

16. Nuclear Notebook: Chinese nuclear forces, 2021. Hans M. Kristensen, Matt Korda. November 15, 2021. Available at: <https://thebulletin.org/premium/2021-11/nuclear-notebook-chinese-nuclear-forces-2021/> (accessed 15.06.22)

17. The New START Treaty: Central Limits and Key Provisions. February 2, 2022. Congressional Research Service. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/nuke/R41219.pdf> (accessed 15.06.22)

18. New START Treaty Aggregate Numbers of Strategic Offensive Arms of the United States and the Russian Federation, February 2011 – March 2022. Fact sheet, March 1, 2022. Available at: <https://www.state.gov/new-start-treaty-aggregate-numbers-of-strategic-offensive-arms-of-the-united-states-and-the-russian-federation-february-2011-march-2022/> (accessed 15.06.22)

19. Nonstrategic Nuclear Weapons. Updated March 7, 2022. Congressional Research Service. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/nuke/RL32572.pdf> (accessed 18.06.22)

20. Nuclear Notebook: How many nuclear weapons does the United States have in 2022? By Hans M. Kristensen, Matt Korda. May 10, 2022. Available at: <https://thebulletin.org/premium/2022-05/nuclear-notebook-how-many-nuclear-weapons-does-the-united-states-have-in-2022/#:~:text=To%20see%20all%20previous%20Nuclear,by%20ballistic%20missiles%20and%20aircraft.> (accessed 18.06.22)

21. Nuclear Notebook: How many nuclear weapons does Russia have in 2022? By Hans M. Kristensen, Matt Korda. February 23, 2022. Available at: <https://thebulletin.org/premium/2022-02/nuclear-notebook-how-many-nuclear-weapons-does-russia-have-in-2022/#:~:text=As%20of%20early%202022%2C%20we,slight%20decrease%20from%201ast%20year.> (accessed 18.06.22)

22. Western Military Capability in Northern Europe 2020. Part I: Collective Defence. Eva Hagström Frisell and Krister Pallin (eds). FOI. February 2021. Available at: <https://www.foi.se/rest-api/report/FOI-R--5012--SE> (accessed 20.06.22)

23. NATO 2022 Strategic Concept. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept.pdf (accessed 01.07.22)

24. White House, On-the-Record Press Call by NSC Coordinator for Strategic Communications John Kirby and Assistant Secretary for Defense Celeste Wallander.

June 29, 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/press-briefings/2022/06/29/on-the-record-press-call-by-nsc-coordinator-for-strategic-communications-john-kirby-and-assistant-secretary-for-defense-celeste-wallander/> (accessed 01.07.22)

25. Christopher A. Ford. Building Partnerships against Chinese Revisionism: A “Latticework Strategy” for the Indo-Pacific. National Institute Press. June 22, 2022 Available at: https://irp.cdn-website.com/ce29b4c3/files/uploaded/Ford_Latticework_NIPP.pdf (accessed 01.07.22).

26. AUKUS and Indo-Pacific Security. May 19, 2022. Congressional Research Service. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/row/IF12113.pdf> (accessed 10.06.22)

27. The “Quad”: Security Cooperation among the United States, Japan, India, and Australia. Updated May 16, 2022. Congressional Research Service. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/row/IF11678.pdf> (accessed 10.06.22).

28. White House, Statement by Australia, Japan, New Zealand, the United Kingdom, and the United States on the Establishment of the Partners in the Blue Pacific (PBP). June 24, 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/24/statement-by-australia-japan-new-zealand-the-united-kingdom-and-the-united-states-on-the-establishment-of-the-partners-in-the-blue-pacific-pbp/> (accessed 01.07.22).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РОГОВ Сергей Михайлович, академик РАН, доктор исторических наук, научный руководитель ИСКРАН, главный научный сотрудник ИСКРАН Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., 2/3.

Sergey M. ROGOV, Full Member, Doctor of Historical Sciences, Academic Director, Chief Research Fellow. Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences RAS 2/3 Khleby per., 121069 Moscow, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 7.06.2022.

Поступила после рецензирования / Revised 17.06.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 18.06.2022.

УДК 327

DOI: 10.31857/S2686673022080028

EDN: GTQNRM

Российско-украинский кризис: фактор Китая

С.М. Труш

Институт США и Канады РАН (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., 2/3.

Scopus Author ID: 57221673420 РИНЦ ID: 757865

ORCID: 0000-0001-7275-001X

e-mail: zebra758@gmail.com

Резюме. Китай прямо не поддерживает ни одну из сторон российско-украинского конфликта, но при этом солидаризируется с российской трактовкой и интерпретацией противоречий с Западом и НАТО в Европе. При этом КНР особо фиксирует необходимость сохранять суверенитет и территориальную целостность национальных государств, косвенно имея в виду Украину. Москва, со своей стороны, крайне заинтересована в поддержке и солидарности Китая в дипломатической, экономической и особенно в военно-стратегической сфере, чтобы ощущать стабильность и надёжность своего восточного фланга в условиях эскалации напряжённости между Россией и НАТО.

Ключевые слова: российско-украинский конфликт, вторичные экономические санкции, проблема Тайваня, расширение НАТО

Для цитирования: Труш С.М. Российско-украинский кризис: фактор Китая. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2022; 52 (8) 25-35.

DOI: 10.31857/S2686673022080028

EDN: GTQNRM

Crisis between Russia and Ukraine: the China Factor

Sergei M. Troush

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences.

2/3 Khleby per., 121069 Moscow, Russian Federation

Scopus Author ID: 57221673420 РИНЦ ID: 757865

ORCID: 0000-0001-7275-001X

e-mail: zebra758@gmail.com

Abstract. China is not formally taking sides in the Russian-Ukrainian conflict; it keeps neutrality, but PRC is closely siding with the Russian explanation of its conflict with the West and NATO. China stresses its traditional adherence to sovereignty and territorial integrity of the national states meaning Ukraine indirectly. Moscow is seeking China's support and backing diplomatically, economically and most important in militarily-strategic sphere, aiming at securing of its Eastern flank in case of escalation between Russia and NATO on the West.

Keywords: Russia-Ukraine conflict, secondary economic sanctions, Taiwan problem, NATO enlargement

For citation: Troush S.M. Crisis between Russia and Ukraine: the China Factor. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture.* 2022; 52 (8):25-35.

DOI: 10.31857/S2686673022080028

EDN: GTQNRM

КИТАЙСКИЙ ПОДХОД К КРИЗИСУ: ОСНОВНЫЕ МОМЕНТЫ

Главные пункты китайской официальной реакции на украинский кризис, сложившиеся на начальной фазе российской спецоперации (февраль - апрель 2022 г.), могут быть сформулированы в следующем виде.

1. Китай не принимает ни одну из сторон данного конфликта, формально сохраняя нейтральность между Москвой и Киевом. Пекин выступает за переговоры и дипломатические средства разрешения конфликта.

2. Китай подчёркивает традиционную приверженность суверенитету и территориальной целостности национальных государств. Это в косвенной форме может рассматриваться как своего рода критика России и спецоперации.

3. Китай близко или полностью придерживается российской версии конфликта России с Западом. Пекин разделяет точку зрения, согласно которой интересы безопасности России были проигнорированы в процессе прошлых «волн» расширения НАТО и в свете возможного будущего подключения Украины к Североатлантическому альянсу.

4. Китай выступает против комплексных блокирующих антироссийских экономических санкций, не участвует в них, рассматривая экономическую блокаду как инструмент холодной войны и однополярного доминирования.

5. Китай готов предоставить гуманитарную помощь Украине и предложил программу из шести пунктов по этому вопросу. Пекин будет готов оказать необходимую помощь Украине в восстановлении после войны.

6. Китай в своей позиции активно разыгрывает «европейскую карту», стремясь максимально ослабить прочность союза европейских членов НАТО и США. Пекин призывает европейцев строить свои собственные, отличные от Вашингтона стратегические взаимоотношения с Москвой. Этот приоритет КНР не является принципиально новым в китайской политике последних лет. Он получил сильный импульс для дальнейшего развития в период администрации Д. Трампа в контексте оформившейся и закрепившейся в то время системной конфронтации и противоборства с США.

Развивающийся конфликт России и Украины ощутимо и многообразно сказывается на китайской внешней политике. С одной стороны, говоря прагматично, в русле принципов «реалполитик», всплеск враждебности между Москвой и Западом, западные санкции против Москвы формально увеличивают влияние и повышают капитализацию «китайской карты». С другой – Москва заинтересована в поддержке и солидарности Китая в дипломатической, экономической и, что наиболее важно, в военно-стратегической сфере, чтобы чувствовать уверенность в своём восточном фланге в условиях эскалации напряжённости между Россией и НАТО. Вашингтон, со своей стороны, рассуждая также прагматично (как бы воинственно не выглядела риторика Байдена по этому вопросу), несо-

мненно, не исключает дополнительной гибкости и уступчивости к китайским интересам, пытаясь предотвратить тесное сотрудничество Пекина с Москвой.

Обе столицы – Москва и Вашингтон – готовы «платить свою цену» Китаю, объективно повышая его значимость в «треугольнике».

Если говорить о Москве, то она, вероятно, будет готова пойти на знаковые уступки и дальнейшее закрепление своей подчинённой роли в стратегическом партнёрстве с Китаем; и, видимо, будет готова усилить своё сотрудничество и поддержку КНР в её противостоянии с США в Индо-Тихоокеанском регионе, в акватории Южно-Китайского моря и даже по тайваньской проблеме. Уступки Москвы могут также распространяться на растущую роль Китая в Центральной Азии, в арктической зоне, касаться дальнейшего проникновения Китая на внутренний российский рынок, привести к монопольной роли КНР в ценообразовании на российские энергоресурсы.

Представляется, также что и Дж. Байден также будет готов пройти свою часть пути для того, чтобы предотвратить усиление связки Пекина с Москвой под влиянием украинского кризиса. В качестве уступок Вашингтон потенциально может пойти на смягчение тарифного давления на китайский экспорт, ослабление ограничений на экспорт высоких технологий в Китай, более мягкую линию своего поведения в акваториях Южно-Китайского моря, замораживание или снижение активности по строительству формата АУКУС. Возможными пунктами компромисса с КНР могут стать даже определённые – гласные или негласные – договорённости США и Китая в вопросе о независимости Тайваня, по снижению остроты в Тайваньском проливе.

Несмотря на состояние глубокого раскола и противоречий, в котором пребывает политический класс США, антимосковские настроения в американской элите настолько сильны в условиях украинского кризиса, что возможности серьёзных «разменов» с Пекином по указанным вопросам вполне реальны.

В то же время ясно, что Китай сам сталкивается с очевидными серьёзными негативными последствиями украинского кризиса как двустороннего характера в отношениях с Москвой, так, в основном, и по причине нарастания напряжённости в сфере международной безопасности и в глобальной экономике.

В этой связи следует выделить три негативных для КНР фактора.

1. Прежде всего, высок риск глобальной эскалации украинского конфликта, расширение состава участвующих в нём стран. Прямое вовлечение в горячий конфликт членов НАТО вплоть до использования ядерного оружия и развязывания третьей мировой войны остаются реальной возможностью. Старая китайская поговорка о мудрой обезьяне, которая сидит на горе и наблюдает за поединком между тиграми, перестаёт быть актуальной в ядерную эпоху.

2. Экономические санкции Запада против России серьёзно дестабилизируют глобальную экономику. Они воздействуют на производственные и логистиче-

ские цепочки, замедляют потребление, стимулируют резкий рост цен, в первую очередь на энергоресурсы и продовольствие. Основная сфера конкуренции Китая и США за многополярность – это в первую очередь экономика, торговля и технологии, а уже потом – военная мощь. Обладая в настоящее время долей в 18% мирового ВВП, имея темпы роста экономики на уровне 6%, общий объём мировой торговли свыше 6 трлн долл. и доминирующую роль в региональных зонах свободной торговли (АСЕАН, RCEP*), активно продвигая геоэкономический концепт «Один пояс – один путь», Китай отчётливо видит риски для себя по всем этим «факторам силы». Это наиболее явно сказывается на перспективных планах и интересах Китая в Евразии, тесно сопряжённых с Россией, и особенно – на его планах в Западной и Восточной Европе – ключевой и перспективной для Пекина зоне экономических интересов.

3. Россия становится для Китая рисковым и непредсказуемым игроком в сложившемся за последнее десятилетие «стратегическом партнёрстве». Конечно, Москва остаётся наиболее мощным «квазисоюзником» Пекина в мировой конкуренции, в мировой дипломатии, во взаимоотношениях с США. Вместе с тем, мало прогнозируемое поведение Москвы порождает слишком много острых вызовов для КНР. Сохраняя и расширяя свои связи с Москвой в экономической области, Китай становится уязвим для вторичных санкций Запада в торговле и банковской сфере. Если это давление будет сохраняться, то нет уверенности в том, что поведение китайских банков и компаний будет соответствовать интересам и потребностям Москвы. В Пекине будут многое взвешивать и вряд ли будут готовы ставить под удар свой триллионный экономический обмен с миром в угоду российским интересам.

ПОЗИЦИЯ ПО УКРАИНЕ В КОНТЕКСТЕ ДОЛГОСРОЧНЫХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ КНР: НЮАНСЫ И ДИНАМИКА

Кризис на Украине стал одним из острейших системных кризисов и горячих конфликтов после Второй мировой войны. В силу этой системности и остроты он затронул широкую гамму китайских интересов в области ядерной выживаемости, глобальной безопасности, мировой экономики и торговли, двусторонних отношений с другими китайскими партнёрами и контрагентами. Перед китайской дипломатией встала непростая задача гармонизировать и сбалансировать

* Региональное Всеобъемлющее Экономическое Партнёрство (Regional Comprehensive Economic Partnership, RCEP) – зона свободной торговли с участием 15 государств Азии и Тихоокеанского региона. (Китай, Япония, Австралия, Южная Корея, Вьетнам, Малайзия, Индонезия, Таиланд, Филиппины, Кампучия, Сингапур, Лаос, Мьянма, Бруней, Новая Зеландия.) Соглашение подписано в 2020 году.

свою внешнеполитическую позицию сообразно тем вызовам, которые возникли у неё в связи с российской спецоперацией.

Главное противоречие, которое китайская дипломатия должна была разрешить или «гармонизировать» в своей позиции, это, с одной стороны, поддерживать – с той или иной степенью убедительности – своего главного внешнеполитического партнёра и «квзисоюзника» – Россию, а с другой – не связывать себя с решением Москвы разрешить сложившиеся противоречия с Украиной и НАТО исключительно военным, силовым путём. Китаю важно было не солидаризироваться жёстко с российской спецоперацией в глазах мирового сообщества, что выглядело бы суицидально для базовых внешнеполитических интересов КНР. Это принципиальным образом противоречило бы статусу Китая как альтернативного США внешнеполитического полюса, представителя альтернативной «незападной» модели развития и роста, имиджу негегемонистской страны, сторонника уважения суверенитета и территориальной целостности всех стран, включая средних и малых. Эти факторы и характеристики представляют собой важный политико-дипломатический ресурс китайской внешней политики в целом и в её противоборстве с США в частности.

Данное противоречие в позиции КНР, по мнению китайской дипломатии, решается в традиционном для её гибкости ключе. А именно: не выражая прямой поддержки и одобрения российской спецоперации, подчёркивая свою независимость и нейтральность между Москвой и Киевом, Китай по сути поддерживает Москву, демонстрируя солидарность с российской интерпретацией причин конфликта.

Тема первостепенной ответственности Запада и НАТО в текущем кризисе на Востоке Европы усиливается, по мере развития становится всё более важным лейтмотивом китайской позиции. 1 апреля 2022 г. официальный представитель МИД КНР Чжао Лицзянь заявил буквально следующее: «Будучи продуктом холодной войны, НАТО должна была быть распущена после распада Советского Союза. В начале 1990-х годов тогдашний госсекретарь США Дж. Бейкер в беседе с М.С. Горбачёвым заверял его в том, что НАТО “не продвинется на восток ни на один дюйм”. Будучи главным виновником и подстрекателем украинского кризиса, США инициировали пять последовательных волн в расширении НАТО на восток в течение примерно двух десятилетий с 1999 г. Альянс увеличился с 16 до 30 стран-членов и продвинулся на восток порядка 1000 км, фактически припирая Москву к стенке» [2].

Другой деликатный момент и важное обстоятельство, которое требовало «гармонизации» в китайской официальной позиции по Украине, заключается в том, что КНР, выражая поддержку России как своему «стратегическому партнёру», одновременно не может игнорировать свои базовые геоэкономические приоритеты. Китай стремится максимально избежать риск блокирующего санкци-

онного давления в свой адрес со стороны Запада. Подобное давление потенциально могло бы иметь достаточно сильные и исключительно болезненные следствия для китайских интересов. Негативный эффект такого давления на суммарные геэкономические позиции Китая в определённом смысле может перевешивать ценность и значимость России как «стратегического партнёра» и «стабильного северного тыла» во внешнеполитической «оптике» КНР. Эту дилемму в своей дипломатической позиции Китай стремится разрешить посредством активной критики санкционной политики Запада, представляя её как инструмент американской «гегемонии», «нелегитимного» и «деструктивного» средства во внешней политике, дестабилизирующего фактора для глобальной экономики.

Данная тема также активно разрабатывается и усиливается в китайской внешнеполитической реакции по мере развития украинского кризиса. Спустя два месяца после начала спецоперации, выступая на открытии Давосского экономического форума со знаковой внешнеполитической речью, Си Цзиньпин заявил: «Страны современного мира подобны пассажирам одного корабля, связанным единой судьбой. Если корабль попадает в шторм, чтобы выжить, пассажиры должны держаться вместе. Выбрасывать кого-либо за борт – не подобает. В наш век международное сообщество достигло такого этапа развития, что оно представляет собой сложный и интегрированный механизм. Действия, направленные на то чтобы исключить из него какую-либо часть, приведут к существенным сбоям и дезорганизации». Далее Председатель КНР, особо подчеркнул, что «в современном мире однополярность и стремление к личной выгоде обречены на провал. В равной степени обречена на провал стратегия “размежевания”, разрушения производственных цепочек и блокады, попытки замкнуться в “своём кругу” и разжигать конфликт и противостояние по идеологическим принципам» [3].

Одним из главных элементов дипломатической поддержки РФ Китаем в украинском вопросе является позиция, занимаемая Пекином в ООН. В Совете Безопасности ООН, других структурах и форумах этой организации КНР голосует против или воздерживается от голосования по вопросам критики, санкций, исключения или процедурных ограничений для России в связи с украинским кризисом. Особенно ценной для политического руководства России оказалась поддержка либо нейтралитет Китая в голосованиях в СБ и на Генассамблее ООН по общей оценке действий России в Украине, по событиям в украинском городе Буча и обвинениям в геноциде гражданского населения в ходе спецоперации.

Тема экономических санкций также выдвинулась в одну из центральных, если не центровую, во внешнеполитической полемике Китая и США по украинскому вопросу. Это очевидным образом видно и по американской позиции. Именно по этому вопросу в марте – апреле 2022 г. МИД КНР наиболее часто по-

лемизировал с ключевыми фигурами администрации США – Э. Блинкеном, Дж. Йеллен, и с авторами публикаций в американских СМИ [11]; [10]; [12]; [13].

В марте 2022 г. состоялись онлайн-переговоры Дж. Байдена и Си Цзиньпина, в которых тема украинского кризиса являлась ключевой. Как свидетельствуют и американские, и китайские пресс-релизы этой встречи, вопрос о потенциальных «ограничительных» мерах в адрес КНР в случае более продвинутой поддержки Пекином России в украинском кризисе обсуждался весьма предметно [4]; [5].

Американские власти, в целом, не считают, что Китай занимает нейтральную позицию в войне России и Украины. В частности, об этом заявил госсекретарь США Энтони Блинкен по итогам переговоров с министром иностранных дел Китая Ван И в июле 2022 г. Он отметил, что поддержка, которую Китай оказывает России, наиболее очевидна в ООН, а также в том, как китайские государственные СМИ продвигают российскую пропаганду. [14]

Если в пропагандистском плане ответ китайской стороны на возможное санкционное давление США понятен и предсказуем, – решительный отпор и неприятие, то в практической плоскости ситуация далеко не однозначна [6]; [7]. Китайским банкам и экономическим контрагентам КНР есть что терять в ходе возможных «вторичных» американских санкций по украинскому вопросу даже в условиях нынешнего «посттрамповского» зажима экономических связей. Речь идёт о целостном доступе на американский, европейский и другие региональные рынки, доступе к западным финансовым ресурсам и стабильности банковских операций, сохранности китайских валютных и иных резервов под контролем Вашингтона, дальнейших ограничениях в технологических обменах с США.

Китайские экономические игроки очень внимательно и настороженно относятся к американским санкционным угрозам. В ряде случаев, не афишируя это, фирмы КНР не идут на те меры в адрес РФ, в результате которых им грозили бы «вторичные» американские санкции. Так, крупные российские банки, которые оказались под блокирующими ограничениями Запада, пока не могут выпускать карты китайской платёжной системы «Юнион пэй» (*Union Pay*), так как эта система опасается риска санкций. Об этом сообщило российское агентство РБК со ссылкой на свои источники в крупных банках, в частности в Сбербанке, Альфабанке [8]. Также из магазина приложений «Апп гэлери» (*App Gallery*) китайской компании «Хуавэй» (*Huawei*) удалили приложения российских банков, попавших под блокирующие санкции ЕС, – ВТБ, «Открытие» и Промсвязьбанка. «Хуавэй» отключила поддержку карт «Мир», о чём стали сообщать владельцы устройств компании [9].

Конфликт на Украине, «ковровые» западные санкции против РФ неизбежно повлияли на динамику и содержание российско-китайской торговли. На отрезке март – май 2022 главными тенденциями в этой торговле стало отсутствие ожидаемого роста российского импорта из КНР и достаточно ощутимый рост стоимо-

сти экспорта РФ, в первую очередь, за счёт растущих мировых цен на энергоресурсы – ключевого сегмента российских поставок. Падение российского импорта объясняется общим снижением потребительского спроса и платёжеспособности в РФ в контексте санкционных стрессов для российской экономики, общим удорожанием конечной продукции китайских производителей и сложностями логистического и транспортного характера в условиях военного конфликта. За январь-май текущего года объем импорта Китая из России составил 41,3 млрд. долларов; темп прироста к прошлому году составил +46,5%, что намного выше, чем средний темп прироста всего импорта Китая (+6,6%). Экспорт РФ за этот же период составил 24,6 млрд. долларов, а темп прироста оказался +7,2 %, что существенно ниже среднего уровня прироста по мировому экспорту КНР (+13,5 %) [15]. В мае 2022 г. по сравнению с апрелем поток китайских товаров увеличился на 13,7%, что можно рассматривать как некий признак адаптации к создавшемуся положению. Однако в то же время, по мнению аналитиков, эффекта замещения выпавших поставок из стран Европы в Россию за счёт китайской продукции пока не наблюдается. [16]

По мнению посла России в КНР А. Денисова, Китай готов заменить иностранных производителей в сфере технологий, микроэлектроники и автомобилей на российском рынке, но для этого нужно какое-то время. [17]

Ещё одной горячей темой, вокруг которой идёт интенсивная полемика Китая и США в связи с российско-украинским кризисом, является тема Тайваня. США, очевидно, стремятся оказать нажим на Китай по тайваньскому вопросу. Вашингтон старается подвести Пекин к заключению, что в нынешних условиях горячего конфликта на востоке Европы Китаю было бы нецелесообразно обострение ситуации в Тайваньском проливе. Вашингтон насторожен тем, что КНР может рассматривать такое обострение как косвенную поддержку Москвы, как отвлечение западного внимания и ресурсов на тихоокеанском направлении. Китай, в свою очередь, проводит традиционную линию, исходящую из того, что вопрос Тайваня – внутренняя проблема Китая, которая принципиально отличается от российско-украинского конфликта, где речь идёт о конфликте двух суверенных государств [10].

В период обострения отношений США – КНР при трамповской администрации в отношениях «малого треугольника» (Вашингтон – Пекин – Тайбей) происходило нарастание напряжённости, мотивированное обоюднo, но в большей степени американской стороной. Проявлением этого обострения стала возросшая военная активность НОАК в Тайваньском проливе, рост настроений в пользу «независимости» в предвыборный период на Тайване, повышение уровня и интенсивности официальных контактов между США и Тайбеем. Последнее особенно раздражает Пекин, который рассматривает это как принципиальный отход США от линии трёх основополагающих китайско-американских ком-

мюнике и политики «одного Китая». В апреле 2022 г. визит на Тайвань планировала осуществить спикер нижней палаты Конгресса США Н. Пеллоси (это был бы визит самого высокого официального лица США за весь период разрыва дипломатических отношений с Тайванем в 1971 г.), однако впоследствии визит был отменён.

15 июня 2022 года состоялся телефонный разговор Си Цзиньпина и В.В. Путина, второй по счёту с момента начала спецоперации. В ходе беседы Си Цзиньпин подчеркнул, что китайская сторона в украинском кризисе неизменно исходит из всей его исторической сложности и многообразности, делает самостоятельные и независимые выводы, активно способствует миру во всем мире, способствует стабильному порядку в глобальной экономике [18]. Наблюдатели обратили внимание на нюансы в изложении этого разговора официальными пресс-службами обеих стран. В частности, в российской версии отмечается, что лидеры двух стран затрагивали вопросы «дальнейшего развития военных и военно-технических связей». В китайском тексте этот пункт не упомянут. В части, относящейся к ситуации вокруг Украины, в российской версии говорится, что «Председатель КНР отметил правомерность предпринимаемых Россией действий по защите коренных национальных интересов перед лицом созданных внешними силами вызовов ее безопасности». В китайском варианте данный пассаж отсутствует. [19]

Позиция КНР по российско-украинскому вопросу находится в определённой динамике, как и сам российско-украинский конфликт. В ней возможны новые повороты и нюансы. Эта динамика отражает как острый и всеобъемлющий характер конфликта, неясные перспективы его разрешения и влияния на международную систему, так и сложную гамму китайских внешнеполитических интересов, затронутых противостоянием в Восточной Европе.

ИСТОЧНИКИ

1. China's foreign trade hits new high in 2021 // The State Council the People's Republic of China // *Statistics*. Available at: http://english.www.gov.cn/archive/statistics/202201/14/content_WS61e11577c6d09c94e48a3a0a.html (accessed: 15.04.2022).
2. Foreign Ministry Spokesperson Zhao Lijian's Regular Press Conference on April 1, 2022. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/202204/t20220401_10663214.html (accessed: 15.04.2022).
3. Rising to Challenges and Building a Bright Future Through Cooperation Key-note Speech by Xi Jinping President of the People's Republic of China At the Opening Ceremony of the Boao Forum for Asia. Annual Conference 2022. Beijing, 21 April 2022. Available at:

https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/202204/t20220421_10671081.html (accessed: 15.04.2022).

4. President Xi Jinping Has a Video Call with US President Joe Biden. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/202203/t20220319_10653207.html (accessed: 15.04.2022).

5. Background Press Call by a Senior Administration Official on President Biden's Call with President Xi Jinping of China. March 18, 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/press-briefings/2022/03/18/background-press-call-by-a-senior-administration-official-on-president-bidens-call-with-president-xi-jinping-of-china/> (accessed: 15.04.2022).

6. Foreign Ministry Spokesperson Zhao Lijian's Regular Press Conference on April 11, 2022. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/20204/t20220411_10666750.html (accessed: 15.04.2022).

7. West losing its head on sanctioning Russia / By Mei Xinyu / *China Daily*. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202204/01/WS62464340a310fd2b29e548c4.html> (accessed: 15.04.2022).

8. Union Pay придерживает российскую эмиссию // *РБК*. Available at: <https://www.rbc.ru/newspaper/2022/04/21/625ffd519a7947196d66f36c>

9. Huawei отключила поддержку карт "Мир" в фирменном магазине приложений // *Интерфакс*, 12 апреля 2022. Available at: <https://www.interfax.ru/world/834537> (accessed: 15.04.2022).

10. Foreign Ministry Spokesperson Zhao Lijian's Regular Press Conference on April 7, 2022. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/20204/t20220407_10665501.html (accessed: 15.04.2022).

11. Yellen Says U.S. Would Use Sanctions If China Invaded Taiwan // *Bloomberg*, 6 April 2022. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-04-06/yellen-says-u-s-would-use-sanctions-if-china-invaded-taiwan>

12. Secretary Antony J. Blinken with Steve Inskeep of NPR's Morning Edition // Interview Antony J. Blinken, Secretary of State, Washington, D.C. // March 16, 2022. Available at: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-with-steve-inskeep-of-nprs-morning-edition/>

13. Foreign Ministry Spokesperson Zhao Lijian's Regular Press Conference on March 17, 2022. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/20203/t20220317_10652759.html

14. US concerned at China's 'alignment' with Russia, Blinken says. Available at: <https://edition.cnn.com/2022/07/10/world/us-china-blinken-wang-yi-russia-ukraine-trade-intl-hnk/index.html> (accessed: 01.07.2022)

15. Обзор событий в Китае 27 июня-3 июля 2022 Под. ред С.Цыплакова. Институт исследований и экспертизы ВЭБ.РФ. Available at: http://inveb.ru/attachments/article/845/_%D0%9E%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80_27_06-03_07_2~.pdf (accessed: 01.07.2022)

16. Обзор событий в Китае 30 мая -13 июня 2022 Под. ред С. Цыплакова. Институт исследований и экспертизы ВЭБ.РФ. Available at: http://inveb.ru/attachments/article/834/_%D0%9E%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80_30_05-13_06_2~.pdf (accessed: 01.07.2022)

17. Китай приготовился заменить производителей автомобилей и электроники в России// Московский комсомолец 24.06.2022. Available at: <https://www.mk.ru/economics/2022/06/24/kitay-prigotovilsya-zamenit-proizvoditeley-avtomobiley-i-elektroniki-v-rossii.html> (accessed: 01.07.2022)

18. Си Цзиньпин провел телефонный разговор с В. Путиным. Available at: <http://russian.people.com.cn/n3/2022/0616/c31521-10110339.html> (accessed: 01.07.2022)

19. Обзор событий в Китае (14 - 19 июня 2022) Под. ред С.С. Цыплакова. Институт исследований и экспертизы ВЭБ.РФ. Available at: http://inveb.ru/attachments/article/837/_%D0%9E%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80_14-19_06_2022~.pdf (accessed: 01.07.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ТРУШ Сергей Михайлович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института США и Канады РАН (ИСКРАН).
Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., 2/3.

Sergei M. TROUSH, Can. Sci. (History), Leading Researcher, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences.
2/3 Khlebny per., 121069 Moscow, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 12.05.2022.

Поступила после рецензирования / Revised 23.05.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 25.05.2022.

JEL: O57

УДК: 327

DOI: 10.31857/S268667302208003X

EDN: GTVMPI

Американо-китайские отношения и борьба за мировое технологическое лидерство

А.В. Волошина

Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН).

Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32.

Researcher ID: AAN-4210-2021 ПИНЦ ID: 915311

ORCID: 0000-0002-7508-8735 e-mail: anna-voloshina1136a@yandex.ru

Резюме: За последние годы отношения КНР и США прошли через серьёзную трансформацию. На смену провозглашаемому прежде движению к «конструктивному стратегическому партнёрству» пришло «стратегическое соперничество», и одной из ключевых «арен» разворачивающейся конкуренции стала сфера технологий. Автор утверждает, что интересы, которыми руководствуются США и КНР, включившись в инновационную гонку, выходят далеко за пределы экономики. В статье рассматривается роль, которую способность к инновациям играет в подъёме наций, освещается путь, который две страны прошли в своём технологическом развитии, и анализируются подходы США и КНР по «хеджированию» исходящих друг от друга рисков.

Ключевые слова: КНР, США, технологическая гонка, лидерство, инновации, НИОКР, технопарки

Для цитирования: Волошина А.В. Американо-китайские отношения и борьба за мировое технологическое лидерство. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2022; 52(8):36-50. DOI: 10.31857/S268667302208003X EDN: GTVMPI

The US-China Relations and the Struggle for Global Technological Supremacy

Anna V. Voloshina

Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences.

32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation.

Researcher ID: AAN-4210-2021 ПИНЦ ID: 915311

ORCID: 0000-0002-7508-8735 e-mail: anna-voloshina1136a@yandex.ru

Abstract: In recent years, the PRC-U.S. relations have gone through a major transformation. The previously proclaimed movement towards a “constructive strategic partnership” has been replaced by a “strategic competition”, and technology has become one of the key “arenas” for the unfolding rivalry. The author argues that the interests behind the US and PRC decisions to join the innovation race are far from being merely economic. Works in the field of international relations have recognized that innovativeness of a nation and the possibility of its ascent to global preeminence are deeply interconnected. As major technological innovations change the balance of power between the leading states, technological progress of a rising state

could be seen by a dominant state as a threat to its national security or to its preferred international order. This generates great-power rivalry, where a dominant state might attempt to impede the rise of a developing nation. This understanding allows to look at current dynamics in US-China relations from a new angle. The article highlights the paths that the United States and China have taken in their technological development, examines the progress made, and analyzes the approaches the American and Chinese leaders have taken to reduce the risks their countries face in the context of this rivalry. The author argues that winning the technological race is a national priority of the both countries as leadership in advanced technologies will have a decisive effect on their national security, future competitiveness, and status on the world stage.

Keywords: PRC, USA, technological race, leadership, innovations, R&D, technological clusters

For citation: Voloshina A.V. The US-China Relations and the Struggle for Global Technological Supremacy. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2022; 52(8):36-50.

DOI: 10.31857/S268667302208003X EDN: GTVMPI

ВВЕДЕНИЕ

Конкуренция в сфере технологий является одним из ключевых факторов, которые определяют развитие китайско-американских отношений на десятилетия вперед. Видные мировые эксперты в области международных отношений уже указывают на то, что сегодня «соперничество [США] с Китаем разворачивается не просто или даже не столько на старых геополитических "фронтах", сколько в лабораториях, в информационных кампаниях, на технологических платформах» [Ikenberry, 2020]. Огромное значение, которое придаёт технологическому развитию руководство двух стран, очевидно. Как отметил председатель КНР Си Цзиньпин, выступая на конференции Китайской академии наук 28 мая 2021 г., «технологические инновации стали главным полем битвы в международной стратегической игре, и конкуренция за командные высоты науки и техники никогда не была более ожесточённой» [1]. Рассуждая о будущем отношений США и КНР, советник по национальной безопасности президента США Дж. Салливан признал, что многое будет зависеть от того, кто из них станет мировым лидером в таких ключевых технологиях будущего, как искусственный интеллект, квантовые вычисления, биотехнологии, чистая энергетика и многих других [2].

В данной статье предпринимается попытка исследования набирающей обороты технологической гонки двух крупнейших мировых держав. Для этого ставятся следующие задачи: во-первых, рассмотреть роль инноваций в подъёме наций с точки зрения теории международных отношений; во-вторых, дать обзор пути, который прошли в своём технологическом развитии США и КНР, отметив имеющиеся успехи и вызовы, с которыми сталкиваются страны; в-третьих, рассмотреть подходы двух стран к «хеджированию рисков» в сфере технологической безопасности в условиях нарастающего конфликтного потенциала и сделать вывод о перспективах их отношений.

ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ О РОЛИ ИННОВАЦИЙ В РАЗВИТИИ НАЦИЙ

Оглядываясь на историю человечества, по меньшей мере, двух последних тысячелетий, мы видим, что экономическое и политическое лидерство на мировой арене было динамичным феноменом – ни одной нации не удалось вечно удерживаться на вершине своего могущества.

Относительно недавно политическая наука стала признавать, что способность к технологическим инновациям играет ключевую роль в процессе подъёма великих держав и в целом в международных отношениях. Так, в 1970-е годы американский учёный Роберт Гилпин отметил, что значительные технологические прорывы дают стране возможность достижения политического лидерства [Gilpin, 1975]. Позднее тесная связь между технологическими сдвигами, изменениями в мировой экономике и международной политике была признана в рамках мир-системного подхода, предложенного Фернаном Броделем и Иммануилом Валлерстайном, и подхода, основанного на анализе циклов Кондратьева. Уильям Томпсон и Джордж Модельски, сторонники теории длинных циклов, в своей работе «Ведущие секторы и мировые державы: коэволюция мировой экономики и политики» продемонстрировали, что прорывы в технологическом развитии приводят к сдвигам в мировом политическом лидерстве: инновационная деятельность развивающихся стран в новых промышленных отраслях, или «ведущих секторах», становится базисом для роста их экономической и военной мощи, позволяя им выйти в ранг великих держав [Modelski & Thompson, 1996].

Профессор Школы бизнеса им. Г. Маршалла при Университете Южной Калифорнии Джерард Теллис и доцент Школы бизнеса и менеджмента им. Г. Глейзера при Университете Бен-Гуриона Став Розенцвейг на конкретных исторических примерах рассматривают, как инновационные прорывы позволили различным народам вырваться вперед в своём развитии в разные периоды времени (табл. 1).

Таблица 1

Трансформационные инновации и подъём наций

Годы	Государство	Трансформационные инновации	Предшествовавшая технология	Результат
100+ (до нашей эры)	Рим	Бетон	Камень, кирпич	Римская империя
1200+ (наша эра)	Монголия	Бой с использованием быстрой, мобильной конницы	Рыцарская конница в доспехах	Монгольская империя

1400+	Китай	Технологии и приборы для морской навигации.		Китайское доминирование в торговле с Юго-Восточной Азией, Индией, Аравией, Африкой
1400	Венеция	Галера, Арсенал*		Венецианская империя
1500 +	Португалия	Каравелла		Португальская империя
1600 +	Нидерланды	Голландский флейт, лесопилка	Каравелла	Голландская империя
1700+	Англия	Патентная система, прядильная машина, паровой двигатель	Основанное на ручном труде прядение, ткачество, горное дело, парусное /весельное судоходство	Британская империя
1800+	США	Американское массовое производство	Технологии 1-й индустриальной революции	США как сверхдержава

* Венецианский Арсенал – комплексное предприятие для постройки и оснащения боевых кораблей, включающее кузницы, судовой верфи, оружейные склады и различные мастерские.

Tellis, G., Rosenzweig, S. How transformative innovations shaped the rise of nations (2018)

По мнению исследователей, главными «трамплинами» для взлёта этих государств стали так называемые трансформационные, или преобразующие инновации. Трансформационная инновация – это отличный от всех существовавших ранее продукт или процесс, во-первых, в основе которого лежит совершенно новая технология и, во-вторых, использование которого даёт больше преимуществ по сравнению с использованием предшествующих продуктов или процессов [Tellis & Rosenzweig, 2018].

Трансформационные инновации обеспечивают скачок в конкурентоспособности нации: повышая производительность труда и стимулируя технологические прорывы в других областях, они ускоряют экономическое развитие страны, способствуют росту её благосостояния и в итоге её восхождению на вершину мирового лидерства.

Признание политической наукой значения, которое играют инновации в подъёме наций, меняет наше представление о самом процессе этого подъёма, утверждают исследователи Австралийского национального университета Энд-

рю Кеннеди и Даррен Лим. Их взлёт больше не представляется как нечто само собой разумеющееся, это серьёзный вызов. Сможет ли страна «догнать и перегнать» развитые государства будет зависеть от её способности к технологическим инновациям. Критически важно это становится на этапе, когда государство подходит к так называемой «ловушке среднего уровня доходов» – страна с экспортно-ориентированной моделью развития экономики теряет свои конкурентные преимущества на мировом рынке в связи с ростом заработной платы своей рабочей силы и повышением цен на производимую продукцию. Для обеспечения устойчивого экономического роста такой стране больше недостаточно использования заимствованных технологий – она обязана предложить миру новые продукты и процессы. Если государство стремится войти в число ведущих мировых держав, инновационный поиск должен стать его главным национальным интересом. Это и есть «инновационный императив», стоящий перед всеми развивающимися странами, считают Кеннеди и Лим.

Важным следствием этой гонки за инновациями может стать появление напряжённости в отношениях с доминирующей державой. Если последняя увидит в технологическом прогрессе развивающейся державы угрозу интересам своей национальной безопасности или вызов поддерживаемому ей мировому порядку, она станет тормозить подъём этого государства [Kennedy & Lim, 2018].

История знает множество подобных случаев. Например, в начале XIX века Британия делала всё возможное, чтобы не допустить передачу Америке своих технологий производства текстиля, чугуна и стали, вводя технологическое эмбарго и запрет на эмиграцию экспертов в этих областях.

Так же, как политики в США сегодня обеспокоены Китаем, американцы в 1980-х годах были обеспокоены подъёмом Японии – на тот момент второй экономики мира. США инициировали общим счётом 24 официальных расследования в рамках Статьи 301 закона «О торговле» 1974 г. в отношении японского экспорта. Удары были нацелены на наиболее конкурентоспособные промышленные отрасли Японии, в частности полупроводники, компьютеры, телевизоры, автомобили и мотоциклы.

Теоретическое осмысление роли технологий в соперничестве между растущей и господствующей державами позволяет под новым углом взглянуть на сегодняшнюю динамику в американо-китайских отношениях.

США И КНР: ПУТЬ К ИННОВАЦИЯМ

На протяжении четверти века после окончания Второй мировой войны Соединённые Штаты являлись мировым технологическим лидером по широкому спектру направлений.

Рассуждая о том, на чём же базировалось американское технологическое лидерство, профессор Колумбийского университета Ричард Нельсон и профессор Стэнфордского университета Гэвин Райт выделяют два фактора [Nelson &

Wright, 1992]. Во-первых, это лидерство в отраслях массового производства, которое, в свою очередь, было обусловлено уникальным историческим доступом к природным ресурсам и крупнейшему в мире внутреннему рынку. Эта «давний» фактор, берущий своё начало ещё с XIX века. Хотя в то время Соединённые Штаты не были мировым лидером ни в науке, ни в использовании наукоёмких технологий, в стране была создана база для последующего рывка. Развитие массового производства позволило крупным американским предприятиям освоить технологии, которыми не владели другие страны и не могли овладеть без значительных затрат времени и усилий. Более того, вынужденные решать возникающие проблемы своего производства и улучшать производимую продукцию, предприятия стали центрами непрерывного прикладного технологического поиска и инноваций.

Вторым и главным компонентом стало завоеванное американцами лидерство в высокотехнологичных отраслях после окончания Второй мировой войны, главным образом благодаря началу масштабного финансирования и активной поддержки НИОКР государством. Научно-технический рывок США того времени во многом связан с именем Вэнивару Буша. В 1940 г. на фоне разворачивавшейся в Европе Второй мировой войны он, в то время руководивший Институтом Карнеги, представил президенту Франклину Рузвельту предложения по координации военных исследований в стране. Это привело к созданию 27 июня 1940 г. Национального комитета оборонных исследований (НКОИ) и через год, 28 июня 1941 г., Управления научных исследований и разработок, включившего в себя НКОИ и взявшего на себя основные функции Комитета. Эта структура стала уникальным экспериментом командной работы и сотрудничества федеральных органов власти, университетов и частных компаний в координации научных исследований и применении полученных научных знаний для решения военных задач.

Основываясь на опыте тех лет, в 1945 г. В. Буш уже в качестве советника президента по науке представляет доклад «Наука – бесконечный рубеж», где ставит перед правительством следующие задачи: 1) осуществлять всестороннюю поддержку фундаментальных исследований и, соответственно, колледжей, университетов и исследовательских центров; 2) способствовать увеличению числа квалифицированных кадров, расширить доступ населения к получению высшего научно-технического образования через предоставление стипендий, направлять на обучение военные кадры; 3) активизировать прикладные исследования правительства и промышленности. Для этого: увеличить переток туда новых научных знаний, полученных в результате поддержки фундаментальных исследований, обеспечить доступ к результатам фундаментальных исследований как можно большего количества отраслей, оказывать помощь в развитии научных кадров. Также правительству необходимо создать стимулы для проведения ис-

следований частным сектором путём совершенствования налогового и патентного законодательства.

Все основные идеи доклада В. Буша были реализованы на практике. Так, с конца Второй мировой войны до 1970-х годов на фоне разворачивавшейся конкуренции с Советским Союзом США вкладывали огромные средства в науку и технику, включая фундаментальные исследования. В 1960 г. на долю Америки приходилось 69% общемировых расходов на НИОКР [3]. Правительство при этом являлось главным «спонсором», вкладывая примерно в 2 раза больше средств, чем частный сектор. На пике, в 1964 г., государственное финансирование составляло около 2% ВВП США, что сейчас эквивалентно 400 млрд долл. (для сравнения: в 1938 г. этот показатель составлял 0,076% ВВП) [Gruber & Johnson, 2019].

Правительство предприняло шаги по облегчению доступа населения к высшему образованию, профинансировало обучение военных ветеранов, тем самым решив проблему нехватки научно-технических кадров.

Чтобы стимулировать распространение знаний и, как следствие, инновационную деятельность, правительство начало более активно использовать федеральные средства для поддержки сотрудничества между государственными научно-исследовательскими институтами, университетами и предприятиями, Закон Бэя – Доула 1980 г. позволил университетам, другим некоммерческим организациям, предприятиям малого бизнеса иметь в собственности федеральные изобретения, получать доход от патентов и лицензий и делить прибыль с изобретателями. Закон Стивенсона – Уайлдера о технологических инновациях 1980 г. обязывал федеральные лаборатории ускорить передачу технологий университетам и промышленности. Закон о развитии инноваций малого бизнеса 1982 г. предусматривал поддержку малых инновационных компаний, поощрял их участие в федеральных исследованиях и разработках и поддерживал передачу им технологий. Государственные закупки и налоговые льготы должны были создать дополнительный стимул для частного сектора.

Таким образом, основой послевоенного технологического взлёта США стала синергия трёх компонентов: участия правительства, незаменимого субъекта в деле построения инновационной экосистемы через эффективное взаимодействие с университетами и предприятиями и финансировании НИОКР (особенно фундаментальных и долгосрочных, капиталоемких исследований); научной и исследовательской работы университетов, лабораторий и исследовательских центров – именно они были платформой для проведения фундаментальных исследований и непрерывно расширяли границы знания, ведя к будущим научным революциям; лидерства в массовом производстве и инновационности частных компаний – частный сектор мог обнаружить наиболее перспективные идеи для инвестиций, превратить их в конкретные разработки и коммерчески выгодные продукты. Тесное взаимодействие научного и производственного сек-

торов на фоне правительственной поддержки и притока новых квалифицированных кадров нашло своё отражение в становлении успешных технологических парков на территории США – центров инновационного роста американской экономики. Благодаря такой стратегии развития в стране были созданы новые отрасли промышленности с годовым доходом в сотни миллиардов долларов; американские компании стали мировыми лидерами в авиационной, компьютерной и микроэлектронной промышленности; университеты США превратились в мировые научные и образовательные центры, привлекающие одну треть всех иностранных студентов в мире [樊春良, 2020].

Однако к концу XX – началу XXI века стало очевидно, что «опоры» технологического лидерства США теряют устойчивость. Первая опора пошатнулась, когда после установления Бреттон-Вудской системы мир превратился в «общий рынок», как в плане сырьевых, так и потребительских и производственных товаров. Преимущества в массовом производстве, которыми долгое время обладали американские производители – дешёвое сырьё и более или менее эксклюзивный доступ к своему крупнейшему в мире рынку испарились. Американцы уступили другим странам не только в общей производительной мощи (так, в 2010 г. Китай обогнал США, став крупнейшим производителем в мире), но и в некоторых ключевых высокотехнологичных секторах их традиционного лидерства (например, Китай обогнал США по общему объёму производимых микрочипов, а чипы самого последнего поколения производят две компании, тайваньская TSMC и южнокорейская Samsung).

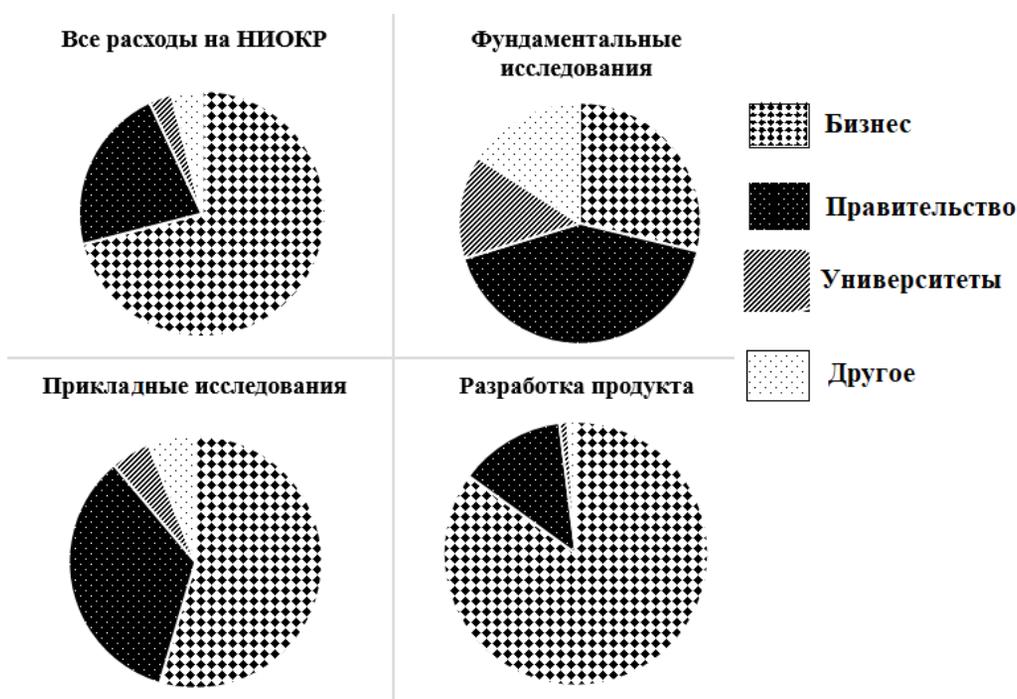
Вторая «опора» пошатнулась, когда остальные страны стали догонять Соединённые Штаты по уровню инвестиций в НИОКР. С 1960 по 2019 г. доля расходов США в мировых исследованиях и разработках упала до 30%. Всё ближе по уровню затрат на НИОКР к американским позициям подбирается Китай: в 2020 г. общее финансирование исследований и разработок в Китае составило 574,40 млрд долл. (с учётом паритета покупательной способности – ППС), в то время как в США – 580,20 млрд долл. (с учётом ППС). Данные за 2021 г. пока носят предварительный характер, но некоторые прогнозы утверждают, что затраты Китая уже перегнали США [4].

Профессоры Массачусетского технологического института Джонатан Грубер и Саймон Джонсон считают, что самую серьёзную проблему представляет сокращение финансируемых государством исследований относительно размера экономики США [Gruber & Johnson, 2019]. Если в 1964 г., как было указано выше, федеральное финансирование НИОКР составляло около 2% ВВП Америки, то к 2019 г. оно сократилось до 0,6% ВВП. Доля федерального правительства в общем объёме расходов на исследования и разработки в США упала с 65% до 21% соответственно. В настоящее время более 70% НИОКР в США финансируются бизнесом [3]. Проблема заключается в том, что практически половина фундаментальных исследований ведётся на государственные инвестиции, частный сектор

вкладывает большую часть своих средств в финансирование прикладных исследований и в разработку продукта как коммерчески более выгодные стадии (см. рис.).

Сокращение участия правительства в инновационной активности и передача им части своих полномочий в руки бизнеса привели к тому, что инновационная «триада», созданная в послевоенный период, начала давать сбои.

Расходы США на НИОКР по характеру и сектору (2019 г.)

Congressional Research Service (<https://crsreports.congress.gov>).

В это время одним из ключевых игроков в области исследований и разработок становится Китай. История успеха КНР – это во многом история беспрецедентной мобилизации ресурсов для развития науки и техники, позволившей за семь десятилетий пройти путь, на который другие страны тратили столетия.

В 1950-е годы Китай был аграрной страной, истощенной многолетними войнами с Японией и гражданскими конфликтами. Технологический прогресс значительно отставал от мирового, коммунистическая страна оказалась изолирована от доступа к технологиям передовых западных держав. Однако уже в первые два десятилетия своего существования благодаря, в частности, возвращению в КНР из-за рубежа крупных учёных (таких как Дэн Цзясянь, который вернулся из

США в 1950 г., впоследствии стал разработчиком китайских атомной и водородной бомб, и Цянь Сюэсэнь, который вернулся из США в 1955 г., возглавил китайскую космическую программу и стал известен как «отец китайской космонавтики») и значительной помощи, оказываемой СССР, Китай совершает важные прорывы, среди которых: разработка ЭВМ на электронных лампах (1958 г.), испытание атомной (1964 г.) и водородной (1967 г.) бомб, запуск искусственного спутника Земли (1970 г.), искусственный синтез бычьего инсулина (1965 г.).

Прогресс, приостановленный «культурной революцией», с новой силой был запущен новым, пришедшим в 1978 г. руководством КНР во главе с Дэн Сяопином. С изменением стратегической обстановки и сближением со странами Запада страна начинает осваивать мировые технологические разработки и изучать международный опыт НИОКР.

Поворотным моментом становится стратегия, базировавшаяся на тезисе Дэн Сяопина о том, что «наука и техника являются первой производительной силой». Правительством был взят курс на интеграцию промышленности, университетов и научно-исследовательских институтов (НИИ) и коммерциализацию технических достижений.

Успешный опыт США в синергии производства и исследований, образцами которого служили Кремниевая долина и бостонское «Шоссе 128», был взят Китаем в качестве модели для создания собственных технологических парков. Эта страница в истории КНР началась с имени Чэнь Чуньсяня, профессора Института физики Китайской академии наук. В 1979 г. он посетил Кремниевую долину и бостонское «Шоссе 128», а через год подготовил предложение о превращении Чжунгуаньцуня – района на севере Пекина, места сосредоточения многих китайских вузов и НИИ – в китайскую «Кремниевую долину». Так появился на свет первый китайский парк высоких технологий. На базе этого успешного опыта правительство в 1988 г. разработало программу «Факел». Её целью стало строительство научно-технологических промышленных парков, где НИИ, университеты и компании-стартапы смогут тесно сотрудничать для выведения технологий и наукоёмкой продукции на рынок. Параллельно китайское правительство предприняло усилия по разработке программ, охвативших все аспекты научно-технической деятельности страны: комплексная программа «Овладение научно-техническими вершинами» (1982 г.); программы Национального фонда естественных наук и Программа фундаментальных исследований (Программа 973) (с 1997 г.), направленные на поддержку фундаментальных исследований; Национальная программа исследований и разработок в области ключевых технологий (с 1983 г.), Программа исследований и разработок в области высоких технологий (Программа 863) (с 1986 г.); программа «Искра», нацеленная на использование науки и технологий для содействия экономическому развитию сельских районов (с 1986 г.). Были усовершенствованы патентное законодательство и законы о технологических контрактах, создана система многоканального финан-

сирования НИОКР, система поддержки малых предприятий, предоставления налоговых льгот, разработаны программы возвращения высококвалифицированных кадров и привлечения талантов из-за рубежа и т.д.

Сейчас в Китае насчитывается 169 высокотехнологических зон. В 2019 г. эти парки обеспечили 12,3% ВВП Китая и 11,8% налоговых поступлений в бюджет [Yang, etc., 2022]. Объединив усилия правительства, научных центров и бизнеса, Китай построил собственную модель инновационной «триады», которая отличается активной ролью правительства и способностью мобилизовать значительные ресурсы для достижения определённых задач.

Согласно отчёту Всемирной организации интеллектуальной собственности за 2021 г., Китай занимает 12-е место среди самых инновационных экономик мира, лидируя по таким параметрам, как патенты, полезные модели, товарные знаки, промышленные образцы и экспорт творческих товаров (для сравнения: в 2009 г. страна занимала 43-е место в рейтинге) [5]. КНР лидирует в ряде ключевых технологий XXI века: в таких сферах искусственного интеллекта как распознавание лиц, обработка естественного языка; в квантовых коммуникациях и квантовых вычислениях; устанавливает стандарты для технологий блокчейна, Интернета вещей, связи пятого поколения (5G); в стране уже почти в 2 раза больше суперкомпьютеров, чем в США; она на передовой космических и глубоководных исследований.

НОВАЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ГОНКА: АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Долгое время США не рассматривали Китай как конкурента, способного бросить вызов их технологическому лидерству. Эта ситуация стала меняться примерно во время второго президентского срока Б. Обамы. Чтобы преломить негативные для своей страны тенденции, правительство США действует по нескольким направлениям.

Во-первых, предпринимаются усилия по повышению собственной конкурентоспособности. Так как китайский прогресс в военной, аэрокосмической, информационно-коммуникационной сферах поставил под угрозу американскую способность проецирования мощи далеко вовне, в 2014 г. Министерство обороны США выдвигает третью стратегию компенсации, направленную на стимулирование технологических инноваций в ряде критически важных областей. Администрация Д. Трампа в рамках Стратегии национальной безопасности США 2017 г. и Национальной стратегии в области ключевых и новых технологий 2020 г. вводит понятие «инновационной базы национальной безопасности» – сложившейся сети академических институтов, национальных лабораторий и частного сектора – и ставит задачу защиты и дальнейшего развития этой экосистемы. В этих же документах были определены отрасли, имеющие критическое значение для экономического роста и национальной безопасности страны (наука о данных, шифрование, автономные технологии, редактирование ге-

нов, новые материалы, нанотехнологии, передовые компьютерные технологии, ИИ и т.д.) и поставлена цель сохранения в них американского доминирования. Наиболее масштабное усилие для возрождения инновационной «триады» и повторения её успеха предпринимает администрация Дж. Байдена, призывая Конгресс принять Закон о повышении конкурентоспособности Америки, который по состоянию на июль 2022 г. находится на этапе согласования принятых Сенатом и Палатой представителей версий. Этот законопроект предусматривает вливание в течение пяти лет 190 млрд долл. (из общей суммы в 250 млрд) в полупроводниковую промышленность США, высокотехнологичные секторы, исследовательские центры и университеты. Отдельным приоритетом команды Дж. Байдена стало снижение зависимости Вашингтона от цепочек поставок, завязанных на КНР (высокотехнологичная индустрия США стратегически зависит от Китая в поставках редкоземельных металлов (на 68%), марганца (на 66%), вольфрама (на 55%) и литий-ионных аккумуляторов (на 51%) [Rogers, etc., 2020]), и наращивание производства ключевой продукции внутри США.

Следующим направлением стало принятие мер, направленных на блокирование доступа Китая к технологиям, которые контролируют США. Под предлогом соображений национальной безопасности или нарушения прав человека ряд технологических компаний КНР были внесены в «чёрные списки» юридических лиц Министерства торговли США, что привело к запрету на экспорт американской продукции и технологий этим компаниям. В настоящее время в этом списке находятся около 300 китайских компаний. Правительство США планирует расширить координацию с союзниками и партнёрами для осуществления коллективного экспортного контроля в отношении КНР. Технологические компании, которые, как утверждалось, имели связи с Народно-освободительной армией Китая, были внесены в «чёрный список» Министерства обороны США, что ограничило торговлю и владение акциями этих компаний в Америке. В 2018 г. правительство реформировало Комитет по иностранным инвестициям, расширив его полномочия по надзору за инвестициями в критически важные американские компании и технологические стартапы и по блокированию сделок даже в случаях покупки неконтролирующего пакета акций. Были введены ограничения на американо-китайские академические обмены и выдачу виз китайским студентам. Ряд китайских и американских исследователей были арестованы ФБР по обвинению в шпионаже в рамках так называемой «Китайской инициативы» Министерства юстиции США, действовавшей с ноября 2018 г. по февраль 2022 года.

Были предприняты попытки по блокированию доступа ведущих китайских технологических компаний (*Huawei*, *ZTE*, *Alibaba*, *Baidu*, *China Mobile*, *China Telecom*, *Tencent*) к американскому и мировому рынку в рамках инициативы «Чистая сеть» (инициатива Госдепартамента США от 2020 г.), призывавшей исключить китайские фирмы из числа поставщиков телекоммуникационного оборуду-

дования; китайские приложения – из магазинов мобильных приложений; удалить приложения из магазина приложений «Хуавей» (*Huawei*); отказаться от использования облачных систем китайских компаний и от использования подводных кабелей, к которым может иметь доступ КНР.

Таким образом, Китай сталкивается с растущим вызовом в своём развитии. Он должен избежать попадания в «ловушку среднего уровня доходов», смягчить влияние демографической проблемы на экономический рост и защитить свою экономику от рисков, связанных с курсом США, особенно в том, что касается экспортного контроля. Китай всё ещё зависит от технологического импорта: зависимость в высокотехнологичном оборудовании, программном обеспечении и ключевых компонентах – более 50%, полупроводниковой промышленности – 80% [6]. Поэтому приоритетом страны становится превращение инноваций в главный двигатель экономики (закреплено в стратегии развития КНР на 18-м съезде КПК в 2012 г.) и достижение технологической самостоятельности. В 2017 г. на 19-м съезде КПК Си Цзиньпин поставил для КНР цель к 2035 г. стать ведущей инновационной державой. При этом, согласно плану «Китайские стандарты 2035», страна должна продвигать свои стандарты в сферах новых технологий в мировом масштабе. Для выполнения поставленных задач в рамках 14-го пятилетнего плана (2021–2025) правительство будет ежегодно увеличивать расходы на НИОКР более чем на 7%. Успех развития КНР будет во многом зависеть от того, удастся ли стране разорвать технологическую «удавку» США. Программа «Сделано в Китае 2025» определяет 10 ключевых технологических секторов, в которых требуется увеличить долю компонентов собственного производства до 70% к 2025 г.: передовые информационные технологии, включая ИИ и квантовые вычисления; автоматизированные станки и робототехника; морская техника и высокотехнологичное судоходство; железнодорожный транспорт; аэрокосмическое оборудование; беспилотные автомобили и автомобили на новых источниках энергии; энергетическое оборудование; сельскохозяйственное оборудование; новые материалы; биофармацевтика и передовые медицинские продукты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, технологии становятся одной из главных арен разворачивающегося американско-китайского противостояния. Для обоих игроков победа в технологической гонке является национальным приоритетом и вопросом безопасности, будущей конкурентоспособности и статуса страны на мировой арене. В этой ситуации отношения США и КНР всё больше превращаются в игру с нулевой суммой, а соперничество, с большой вероятностью, продолжит нарастать. Ещё предстоит найти ответ на вопрос, какое влияние окажет конкуренция двух великих держав в сфере науки и технологий на мировой научный прогресс и инновации? Желательно, чтобы она стимулировала научный поиск во благо человечества, обеспечивая доступ третьих стран к его плодам. Однако

есть высокая степень опасности, что остальной мир будет поставлен перед нежелательным технологическим и политическим выбором между двумя державами, что может привести к разрыву глобального технологического пространства и замедлению мирового экономического роста.

ИСТОЧНИКИ

1. 习近平.

在中国科学院第二十次院士大会、中国工程院第十五次院士大会、中国科协第十次全国代表大会上的讲话 [Xi Jinping. Speech at the 20th Academician Conference of the Chinese Academy of Sciences, the 15th Academician Conference of the Chinese Academy of Engineering, and the 10th National Congress of the China Association for Science and Technology] // 中华人民共和国教育部 [Ministry of Education of the People's Republic of China], 28.05.2021. Available at: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/moe_176/202105/t20210531_534367.html (accessed: 05.05.2022).

2. Passing the Baton 2021: Securing America's Future Together // United States Institute of Peace, 29.01.2021. Available at: <https://www.usip.org/sites/default/files/Passing-the-Baton-2021-Transcript-FINAL.pdf> (accessed: 01.05.2022).

3. The Global Research and Development Landscape and Implications for the Department of Defense // Congressional Research Service, 28.06.2021. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/natsec/R45403.pdf> (accessed: 01.05.2022).

4. 2021 Global R&D Funding Forecast released // R&D World, 22.02.2021. Available at: <https://www.rdworldonline.com/2021-global-rd-funding-forecast-released/> (accessed: 02.05.2022).

5. Global Innovation Index 2021. Geneva: WIPO, 2021. 205 p. Available at: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2021.pdf (accessed: 01.05.2022).

6. Che, P. US-China tech war: Beijing's top policy official lays out strategy to address Washington's 'stranglehold' over China // SCMP, 26.01.2021. Available at: <https://www.scmp.com/tech/policy/article/3119294/us-china-tech-war-beijings-top-policy-official-lays-out-strategy> (accessed: 05.05.2022).

REFERENCES

樊春良. 美国技术政策的演变 [The Evolution of U.S. Technology Policy] // «政策与管理研究» [Policy & Management Research], 2020, № 8. P. 1008-1016. (In Chinese) DOI 10.16418/j.issn.1000-3045.20200731002

Gruber, J., Johnson, S. Jump-Starting America. NY: PublicAffairs, 2019. 368 p.

Ikenberry, G. America's Asia Policy after Trump // *Global Asia*, 2020, № 4. P. 96-99.

Kennedy, A., Lim, D. The Innovation Imperative: Technology and US-China Rivalry in the Twenty-First Century // *International Affairs*, 2018, № 3. P. 553-572. DOI: 10.1093/ia/iyy044

Modelski, G., Thompson, W. *Leading Sectors and World Powers: The Coevolution of Global Politics and Economics*. Columbia: University of South Carolina Press, 1996. 282 p.

Robert Gilpin. *US Power and the Multinational Corporation: The Political Economy of Foreign Direct Investment*. New York: Basic Books, 1975. 291 p.

Nelson, R., Wright, G. The Rise and Fall of American Technological Leadership: The Postwar Era in Historical Perspective // *Journal of Economic Literature*, 1992, № 4. P. 1931-1964.

Rogers, J., Foxall, A., Henderson, M., Armstrong, S. *Breaking the China Supply Chain: How the 'Five Eyes' Can Decouple from Strategic Dependency*. London: The Henry Jackson Society, 2020. 52 p.

Tellis, G., Rosenzweig, S. *How Transformative Innovations Shaped the Rise of Nations*. London: Anthem Press, 2018. 332 p.

Yang, S., Liu, W., Zhang, Z. The Dynamic Value of China's High-Tech Zones: Direct and Indirect Influence on Urban Ecological Innovation // *Land*, 2022, № 11. Available at: <https://doi.org/10.3390/land11010059> (accessed: 05.05.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВОЛОШИНА Анна Валерьевна, младший научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией, Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН).

Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32.

Anna V. VOLOSHINA, Junior Researcher at the Center for the Studies of the Modern History of China and Its Relations with Russia, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences.

32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 7.06.2022.

Поступила после рецензирования / Revised 17.06.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 18.06.2022.

УДК 327

DOI: 10.31857/S2686673022080041

EDN: GTZBAX

The Adjustment of the U.S. Central Asia Policy and its Impact on China's Silk Road Economic Belt

Ma Bin

*Institute of the International Studies, Fudan University
220 Handan Rd, Shanghai, 200437 People's Republic of China.
ORCID: email: mabin@fudan.edu.cn*

Abstract: After the withdrawal of the United States from Afghanistan, its Central Asia policy entered a new stage. At this stage, United States pays more attention to the Central Asian economic affairs, and the unfolding of the New Silk Road Project. In the area of security, the US maintains limited cooperation with Central Asian countries, focusing on strengthening security capabilities of those governments. And while maintaining stability of their political diplomatic relations, US is much more concerned over democracy issues in this region. Although US did not specifically concentrate on the Silk Road Economic Belt to implement specific policies in Central Asia, it has had a strong impact on the strategic conditions of the Economic Belt through promoting integration in Central and South Asia, leading the participation of neighboring countries in regional affairs, emphasizing and shaping the rules and systems. Therefore, China should use international organizations as a platform, actively build "Silk Road +" mechanism, strategically based on a solid bilateral cooperation, in order to facilitate the progress of Silk Road Economic Belt in Central Asia area.

Keywords: Belt & Road Initiative, Sino-U.S. relations, Central Asian affairs

For citation: Ma Bin. The Adjustment of the U.S. Central Asia Policy and its Impact on China's Silk Road Economic Belt. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2022; 52(8): 51-62. DOI: 10.31857/S2686673022080041 EDN: GTZBAX

Изменение политики США в Центральной Азии и его влияние на «Экономический пояс Шелкового пути»

Ма Бин

*Институт международных исследований, Фуданьский университет
Китайская народная республика, 200437 Шанхай, ул. Ханьдань, д. 220
ORCID: email: mabin@fudan.edu.cn*

Резюме: После ухода США из Афганистана их политика в Центральной Азии вступила в новый этап, на котором Соединённые Штаты уделяют больше внимания экономическим процессам в регионе и развитию проекта «Нового шёлкового пути». В сфере безопасности США поддерживают ограниченное сотрудничество со странами Центральной Азии, сосредоточив внимание на укреплении их потенциала безопасности. И, сохраняя

стабильность своих политико-дипломатических отношений, США гораздо больше озабочены вопросами демократии в этом регионе. Хотя США не взаимодействовали конкретно с «Экономическим поясом Шелкового пути» для реализации своей политики в Центральной Азии, они способствовали продвижению стратегических условий экономического пояса Шелкового пути в Центральной Азии путем содействия интеграции в Центральной и Южной Азии, способствуя участию соседних стран в региональных делах, формируя и создавая свои собственные правила и системы. Поэтому Китай должен использовать международные организации в качестве платформы, активно строить механизм «Шелковый путь +», стратегически основанный на прочном двустороннем сотрудничестве, чтобы способствовать развитию Экономического пояса Шелкового пути в регионе Центральной Азии.

Ключевые слова: инициатива «Пояса и Пути», китайско-американские отношения, отношения в Центральной Азии.

Для цитирования: Ма Бин. Изменение политики США в Центральной Азии и его влияние на «Экономический пояс Шелкового пути» *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2022; 52(8): 51–62. DOI: 10.31857/S2686673022080041
EDN: GTZBAX

INTRODUCTION

The withdrawal of U.S. troops from Afghanistan marks a significant change in U.S. policy in Central Asia. Afghan affairs, which have occupied the core of U.S. Central Asia policy since 2001, will no longer have overriding importance. With the adjustment of U.S. policy in Central Asia, relations between the United States and Central Asian countries, as well as the geopolitical landscape of the Central Asian region, have changed accordingly. These changes have reshaped the environment, which China and the Central Asian countries face in building the New Silk Road Economic Belt together. Taking this background into account, this paper will discuss how these changes will affect the Silk Road Economic Belt project and suggest possible paths for both sides to jointly promote security and development in Central Asia, based on the overview of the changes in the U.S. policy in Central Asia and its characteristics. It needs to be emphasized here that cooperation is not the only way for China and the United States to interact with regard to the Silk Road Economic Belt in Central Asia; it is only one possible option, along with competition and conflict, and it will be more difficult for the two countries to cooperate in Central Asia because of the increasing strategic competition between China and the United States in recent years. However, this paper still indicates that only if China and the United States choose their policies flexibly according to the actual situation, instead of just emphasizing confrontation and conflict, can they really guarantee and promote stability and prosperity in Central Asia and benefit neighboring countries.

ADJUSTMENT OF THE U.S. CENTRAL ASIA POLICY

The United States' Central Asian policy came into a new stage after its military announced the completion of withdrawal from Afghanistan on August 30, 2021 [1], which reflected certain policy adjustment and continuity.

Afghanistan remains the decisive element

Taking real action with regard to counter-terrorism and reconstruction in Afghanistan has been one of the decisive factors of U.S. Central Asia policy in recent years. The counter-terrorism goal engulfs combatting al-Qaeda, ISIS, and the other radical forces; the reconstruction goal is about rebuilding the Afghan political system, economy, and society. At present, the U.S. counter-terrorism and reconstruction policies in Afghanistan have not changed fundamentally, but the policy content has been adjusted to a certain extent.

After the withdrawal of troops, in the security field with counterterrorism efforts at its core, the U.S. continues to rely on international and regional counterterrorism networks to serve two major security goals in Afghanistan: to deal with the regrouping of terrorists in Afghanistan and potential threat its homeland; and to make the Taliban fulfill their commitments and ensure that al-Qaeda no longer threatens the U.S. and allies' interests.

With regard to national reconstruction in Afghanistan, the main trend of U.S. policy is the declining and reshaping of its influence. In political affairs, the focus has shifted from proposing different programs to the Afghan government and the Taliban in order to reach balance and achieve political reconciliation, to a "wait-and-see" approach, overseeing Taliban compliance and focusing on promoting the security issues mentioned earlier, although no clear and stable policy has been formed so far. This in turn creates a geopolitical black hole that distracts and puts a burden on neighboring powers. In the economic sphere, the U.S. is trying to build an international system to support Afghanistan. Secretary of State Antony Blinken made it clear that the U.S. continue to support Afghanistan through bilateral and multilateral efforts [2].

Geostrategic importance of Central Asia

The geopolitical importance of Central Asia is another key element in determining U.S. policy in this region. Although the U.S. continues to view Central Asia as a geostrategic region important to its national security interests, that has always been a strategic and commercial crossroads of civilizations between Europe and Asia [3], however, what a "geostrategic region" means differs significantly from the popular view about Central Asia's geopolitical importance. The view of Central Asia as the "heartland" of the world politics has long been popular. A historical tracing and realistic comparison can reveal that it no longer corresponds to nowadays reality. This kind of

view is very close to the Heartland Theory formulated by Halford Mackinder in the early 20th century [Mackinder, 1904: 421-437]. Mackinder based his famous and far-reaching assertion on the changing regional patterns brought about by land mobility in Eurasia after the Industrial Revolution, which was relevant at the time. With the advancement of new technological revolutions, transportation and communication technologies have developed by leaps and bounds in the last hundred years, and the geopolitical meaning of land mobility has changed dramatically compared to the first part of the 20th century, and its influence on the geopolitics of Central Asia has been significantly reduced. As a result, the metaphysical application of the Heartland Theory is no longer a reasonable way for describing the geopolitical reality in Central Asia, nor is it the solid basis for understanding the power games among United States and other countries in Central Asia. This kind of change is also reflected in the U.S. Central Asia policy in the post-Cold War era. The United States has not had a consistent Central Asian strategy over the past three decades. Although the term "Central Asia Strategy" has been used several times, such as in 2015 and 2020, it has mainly defined how the U.S. uses Central Asia to serve its policy in the region. For example, after the September, 11 attacks, counterterrorism and reconstruction in Afghanistan became the core of the U.S. Central Asia policy; before and after that, it served the goals of the U.S. policy toward Russia, China, and other countries.

In other words, although the U.S. Central Asia policy will inevitably have geopolitical implications, Central Asia has not been the core area of U.S. geopolitical strategy in the post-Cold War era. This policy has been mainly influenced by the U.S. policies toward neighboring countries and regions, and has been characterized by strong incoherence and uncertainty during the past 30 years. After the U.S. withdrawal from Afghanistan, the Biden administration did not make Central Asia a foreign policy priority [Krol, Kassenova], some commentators point out that, since U.S. abandoned Afghanistan, it has very few geopolitical or strategic interests in Central Asia except to try to keep the Chinese and the Russians out [4].

Emphasizing the Subjectivity of Central Asia

The February 2019 agreement between the United States and the Taliban not only indicated a new phase of U.S. policy in Afghanistan, but also implies a corresponding change in U.S. policy in Central Asia. In February 2020, the United States released the Central Asia Strategy 2019-2025: Advancing Stability and Prosperity, which clarifies the main elements of the U.S. policy towards that region. Although this strategy still includes dealing with Afghanistan as one of the key elements, it also the importance of making the region more independent, stating that the United States will strengthen the resilience of Central Asian states to address short- and long-term challenges and enhance the stability, independence, and integrity of the Central Asian region through continued engagement in economic, energy, security, democracy, and governance issues in this region [5, p. 3]. The U.S. Central Asia policy after Biden came into power

continues to follow with this primary direction, attempting to strengthen the agency of the U.S. Central Asia policy.

Firstly, highlighting the role of regional platforms, it has constructed the U.S.-Central Asia mechanism with C5+1 as the core. Since its establishment in 2015, the C5+1 mechanism has become one of the main ways for the U.S. to oversee its Central Asia policy. This mechanism not only plays an important role in coordinating Central Asian countries' policies with regard to Afghanistan, but also provides support for the U.S. to build a more independent and unified Central Asia regional policy through five types of projects*. Secondly, factors such as human rights, religion, and values become more prominent. An important goal of the U.S. policy in Central Asia is to promote the 5 countries' political and economic transition. However, the U.S. policy of exporting democracy to Central Asia has been disturbed by the Afghan war, because ensuring Central Asian countries' cooperation with the U.S. on the war on terror in Afghanistan has been a central goal of the U.S. Central Asia policy for the past two decades. The end of the war in Afghanistan and withdrawal of the U.S. troops have reduced its dependence on Central Asian countries, and therefore human rights, religion and other democratic issues became more prominent in U.S. policy in Central Asia. Finally, support and strengthening of sovereignty and independence of the Central Asian states, individually and as a region is one of the primary objectives of U.S. Central Asia policy [5, p. 3]. Its strategic meaning is to reduce the dependence of Central Asian countries on China, Russia, and other actors.

HOW THE U.S. POLICY INFLUENCES THE SILK ROAD ECONOMIC BELT

The New Silk Road Economic Belt (SREB) is one of the main components of the Belt & Road Initiative (BRI). The development of the SREB in Central Asia requires support of the countries in the region, as well as it needs to overcome the challenges from the outside countries. Since the United States is one of the countries with most significant influence on Central Asian affairs, the U.S. Central Asia policy and its adjustment become an important factor that China must face when promoting the construction of the SREB with Central Asian countries. Generally speaking, the U.S. Central Asia policy of promoting regional integration in South and Central Asia, attracting the participation of neighboring powers, and reshaping rules and institutions is changing the regional environment.

* These projects consist of C5+1 Counter-Terrorism projects, The C5+1 Central Asia Business Competitiveness projects, The C5+1 Transport Corridor Development, The C5+1 Power the Future project, The C5+1 Supporting National and Regional Adaptation Planning projects. See "C5+1 FACT SHEET: Central Asian-U.S. Forum to Enhance Regional Economic, Environmental, and Security Cooperation", U.S. Embassy in Uzbekistan, July 24, 2018, <https://uz.usembassy.gov/c51-fact-sheet-central-asian-u-s-forum-to-enhance-regional-economic-environmental-and-security-cooperation/>

Promoting regional integration in South-Central Asia

After the U.S. had withdrawn its troops from Afghanistan, its Central Asian policy continued to take the promotion of regional integration in Central and South Asia as one of its main purposes, which is consistent with the U.S. strategic pursuit of ensuring that the Central Asian region is not dominated by neighboring powers. After the collapse of the Soviet Union, the U.S. used to support the Central Asian states' participation in international affairs as independent states and refused to accept this region as part of Russia's sphere of influence. According to the Silk Road Strategy Act and the Freedom Support Act, which are the key legal basis for U.S. policy in Central Asia, helping Central Asian countries consolidate and maintain their sovereignty and independence is one of the main policy goals. While improving cooperation with Central Asian states, U.S. is also paying close attention to the growth of other powers' influence in Central Asia, especially China. As a result, the U.S. strategy in Central Asia gained new content, such as strengthening ties between Central Asia and South Asia, forming a new Central Asia-Afghanistan-South Asia geopolitical block, thus reducing Central Asia's dependence on the North (Russia) and the East (China). The famous Greater Central Asia project, the foundation of the Bureau of South and Central Asian Affairs in the State Department, the New Silk Road Initiative and the AfPak Strategy are all based on the similar principle of the regional integration. The US is committed to expanding the internal ties of South and Central Asia in the areas of energy, trade, and investment to enhance its unified geopolitical attributes. For the SREB, the U.S. promotion of regional integration in South and Central Asia has dual impact. The positive side is that the development of a unified market and increased resource integration in South-Central Asia could theoretically enrich the basis for the implementation of the SERB projects; the negative side is that the integration process in South-Central Asia is likely to set up new thresholds that will prevent Central Asian countries from joint cooperation with China. Given that the U.S.-driven integration in South-Central Asia is intended to prevent and contain the growth of China's influence, its impact on the Silk Road Economic Belt is mainly negative.

Manipulating neighboring powers to participate

The U.S. has adopted a flexible strategy to deal with the issue of great power games in Central Asia. In the past two years, under the premise of solving Afghanistan issues, the U.S. has invited China, India and other neighboring powers to participate in regional affairs around the topic of Afghanistan reconstruction and stability. From the U.S. perspective, China's participation will help share the economic cost of Afghanistan's reconstruction. The policy is not contradictory to the U.S. strategic orientation of integrating Central Asia to the south. The former solves the problem of insufficient resource input in the process of Afghanistan reconstruction, while the latter determines the direction of strategic development of Afghanistan. Moreover, if the

United States can play a guiding role in China's involvement in Afghanistan, it can create favorable conditions for it to integrate China's Afghanistan policy into its own orbit as much as possible and better control the changes in China's influence on Afghanistan. Encouraging India's participation in Afghanistan and Central Asia has deeper geopolitical implications than just supporting the reconstruction of Afghanistan. On the one hand, India's active participation in Afghanistan and Central Asia is a key part of shaping the unity of the South-Central Asian region; on the other hand, India's rising status can also help balance the influence of China and Russia in the South-Central Asian region and form a regional balance of power in favor of the United States. The implications of manipulating neighboring powers to participate in Central Asian affairs are similarly dual in nature. On the positive side, China's deep involvement in the reconstruction of Afghanistan can expand the ties between China and Afghanistan and the Central Asian countries, and create conditions for the development of the SERB in the region; on the negative side, if India or the U.S. put forward competing proposals for regional cooperation due to geopolitical competition, it will most likely increase the pressure and cost of the SERB projects and hinder its development in Central Asia.

Focusing on developing regional rules

Shaping rules and institutions is a basic strategy pursued by the United States in Central Asia, which mainly includes: promoting values such as democracy, human rights and religious freedom while emphasizing the imperfection of its competitors; providing economic assistance, technical training and experience dissemination to serve the economic and market system; providing equipment and security assistance to support the security system; and establishing regional cooperation mechanisms aimed at forming a regional system conducive to strategic balance. Shaping rules and institutions with its own standards can influence the development of the SREB at a deeper level than cooperation or competition in specific projects. Since the BRI focuses on economic cooperation and common development, the institutional rules shaped by the U.S. in the economic sphere can more directly influence the progress of the SREB. In the economic field, the U.S. emphasizes its own advantages in terms of norms and standards [5, p. 3], and uses relevant economic and technical assistance, training, and educational exchanges to persuade and guide Central Asian enterprises, social organizations, and even individual citizens to accept the U.S.-style corporate systems, economic norms, and codes of conduct, while externally using existing international standards, international rules, and its own assumptions to interfere with the SERB processes [Ma, J. 2015: 123]. If economic norms and business rules in Central Asia were to be accepted or approximated to U.S. standards, this would create an economic environment and opportunities conducive to the success of U.S. companies, and establish the U.S. as a rule-maker, thus reducing the direct impact of the SREB on the U.S. influence in Central Asia. Indeed, the emphasis on regional rules and institutional

shaping is also consistent with the logic of U.S. responses to pressure. Most of the US economic initiatives in Central Asia are constrained by funding and competition within the bureaucracies, and it is difficult to launch large projects and fulfill the economic commitments, which would disappoint its Central Asia partners. Therefore, it has become a rational choice for the United States to build up its strengths and avoid its weaknesses by shaping the institutional environment in its favor. Compared with China's economic policy, which focuses on capital and technology investment, the U.S. has adopted rule-introducing as the core of its policies in Central Asia, which promote U.S. standards, business laws and enterprise operation rules in Central Asia, thereby enhancing U.S. soft power in this region. This will fundamentally affect the environment where the SREB functions.

In summary, U.S. policy adjustments in Central Asia continue to shape the environment facing the SREB. Although the U.S. declared early on that its Central Asia policy would use U.S. leadership to promote connectivity between Europe and Asia, the East with the West [6], the geopolitical consideration like ensuring that no single power controls this geopolitical space alone, continues to influence its thinking about the SREB. As the U.S. attitudes and policies are still in change, its impact on SREB will become clearer and more specific.

CHINA'S POLICY OPTIONS AND RESPONSES

The U.S. policy in Central Asia is an important factor in shaping the environment which SREB is facing. China is very concerned about the influence of the United States in the process of promoting the construction of the SREB in Central Asia. For China, upholding the openness and cooperation, choosing a flexible policy to respond to the opportunities and challenges brought by the policy changes of U.S. is the primary principle to promote the progress of the SREB in Central Asia. In general, China should pay attention to the negative influence of the U.S. Central Asia policy, but should also take the cautious attempts to find opportunities to reduce barriers to the SREB development in Central Asia. Although the change of the U.S. attitude toward the SREB does not mean that it will participate, it offers more possibilities for Chinese companies. Specifically, Chinese companies could follow the market rules when they enter into Central Asia, and rely on bilateral, multilateral, regional or sub-regional frameworks to get a relatively friendly business environment, so as to promote the development of the SREB in this region.

Improving the coordination efficacy of the bilateral approach

The bilateral approach is currently the main pillar of China's joint efforts with Central Asian countries to build the SREB. In fact, considering the impact of U.S. policy on the business environment in Central Asia, China's bilateral coordination around the SREB should at least include China and the five Central Asian countries, China

and Russia, and China and the United States. The reason why bilateral coordination can be the basis is related to reality that both the low level of economic integration in the Central Asian region and the distinctive features of economic cooperation between China and the Central Asian countries; more importantly, China's relations with the Central Asian countries have long been based on bilateral cooperation, with multilateral channels usually functioning as an important complement. The bilateral approaches between China and the five Central Asian countries provide the most direct channel for their coordination related to the SREB, helping China and the Central Asian countries to clarify their intentions, areas and ways of strengthening cooperation within the framework of the SREB. The bilateral coordination between Russia and China stems mainly from Russia's great influence on Central Asian affairs. The conjunction agreement of the BRI and Eurasia Economic Union provides an important guarantee for the progress of the SREB in Central Asia. At the same time, effective Sino-Russian coordination can also constrain unilateral behavior of the United States in Central Asia. China-US coordination is based on the U.S. influence in Central Asia. Although bilateral communications between U.S. and China did not lead to a fruitful result, China insists on developing SREB in an open and cooperative manner, which is still the important support for both sides to increase trust in Central Asia, which can create better conditions for the development of the SREB in this region.

Make full use of the multilateral platforms

International and regional organizations are important multilateral platforms for China and Central Asian countries to build the SREB together. Since their independence, the five Central Asian countries have joined numerous political, economic, and security organizations, both international and regional, such as United Nations, the World Bank, the International Monetary Fund, the Eurasian Economic Union, the Shanghai Cooperation Organization. The role of international and regional organizations in the building of the SREB mainly includes two aspects. First, to shape and enhance the international image and influence of the SREB. At present, the UN Security Council and the UN General Assembly have successively incorporated the BRI as an important means to solve regional stability, development and global issues into relevant resolutions*. The World Bank officials have also expressed their intention to explore opportunities for cooperation with the BRI [7]. The endorsement or support of the BRI by the United Nations, the World Bank, and other international organizations with great influence can produce a good demonstration effect in the international community and enhance the attractiveness of the SREB, which is also conducive to balancing and reducing the impact of U.S. policies on the Central Asian countries. It is also conducive to certain balancing and reducing strategic doubts brought by the U.S. policy in Central Asia, thus improving the environment around the SREB in Central

* For example, UN Security Council Resolution S/2274, 2344, and UN Assembly Resolution A/71/9.

Asia. First, it provides and supplements the mechanisms for China to dovetail with Central Asian countries on the SREB projects. The advantages of international organizations in terms of communication efficiency and transaction costs allow China and Central Asian countries to use these platforms to coordinate objectives, communicate policies, and reduce the concerns of Central Asian countries arising from asymmetric interdependence with China, and promote the development of regional projects. Of course, not all international organizations in which Central Asian countries participate can serve as a platform for Silk Road development, it depends much on China's coordination with the countries concerned and the nature of a given international organization.

Building the mechanism of the Silk Road

The Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB) and the Silk Road Fund (SRF) are the key for China's promoting of the BRI. They are the BRI core supporting institutions that China has advocated or established separately to implement Chinese proposals and solutions, safeguard and protect Chinese interests in the process of developing the BRI. However, these institutions are newly established, and their growth and development cannot be achieved without learning from the experience of similar institutions. The World Bank, the Asian Development Bank and the European Bank for Reconstruction and Development, for example, have accumulated a lot of experience and best practices during their lifetime, and have established a relatively stable system of operation, which can be used by the AIIB as a reference point as well as for implementing projects in cooperation with these institutions. In fact, in addition to studying and learning from their experience, AIIB is already looking for cooperation with the ADB, the World Bank, the European Bank for Reconstruction and Development, etc., and has initiated several joint projects. In 2015, the ADB President said that under conditions that meet certain criteria, ADB hopes to start cooperation with AIIB [8]. AIIB has planned to co-finance eighteen projects initiated by the World Bank and eight ADB projects [Orr, 2016: 39-43]. In Central Asia, AIIB has implemented projects in partnership with the EBRD and the WB [9]. The WB, the ADB and the EBRD are typical representatives of the Western development model, and the AIIB's cooperation with them provides important evidence that the Silk Road+ mechanism model for the BRI development is conducive to weakening the pressure from the United States and further expanding the development space of the SREB in Central Asia. At a more macro level, the BRI and its supporting institutions, if properly applied, will enable China to play an increasingly important cooperative and constructive role in the international system [10].

Of course, China's policy options based on changes of the U.S. Central Asia policy and their strategic implications will include not only the three areas discussed here. China's response to the implications of the U.S. Central Asia policy at the level of bilateral cooperation, international organizations, and the construction of the BRI mech-

anism does not suggest that conflict or cooperation will be the only features that dominate U.S.-China interaction around the development of the SREB in Central Asia. As mentioned above, great influence the United States has in Central Asian affairs determines that China needs to expand the scope and flexibility of its policy toward the United States in Central Asia, and the basic direction of China's strategic response to the U.S. influence is to strengthen the bilateral foundation, solidify the international platform, and develop the "Silk Road+" mechanism.

CONCLUSION

In conclusion, it needs to be noted that the withdrawal of the U.S. troops from Afghanistan marks a new phase of U.S. Central Asia policy. The U.S. Central Asia policy in the past two years or so has been characterized by a shift from a security-led to a diversified and balanced approach that include economics, politics and security, promoting regional integration in South and Central Asia, guiding the participation of neighboring powers, focusing on rules and institutional shaping at the strategic level to influence the environment facing the SREB in Central Asia. China cannot escape the pressure of U.S. policy in shaping the regional environment, and needs to reasonably apply bilateral, multilateral and regional mechanisms and actively build a "Silk Road+" mechanism based on China's core supporting institutions to improve the flexibility of its policies in Central Asia, in order to achieve better performance when dealing with numerous challenges in Central Asia.

ИСТОЧНИКИ

1. "Pentagon Press Secretary John F. Kirby and General Kenneth F. McKenzie Jr. Hold a Press Briefing", U.S. Department of Defense. Available at: <https://www.defense.gov/News/Transcripts/Transcript/Article/2759183/pentagon-press-secretary-john-f-kirby-and-general-kenneth-f-mckenzie-jr-hold-a/>
2. Antony J. Blinken, "Secretary Antony J. Blinken's Remarks on Afghanistan", U.S. Department of State. Available at: <https://www.state.gov/secretary-of-antony-j-blinken-remarks-on-afghanistan/>
3. "United States Strategy for Central Asia 2019-2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity", US Department of States. Available at: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/FINAL-CEN-Strategy-Glossy-2-10-2020-508.pdf>
4. How the Afghanistan withdrawal will affect US policy in Central Asia. Available at: <https://www.trtworld.com/magazine/how-the-afghanistan-withdrawal-will-affect-us-policy-in-central-asia-49438>
5. United States Strategy for Central Asia 2019-2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity, US Department of States, February 2020. Available at:

<https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/FINAL-CEN-Strategy-Glossy-2-10-2020-508.pdf>

6. Nisha Desai Biswal Central Asia in a Reconnecting Eurasia. Available at: <https://2009-2017.state.gov/p/sca/rls/rmks/2015/242232.htm>

7. The president of World Bank promise innovating cooperate with AIIB, FT Chinese. Available at: <http://www.ftchinese.com/story/001061435>

8. ADB might cooperate with AIIB under the conditions meet certain criteria. http://finance.ifeng.com/a/20150504/13680631_0.shtml

9. “Approved projects”, AIIB, <https://www.aiib.org/en/projects/approved/index.html>

10. Michael Kovrig, “The Twists and Turns along China’s Belt and Road”, International Crisis Group. Available at: <https://www.crisisgroup.org/zh-hans/asia/north-east-asia/china/twists-and-turns-along-chinas-belt-and-road>

REFERENCES

Mackinder, H. 1904. The geographical pivot of history, *Geographical Journal*, Vol. 23(No. 4).

Krol, G., Kassenova, N. 2021. How Will U.S. Policy toward Central Asia Look under the Biden Administration? Davis Center at Harvard University. Available at: <https://daviscenter.fas.harvard.edu/insights/how-will-us-policy-toward-central-asia-look-under-biden-administration>

Ma, J. 2015. US Views and Responses toward China’s BRI. *World Economics and Politics*, No.10.

Orr, R. 2016. The Asian Development Bank and the Asian Infrastructure Investment Bank: Conditional Collaboration? *American Ambassadors Review*, No.1, pp.39-43.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МА Бин, доцент Института международных исследований Фуданьского университета.

Китайская народная республика, 200437 Шанхай, ул. Ханьдань, д. 220.

MA Bin, associate professor, Institute of the International Studies, Fudan University, 220 Handan Rd, Shanghai, 200437 People’s Republic of China.

Статья поступила в редакцию / Received 30.05.2022

Статья поступила после рецензирования / Revised 22.06.2022

Статья принята к публикации / Accepted 23.06.2022.

УДК [327+339.9] (540+73)

DOI: 10.31857/S2686673022080053

EDN: GTZDFO

Отношения Индии и США: текущее состояние и внешние последствия

С.В. Уянаев

Институт Дальнего Востока РАН (ИДВ РАН)

Российская Федерация 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32.

Scopus Author ID: 23486790800 РИНЦ ID: 501774

ORCID:0000-0002-5471-8224 e-mail: svuyav@yahoo.com

Резюме. Индийско-американские отношения отличаются исторической сложностью, но в последние годы переживают этап заметного развития. Этому способствуют взаимные интересы, основанные как на двусторонних факторах (торговля, энергетическое и военно-техническое сотрудничество), так и на обстоятельствах, предопределяемых глобальной и региональной обстановкой. В свою очередь, значение диалога между Индией и США выходит за двусторонние рамки, оказывает влияние, в частности, на отношения в виртуальном треугольнике *США – Индия – КНР*, в диалоговом формате *Россия – Индия – Китай*. Анализ совокупности данных вопросов является актуальным в контексте резко повысившейся в 2022 г. турбулентности международной обстановки.

Ключевые слова: США, Индия, отношения, интересы, влияние, «китайский фактор», Россия, РИК

Для цитирования: Уянаев С.В. Отношения Индии и США: текущее состояние и внешние последствия. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2022; 52 (8): 63-74. DOI: 10.31857/S2686673022080053 EDN: GTZDFO

India–U.S. Relations: Current State and External Consequences

Sergey V. Uyanaev

Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (IFES RAS)

32, Nahimovsky prosp., Moscow, 117218 Russian Federation;

Scopus Author ID: 23486790800 РИНЦ ID: 501774

ORCID: 0000-0002-5471-8224 e-mail: svuyav@yahoo.com

Abstract: India-U.S. relations are historically complex, but in recent years they have been experiencing a stage of noticeable active development. This is facilitated by mutual interests based both on bilateral factors (trade, energy and military-technical cooperation) and circumstances predetermined by the global and regional situation. In turn, the significance of Delhi's dialogue between India and the United States goes beyond the bilateral framework, has an impact, in particular, on relations in the virtual triangle *USA – India – China* in the dialogue a format *Russia – India – China*. The analysis of the totality of these issues is relevant in the context of the turbulence of the international situation that has sharply increased in 2022.

Keywords: USA, India, relations, interests, influence, Chinese factor, the RIC format

For citation: Sergey V. Uyanaev. India-U.S. Relations: Current State and External Consequences. USA & Canada: Economics, Politics, Culture. 2022; 52 (8):63-74. DOI: 10.31857/S2686673022080053 EDN: GTZDFO

ВВЕДЕНИЕ

Отношения между Республикой Индия и США, если иметь в виду всю их почти 75-летнюю историю, можно представить в виде достаточно изменчивой линии. По большей части, особенно в минувшем веке, она была вялой и, по определению экспертов американского исследовательского Совета по внешней политике, была похожа на «отчуждение» [1]. Имели место отдельные всплески, которые показательно носили разнонаправленный характер. Например, в 1962 г. США были на стороне «неприсоединившейся» Индии в пограничной войне с Китаем, но не поддержали её в 1971 г. в Третьей индо-пакистанской войне. Новая напряжённость возникла после индийских ядерных испытаний в 1998 г. и объявленных в связи с этим американских санкций.

ВОСХОДЯЩАЯ ДИНАМИКА

Однако затем эта линия отношений медленно, но в целом последовательно направилась вверх. Действительно, в первой декаде текущего столетия премьер-министр Индии и президент США провели пять саммитов, тогда как в предыдущие 50 лет их было всего три. В 2010-х годах контакты на высшем уровне обрели уже отчётливо регулярный характер: только с 2014 по 2020 г. состоялось шесть визитов Н. Моди в США, дважды глава Белого дома совершал официальные визиты в Индию. В 2020–2021 гг. Н. Моди и президент Дж. Байден минимум трижды проводили телефонные переговоры, участвовали в совместных онлайн-мероприятиях, включая виртуальный саммит Четвёрки (QUAD) в марте 2021 г. А спустя полгода в Вашингтоне, на полях уже первой очной встречи высших руководителей стран этой четырёхсторонней группировки, прошли и первые личные переговоры нынешних лидеров США и Индии, завершившиеся подписанием очередного Совместного заявления [2].

Признаком восходящей динамики являются и формальные моменты. С февраля 2020 г., когда в индийской столице побывал предшественник Дж. Байдена Д. Трамп, отношения двух стран стали называться «всеобъемлющим глобальным стратегическим партнёрством» [3], был таким образом повышен их официальный статус, до этого определявший как «партнёрство во имя процветания». Не случайно после этого визита авторитетные аналитики журнала «Форин афферс» выступили с такими оценками: «Президенту Трампу и премьеру Моди удалось серьёзно перестроить двусторонние отношения», которые в последние годы лишь «последовательно усиливались» [Shivshankar Menon. 2020: 132]. В принятой 11 февраля 2022 г. обновлённой «Стратегии США в Индо-

Тихоокеанском регионе» Вашингтон называет Нью-Дели «ключевым региональным союзником» [4].

С 2000 по 2019 г. в 10 раз вырос двусторонний товарооборот – до рекордных 146 млрд долл. США являются для Индии главным экспортным рынком, вторым по значимости источником прямых инвестиций (свыше 13 млрд долл. только за 2020–2021 гг. индийский фин. г.), и одним из главных реципиентов прямых инвестиций из самой Индии (их накопленный объём – 22 млрд долл.) [5].

Такое укрепление связей объясняется рядом обстоятельств, которые носят как двусторонний, так и внешний характер, и при этом основываются на встречных интересах [Кузык Б.Н., Шаумян Т.Д. 2009].

ВЗАИМНЫЕ ИНТЕРЕСЫ: ВНУТРЕННИЙ И ВНЕШНИЙ АСПЕКТЫ

К двусторонним факторам можно отнести торговлю и инвестиции, в том числе перспективы сотрудничества в энергетике, включая ядерную. Для Индии, которая имеет лишь неофициальный ядерный статус, взаимодействие с США означает облегчение доступа на рынки ядерного сырья и технологий, позволяет смягчать ограничения со стороны Группы ядерных поставщиков и в целом закрепляет её позиции ядерного государства. А США, в свою очередь, рассчитывают облегчить себе доступ на индийский рынок АЭС, ёмкость которого оценивается в 100 млрд долл. Индия покупает у США заметные объёмы нефти (10,7 млн т в 2020 г.; из РФ – 2,6 млн) и СПГ (3,3 млрд куб. м в 2020 г.; из РФ – 0,7 млрд) [6].

Встречный характер носят и интересы развития двусторонних военно-технических связей, где стоимость контрактов на поставки оружия из США к 2021 г. перевалила за 20 млрд долл. Американцы получают крупные доходы, Индия – диверсификацию источников оружейного импорта, позволяющую торговаться с другими поставщиками.

Но не меньшее значение для сближения двух стран имеют *внешние факторы*.

Каждая из стран по-своему опасается *Китая*: США исходят из соображений сохранения своего глобального лидерства и откровенно стремятся сделать из Индии союзника в противостоянии с КНР, в том числе за счёт вовлечения её в выдвинутую в 2017 г. собственную стратегию Индо-Тихоокеанского региона, в которой преобладают военные компоненты. Индия руководствуется здесь соображениями более комплексного порядка, поскольку между Дели и Пекином не затухает давний территориальный спор – две страны конкурируют за региональное влияние, прежде всего в бассейне Индийского океана.

На уровне официальных контактов Вашингтон и Дели уклоняются от открытого упоминания «китайской угрозы». Чаще всего в совместных индийско-американских политических заявлениях отношение к «китайскому фактору» определяется как намерение «продвигать общие интересы в Индо-Тихоокеанском регионе», «обеспечивать региональную стабильность и свободу мореплавания». Нередко, особенно в контексте ситуации в Южно-Китайском

море, стороны декларируют универсальные «призывы уважать законные права и интересы всех стран в соответствии с международным правом» [7], что воспринимается как достаточно очевидный сигнал в сторону КНР.

Кроме того, в Индии весьма высоко ценят позицию США в поддержку её полноформатного членства в Совете Безопасности ООН, которая последовательно подтверждалась, в том числе и в совместных документах последних лет.

На повестку диалога Вашингтона и Нью-Дели не может не влиять и *фактор России*. Не случайно Индия испытала недавно серьёзное давление США в связи с приобретением российского комплекса ПВО С-400. А уже в апреле 2022 г. на фоне событий на Украине Вашингтон предупредил Индию «о серьёзных рисках», связанных с увеличением закупок нефти у России [8]. Более того, по словам главы Национального совета по экономической политике США Б. Диза, Вашингтон прямо заявил индийскому руководству, что в случае «более тесного стратегического сотрудничества с Москвой последствия будут серьёзными и долговременными» [Juster R., Kumar M., Cutler W., Forbes N. 2022].

При всём этом не является секретом, что американо-индийские связи имеют своё обратное влияние на отношения Нью-Дели с Пекином и Москвой. Причём, на фоне усилившегося в последние годы давления Вашингтона на КНР и РФ там рассматривают рост этих связей с достаточной озабоченностью. И в данном смысле диалог «Вашингтон – Нью-Дели» давно воспринимается многими экспертами как часть существенно более сложной четырёхугольной конструкции «США – Индия – КНР – РФ».

ПЕРСПЕКТИВЫ: ФАКТОРЫ КИТАЯ И РОССИИ

Каковы же в этой связи перспективы отношений США с Индией с точки зрения не только двусторонней, но прежде всего международной повестки?

Можно предвидеть, что в двустороннем диалоге сохранятся общие тренды последних лет. Стороны будут взаимодействовать в тех сферах, где есть упомянутая выше близость интересов, в том числе по «китайскому фактору». Но будут сохраняться и лимиты, зоны расхождений, которые особенно характерны для подходов Нью-Дели. Испытывая заинтересованность в развитии стратегического диалога с США, Индия явно стремится к сохранению традиционной «стратегической автономии», которую подкрепляет максимально возможной диверсификацией своей глобальной и региональной политики. Причём в последние годы Нью-Дели, похоже, всё активнее стремится распространить такую автономию на сферу экономики, делая упор «на собственные силы» [Subramanian A. and Felman J. 2022: 144-145]. Не забудем также о трениях непосредственно в двусторонней повестке, которые порой, например в торговле, переходят в открытые «склоки». Как напомнили недавно обозреватели «Форин афферс», в 2019 г. США отказали Индии в беспопылинном доступе её товаров на американский рынок, который они предоставляют развивающимся странам, причём этот шаг был мотивирован тем, что Индия не

предоставила Соединённым Штатам «равный доступ» к своему рынку [9]. Вопрос с тех пор обсуждается, но пока безрезультатно. Кроме того, Индия присутствует в американском списке тех стран, где, по мнению США, имеют место «нарушения прав человека». Об этом, в частности, на пресс-конференции 11 апреля 2022 г. говорил госсекретарь Э. Блинкен, причём ответом ему уже вскоре стало заявление главы индийской дипломатии, напомнившего, что «у Индии своё представление о вопросе прав человека» [10].

Несомненно, что степень сближения между Индией и США, особенно со стороны Нью-Дели, во многом будет зависеть от положения дел **в китайско-индийских отношениях**.

После урегулирования острой фазы пограничного конфликта весны-лета 2020 г., с одной стороны, напряжённость между Пекином и Нью-Дели сохраняется, с другой – продолжаются переговоры по дальнейшему урегулированию (в январе-марте прошли очередные 14-й и 15-й раунды встреч на уровне командиров пограничных корпусов двух стран), есть достаточно устойчивые взаимные сигналы, что стороны не исключают возобновления полноформатного сотрудничества. Как отметил на пресс-конференции по итогам недавней мартовской сессии ВСНП министр иностранных дел КНР Ван И: «...устойчивое развитие, мир и согласие двух стран послужило бы залогом мира и процветания на планете... пусть всегда будет между нами партнёрство взаимного выигрыша вместо соперничества» [11] Это, похоже, встретило пусть сдержанную, но позитивную оценку в Индии. Через две недели Ван И провёл в Нью-Дели переговоры со своим индийским коллегой, который, оценивая встречу, отметил «большую значимость» двусторонних связей и заинтересованность Индии в стабильных и предсказуемых отношениях с КНР [12]. Так или иначе, торговля двух стран в 2021 г. достигла рекордного в истории отношений уровня – 125, 5 млрд долл., увеличившись за год сразу на 43% [13].

А это значит, что Индия вряд ли проявит большую чем раньше склонность в диалоге с Вашингтоном пересекать антикитайские «красные линии» – как в двустороннем диалоге с США, так и в Четвёрке (*QUAD*), где, по словам официального Нью-Дели, Индия делает упор на экономическую повестку [14].

Что касается взаимовлияния индийско-американского диалога и **российско-индийских отношений**, то и здесь следует ожидать определённого баланса. Хотя ясно, что украинские события весны 2022 г. ставят ситуацию в треугольнике «США – Россия – Индия» перед новыми вызовами. Оценивая возможные здесь сценарии, следует иметь в виду позицию чёткого нейтралитета, которую по Украине, как это было и в 2014 г., сразу заняла Индия, устранившись в любом случае, от антиросийских санкций [15].

Показательно, что наряду с дипломатичными формулировками официального Нью-Дели о «заинтересованности в отношениях со всеми странами», о «задаче достижения скорейшего мира», многие индийские СМИ, включая бло-

госферу, отчётливо выступили в поддержку России, как «проверенного, долговременного и надёжного друга Индии», который неоднократно оказывал ей поддержку [16]. Напротив, выражались сомнения в «союзнической прочности США, которые на примере С. Хуссейна не раз предавали тех, кого называли друзьями». Обращалось внимание и на корыстный характер отношений США с Индией, которые в отличие от России уходят, к примеру, от трансфера оборонных технологий и стремятся поставить Индию в зависимое положение».

Успешным был визит в Индию президента В.В. Путина в декабре 2021 г., включая проведение первого Диалога министров иностранных дел и обороны Индии и России в формате 2+2 в Нью-Дели 6 декабря 2021 г. Важные вопросы двусторонних отношений, в том числе в контексте новых реалий, вызванных украинскими событиями и санкционной политикой США, были обсуждены в ходе переговоров, которые в конце марта – начале апреля 2022 г. провёл в индийской столице глава МИД РФ С. Лавров. Обсуждались пути перехода на схему «рубли – рупии» в двусторонних торговых операциях, включая расчёты по существенно возрастающему в 2022 г. импорту Индией российской нефти и уже реализованному экспорту в РФ ряда индийских товаров. Затрагивались другие темы, связанные с возможностями выведения традиционно прочных двусторонних отношений из-под давления западных санкций. Как раз в этих же целях в Индии уже вскоре после начала украинского кризиса была создана правительственная межведомственная группа для изучения влияния антироссийских санкций на индийскую экономику и нахождения развязок, в том числе за счёт взаиморасчётов в национальных валютах, причём с ориентацией на китайский юань в качестве базисного курсового эквивалента [18].

Однако нужно отметить, что практически одновременно с российским министром индийский премьер принял главу британского внешнеполитического ведомства Л. Трасс, а за три недели до этого министр иностранных дел Индии С. Джайшанкар имел личную встречу в Мельбурне в Э. Блинкеном. В промежутке между данными событиями в индийской столице побывала замгосекретаря В. Нуланд, которая в рамках очередного раунда регулярных американо-индийских консультаций на уровне заместителей глав МИД, настаивала на усилившейся необходимости «сотрудничества двух крупнейших демократий» и на отказе Индии от импорта российского оружия [19]. Будем иметь в виду и то, что с начала года индийский премьер провёл телефонные или онлайн-переговоры практически со всеми лидерами ведущих стран Запада (Германии, Великобритании, Японии, Австралии, Канады, Франции), а также Польши и Украины, принял участие в онлайн-саммите Четвёрки 3 марта 2022 г. [20] Перед этим, 31 марта, заместитель министра иностранных дел Индии Харш Шрингла принял заместителя советника США по национальной безопасности Далипа Сингха, «чтобы обсудить Украину и развитие ситуации в Индо-Тихоокеанском регионе» [21].

При этом, несмотря на уплотнившуюся повестку переговоров с Вашингтоном, влиятельные индийские эксперты констатировали, что «напряжённость в отношениях между США и Индией возросла». Причиной было названо «нежелание премьер-министра Н. Моди критиковать президента Путина, что осложнило зарождающееся партнёрство двух демократий в области безопасности и противодействия Китаю». Приводя в качестве основания для такой оценки выступление 6 апреля индийского министра иностранных дел перед своими парламентариями, комментаторы газеты «Таймс оф Индия» подчеркнули, что для Индии Россия является «важным партнёром в различных областях»; исходя именно из этого она «оценивает последствия» украинских событий и «решает, что лучше для индийских национальных интересов» [24].

ДИАЛОГОВЫЙ ФОРМАТ РОССИЯ – ИНДИЯ – КИТАЙ

Иными словами, параллельное поддержание Индией диалога одновременно с Москвой и с США и другими странами Запада, включая членов Четвёрки, можно считать одним из наиболее вероятных сценариев на ближайшую перспективу. Существенно меньшей представляется вероятность, когда политику «автономии и равноудалённости» Нью-Дели резко сменил бы на «формальный союз» с Вашингтоном, возможность которого анализировали недавно некоторые исследователи [Brahma Chellaney. 2020].

По сути дела, именно на это вновь указали итоги очередной онлайн-встречи Дж. Байден – Н. Моди 11 апреля 2022 г. и последовавших за ней очных переговоров министров обороны и иностранных дел (формат 2+2), когда стороны продолжили диалог по вопросам безопасности и других направлений сотрудничества, но индийские руководители снова воздержались от критики России в украинском контексте и уклонились от каких-либо обязательств по сокращению сотрудничества с РФ [25]. По сходным причинам и несмотря на текущие сложности китайско-индийских отношений сохраняется актуальным диалоговый формат Россия – Индия – Китай (РИК). Этот формат был не слишком затронут украинскими событиями, чему способствовал тот факт, что и Индия, и Китай оценили его со сходных, нейтральных позиций, воздержавшись от критики и осуждения России, а также отгородившись от антироссийских санкций. РИК продолжают считать важным в Москве и в Пекине. Но и Нью-Дели не проявляет намерения к выходу из него.

Напомним, что 21 ноября 2021 г. министры иностранных дел РФ, КНР и Индии провели регулярное ежегодное мероприятие – трёхсторонние переговоры (проводятся с 2002 г., последние два года – в онлайн-формате), завершившиеся принятием совместного коммюнике [26]. Необходимость дальнейшего продвижения трёхстороннего сотрудничества в очередной раз была зафиксирована в Совместном российском заявлении по итогам декабрьского (2021 г.) визита президента РФ в Индию [27]. Этот же подход был подтверждён в ходе упомянутых перегово-

воров С.Лаврова в Нью-Дели весной 2022 г. Заметим, что прибыв тогда в индийскую столицу из Пекина, где перед этим прошла встреча с министром Ван И, глава российской дипломатии, помимо прочего, сослался на позитивное мнение о перспективах РИК, вновь высказанное и китайской стороной [28].

Индия, повторим, вполне рутинно совмещает подобные РИК форматы со своим участием в аналогичных диалоговых конфигурациях западной ориентации (например, в тройке США – Индия – Япония). Поэтому ещё меньшей, чем в случае РИК, видится вероятность свёртывания Индией своего участия в объединении БРИКС и Шанхайской организации сотрудничества.

Индия сегодня в очередной раз может использовать выгоды бенефициара, когда в связи событиями на Украине её международная позиция важна и России, и Западу. Приведённое выше обилие визитов в индийскую столицу лидеров самых разных стран – хорошее тому свидетельство.

Как не без оснований подчёркивают некоторые обозреватели, «США, не желая терять "индийский ресурс" в своём противостоянии с Китаем, воздерживаются от ссоры с Индией из-за её особой позиции по Украине» [29].

Но позиция Индии важна и для России. Именно мнение Индии, по свидетельству тех же экспертов, было учтено, к примеру, в коммюнике по итогам второго саммита Четвёрки, в котором «не оказалось осуждения России» [30].

Такое положение объективно способствует интересам РФ, а значит в любом случае требует гибкой и тщательно выверенной политики России в «индийско-американско-российском треугольнике».

При этом следует иметь в виду высокую степень динамики международного ландшафта, связанную с новым украинским кризисом. Его последствия способны вносить важные коррективы в прогнозные сценарии.

ИСТОЧНИКИ

1. U.S.-India Relations 1947-2020 // U.S. Council on Foreign Relations. Available at: <https://www.cfr.org/timeline/us-india-relations> (accessed: 10.04.2022).

2. U.S.-India Joint Leaders' Statement: A Partnership for Global Good. //The Whitehouse, SEPTEMBER 24, 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/24/u-s-india-joint-leaders-statement-a-partnership-for-global-good/> (accessed: 04.04.2022).

3. Joint Statement: Vision and Principles for India-U.S. Comprehensive Global Strategic Partnership //Ministry of External Affairs. Government of India. February 25, 2020. Available at: https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/32421/Joint_Statement_Vision_and_Principles_for_IndiaUS_Comprehensive_Global_Strategic_Partnership (accessed: 06.04.2022).

4. Indopacific Strategy of the United States // The Whitehouse, FEBRUARY 11, 2022•Speeches and Remarks. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed: 06.04.2022).

5. Briefs on India's Bilateral Relations, India-U.S. Relations// Ministry of External Affairs. Government of India. Available at: <https://mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/InUsJUlynew21.pdf> (accessed: 06.04.2022).

6. Statistical Review of World Energy 2021. 70th edition// BP Information Portal. Available at: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2021-full-report.pdf> (accessed: 06.04.2022).

7. Joint Statement: Vision and Principles for India-U.S. Comprehensive Global Strategic Partnership//Ministry of External Affairs. Government of India. February 25, 2020. Available at: https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/32421/Joint_Statement_Vision_and_Principles_for_IndiaUS_Comprehensive_Global_Strategic_Partnership (accessed: 06.04.2022).

8. США предостерегают Индию от покупки нефти у России//Агентство экономической информации *Прайм тайм*. 01.04.2022. Available at: https://1prime.ru/oil/20220401/836563319.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (accessed: 06.04.2022).

9. India to Face Significant Cost If Aligned With Russia, U.S. Says. 07.04.2022. // *BloombergQuint*. Available at: <https://www.bloombergquint.com/politics/india-to-face-significant-cost-if-aligned-with-russia-u-s-says/> (accessed: 09.04.2022).

10. В Индии заявили, что имеют свой взгляд на ситуацию с правами человека в США // ТАСС. 14.04.2022. Available at: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14373555?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (accessed:17.04.2022)

11. Вопросы и ответы члена Госсовета, Министра иностранных дел Ван И на пресс-конференции, посвященной внешней политике Китая и международным отношениям Китая//МИД КНР, 2022-03-09 14:29. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202203/t20220309_10650115.html (accessed: 11.03.2022).

12. Transcript of Special Briefing by External Affairs Minister on Meeting with Foreign Minister of China (March 25, 2022)// Ministry of External Affairs. Government of India. Available at: https://wwmea.gov.in/media-briefings.htm?dtl/35076/Transcript_of_Special_Briefing_by_External_Affairs_Minister_on_Meeting_with_Foreign_Minister_of_China_March_25_2022 (accessed: 06.04.2022).

13. Внешняя торговля КНР по странам и регионам с января по декабрь 2021 г. (на кит. яз) // сайт Главного таможенного управления КНР. Available at: <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/zfxxgk/2799825/302274/302277/302276/4127455/index.html> (accessed: 01.03.2022).

14. Mahendra Patel. Top comment. Apr 8, 2022 // *Chat and Comments Portal of The Times of India*/ Available at: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/india-optimistic-on-us-defence-talks-despite-russia-strain/articleshow/90721836.cms> (accessed: 09.04.2022).

15. Sudhi Ranjan Sen. India Condemns Killing in Bucha, Seeks Independent Investigation. Russia continues to be an important partner, Jaishankar says. India and Russia are working on alternate payment system. 06.04.2022// *Bloomberg*. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-04-06/india-condemns-killing-in-bucha-seeks-independent-investigation> (accessed:09.04.2022).

16. Where does India stand in the current situation between the Russia and Ukraine conflict? 29.03.2022// *Qwora.com*, Public Information Portal. Available at: <https://www.quora.com/Where-does-India-stand-in-the-current-situation-between-the-Russia-and-Ukraine-conflict> (accessed: 01.04.2022).

17. Сергею Лаврову протянули рупию дружбы. Глава МИД РФ укрепляет партнёрство с Дели в обход западных санкций. 01.04.2022 // *Коммерсант*, Россия. Available at: <https://www.kommersant.ru/theme/379> (accessed: 03.04.2022).

18. Рубль-рупия бхай-бхай. Дели ищет пути обхода западных санкций против России. 15.03.2022 // *Коммерсант*, Россия. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/5258945> (accessed: 17.03.2022).

19. Prime Minister participates in virtual summit of Quad leaders. March 03, 2022// Ministry of External Affairs. Government of India. Available at: https://www.mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/34927/Prime_Minister_participates_in_virtual_summit_of_Quad_leaders (accessed: 01.04.2022).

20. Alternatives to russian weapons 'too expensive', India told us: report. saturday, april 09, 2022 // *Indian defence news*. Available at: <http://www.indiandefensenews.in/2022/04/alternatives-to-russian-weapons-too.html> (accessed: 01.04.2022).

21. Joint Readout of Quad Leaders Call. March 03, 2022- Available at: https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/34928/Joint_Readout_of_Quad_Leaders_Call (accessed: 25.03.2022)

22. Quad leaders agree Ukraine experience should not be allowed in Indo-Pacific - Japan, Australia. March 4, 2022// *Reuters*. Available at: <https://www.reuters.com/world/biden-quad-leaders-discuss-ukraine-thursday-white-house-2022-03-03/> (accessed:04.03.2022).

23. U.S. says Biden's Sanctions Adviser Had "Really Good Discussions" In India. April 01, 2022// *Natonal TV Chanel, India*. Available at: <https://www.ndtv.com/india->

news/us-says-bidens-sanctions-adviser-had-really-good-discussions-in-india-2855847 (accessed: 02.04.2022).

24. India optimistic on US defence talks despite Russia strain. // *The Times of India*. Available at: https://timesofindia.indiatimes.com/india/india-optimistic-on-us-defence-talks-despite-russia-strain/articleshow/90721836.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst (accessed: 08.04.2022).

25. We import less oil from Russia in a month than Europe does in an afternoon: India.12.04.2022 // *The Indian Express*. Available at: <https://indianexpress.com/article/india/us-india-22-dialogue-russia-ukraine-war-blinken-jaishankar-7865412/> (accessed: 18.04.2022).

26. Joint Communiqué of the 18th Meeting of the Foreign Ministers of the Russian Federation, the Republic of India and the People's Republic of China [26 November 2021] // Russian Ministry of Foreign Affairs. Available at: <https://mid.ru/upload/medialibrary/.pdf> (accessed: 12.02.2022).

27. Ответы Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова на вопросы СМИ по итогам переговоров с Министром иностранных дел Республики Индии С. Джайшанкар, Нью-Дели, 1 апреля 2022 г. // МИД РФ. Available at: (accessed: 10.04.2022).

28. Совместное заявление по итогам XXI российско-индийского саммита «Россия – Индия: партнёрство во имя мира, прогресса и процветания» // Сайт президента РФ. Available at: <http://www.kremlin.ru/supplement/5745> (accessed: 10.04.2022).

29. How PM Modi Is Countering Pressure To Speak Against Putin. March 21, 2022 // *National TV Chanel, India*. Available at: <https://www.ndtv.com/india-news/russia-ukraine-war-how-pm-modi-is-countering-pressure-to-speak-against-vladimir-putin-2833644> (accessed: 10.04.2022).

30. JOINT STATEMENT. 04 Mar 2022. Prime Minister, Prime Minister Narendra Modi of India, Prime Minister Fumio Kishida of Japan, President Joe Biden of the United States. 04 Mar 2022 // Government of Australia. Available at: <https://www.pm.gov.au/media/quad-leaders-virtual-meeting-joint-stmt> (accessed: 10.04.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кузык Б.Н., Шаумян Т.Л. 2009. Индия – Россия: стратегия партнёрства в XXI веке. Внешняя политика Индии в эпоху глобализации. Индия и США. М., Институт экономических стратегий, с. 825–862.

Уянаев С. 2020. Развитие формата «Россия – Индия – Китай» в контексте диалога Нью-Дели и Вашингтона // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. Т. 25. № 25: 13-33.

REFERENCES

Arvind Subramanian and Josh Felman. January/February 2022. India's Stalled Rise. How the State Has Stifled Growth // *Foreign Affairs*, Vol.101, No. 1. P.139-150. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/india/2021-12-14/indias-stalled-rise> (accessed: 04.03.2022).

Brahma Challery 2020 // *Foreign Affairs Magazine Web*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-11-10/biden-can-make-ally-india> (accessed: 26.03.2021).

Juster K., Mohan Kumar, Wendy Cutler, and Naushad Forbes. 2022. It's Time for America and India to Talk Trade / *Foreign Affairs Web*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/india/2022-04-14/its-time-america-and-india-talk-trade> (accessed:17.04.2022).

Kuzyk B.N., Shaumyan T.L. 2009. INDIA - RUSSIA: A PARTNERSHIP STRATEGY IN THE XXI CENTURY. Indian Foreign Policy under Globalization Conditions. India and the USA. Institute of Economic Strategies. Moscow, P. 825-862.

Shivshankar Menon. 2020. League of Nationalists. How Trump and Modi Refashioned the U.S.-Indian Relationship// *Foreign Affairs*. September. Volume 99, No. 5. p.132-139. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-08-11/modi-india-league-nationalists> (accessed: 22.11.2021).

Uyanaev S.V. 2020. Development of the "Russia—India—China" format in the context of the "New Delhi—Washington" dialogue// *China in World and Regional Politics. History and Modernity*. Issue XXV: 13-33.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

УЯНАЕВ Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН, **Sergey V. UYANAEV**, Candidate of Sciences (History), Deputy Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences.

Российская Федерация, 117218 Москва, Нахимовский проспект 32, 32 Nahimovskiy prosp., Moscow, 117218, Russian Federation

Статья поступила в редакцию / Received 20.04.2022.

Поступила после рецензирования / Revised 30.04.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 4.05.2022.

УДК 327

DOI: 10.31857/S2686673022080065

EDN: GUABMO

Стратегические императивы Индии: от Индийского океана к ИТР и обратно

А.В. Куприянов

Научно-исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН)

Российская Федерация, 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23.

Researcher ID: AAN-5094-2020 Scopus ID: 57221702621 РИНЦ ID: 899117

ORCID: 0000-0002-9041-6514 e-mail: a.kupriyanov@imemo.ru

Резюме. Анализируется трансформация политики Индии в отношении регионов Индийского океана и Индо-Тихоокеанского. Демонстрируется развитие императив индийских элит в отношении морской силы, рассматриваются военные, политические и экономические факторы, приведшие к созданию концепции Индо-Тихоокеанского региона (ИТР). Автор полагает, что в настоящее время происходит изменение подходов индийского руководства к ИТР: Нью-Дели отказывается от амбициозных проектов в сфере безопасности за пределами региона Индийского океана, сохраняя при этом культурное и гуманитарное присутствие в Индо-Тихоокеанском.

Ключевые слова: Индия, Индийский океан, Индо-Тихоокеанский регион

Для цитирования: Куприянов А.В. Стратегические императивы Индии: от Индийского океана к ИТР и обратно. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2022; 52 (8): 75-89. DOI: 10.31857/S2686673022080065 EDN: GUABMO

Strategic Imperatives of India: from the Indian Ocean to the Indo-Pacific and Back Again

Alexey V. Kupriyanov

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences.

23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russian Federation.

Researcher ID: AAN-5094-2020 Scopus ID: 57221702621 РИНЦ ID: 899117

ORCID: 0000-0002-9041-6514 e-mail: a.kupriyanov@imemo.ru

Abstract: The article analyzes the change in India's policy towards the Indian Ocean and Indo-Pacific regions. The author describes how the perception of the sea by the Indian elites developed, and highlights the factors that contributed to the invention of the concept of Indo-Pacific by Indian experts. The Indian leadership's approach to the Indo-Pacific is now changing as they abandon ambitious security projects beyond the Malayan Barrier while maintaining a cultural and humanitarian presence in the Greater Indo-Pacific.

Keywords: India, Indian Ocean, Indo-Pacific

For citation: Kupriyanov A.V. Strategic imperatives of India. From the Indian Ocean to the Indo-Pacific and Back Again. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2022; 52 (8):75-89. DOI: 10.31857/S2686673022080065 EDN: GUABMO

ВВЕДЕНИЕ

Название концепции «Индо-Тихоокеанский регион» (ИТР) за последние годы прочно вошло в лексикон политиков и экономистов стран, расположенных в регионах Индийского и Тихого океанов. Оно стало предметом оживлённых дискуссий среди учёных-международников, анализирующих речи лидеров государств и высокопоставленных чиновников, многочисленные стратегии и «видения» и пытающихся выяснить, что именно в том или ином конкретном случае имеет в виду политик, упоминающий Индо-Тихоокеанский регион.

Одним из важных результатов этих дискуссий стало осознание неоднозначности представления о концепции ИТР даже среди политических элит государств, находящихся в союзнических или партнёрских связях и разделяющих опасения в отношении вызовов безопасности со стороны третьих игроков. Так, взгляды на границы и само содержание концепции ИТР внутри научного, экспертного и политического сообществ США, Австралии, Японии и Индии заметно различаются, хотя все четыре страны являются членами Четвёрки – Четырёхстороннего диалога по безопасности (QUAD).

Особенно ярко это различие видно, когда речь заходит об Индии и России: несмотря на то что между сторонами существуют отношения особо привилегированного стратегического партнёрства, российская элита критикует саму идею ИТР, в то время как в индийском политическом дискурсе она предстаёт в качестве ключевого элемента долговременной внешнеполитической стратегии Нью-Дели. Такое взаимное непонимание регулярно приводит к казусам, которых можно было бы избежать, если бы Москва более тонко и с учётом всех нюансов подходила к оценке индийского видения ИТР и учитывала разницу в её трактовке в Нью-Дели, Токио, Вашингтоне и Канберре.

Понимание императивов, которыми руководствуются индийские элиты в отношении ИТР, тем более важно, что сама концепция зародилась именно в Индии, и для Нью-Дели она играет примерно ту же роль, что «Глобальная Британия» для Лондона или Большое Евразийское партнёрство для Москвы: помогает сформировать базу для расширения своего политического, культурного, экономического и военного влияния, апеллируя к реальным или воображаемым историческим связям. При этом само представление об ИТР в индийских политических элитах и экспертных кругах динамически трансформируется в зависимо-

сти от задач, которые ставит перед собой Нью-Дели, арсенала средств, которые могут быть привлечены для их реализации, и меняющейся конъюнктуры на мировой политической арене.

Примером такой трансформации является наметившееся в последние месяцы смещение фокуса индийской внешнеполитической активности опять в регион Индийского океана. Индо-Тихоокеанский регион при этом остаётся ключевым элементом индийского внешнеполитического дискурса, но происходит некая внутренняя дифференциация: региону Индийского океана отводится роль сферы безопасности, в то время как на остальном пространстве ИТР Индия разыгрывает экономическую и культурно-историческую карты, не пытаясь добиться военного доминирования. Эта рефокусировка стала результатом как серьёзных перемен во внутренней политике и экономике Индии, так и изменений на мировой политической сцене в течение последних лет.

ИНДИЯ И МОРЕ

В европейской историографии индуистская цивилизация традиционно рассматривается как преимущественно континентальная, что отличает её от мусульманской, европейской и ряда других восточных цивилизаций. Этот подход сложился ещё во второй половине XIX – первой половине XX века и отражает представления более чем вековой давности, базирующиеся на специфическом опыте, накопленном европейцами за время взаимодействия с индуистской цивилизацией. Португальские мореплаватели, прибывшие в регион Индийского океана, не застали южноиндийские талассократии, зато столкнулись с конкуренцией на море со стороны арабских торговых сетей и Османской империи. Именно этот опыт, дополненный голландцами, французами и британцами, определил восприятие индуистской цивилизации в Европе. Индуистскую составляющую упомянутых морских сетей европейцы просто не заметили, а последующие попытки маратхов и других прибрежных социумов оспорить европейское доминирование на локальном уровне воспринимались ими как пиратство. В результате в Европе сложилось представление об индуистах как о людях, опасаящихся путешествий через морские пространства («кала пани», «черную воду») во исполнение правил, сформулированных в дхарма-шастрах, а активное присутствие индусов в социальном морском пространстве в виде торговцев и моряков-ласкаров воспринималось как результат европейского влияния. Этот узкий взгляд в последние десятилетия подвергался критике со стороны как новой волны западных, так и индийских, и российских учёных, указывавших на давнюю индийскую традицию мореплавания [Ванина Е.Ю. 2015]; [Sidharan K.A. 1982]; [McPherson K. 1993].

Ещё во времена Хараппской цивилизации мореходы Индостана вели активную морскую торговлю с Шумером: Хараппа поставляла в Междуречье древеси-

ну. После возникновения и подъёма Персидской империи и включения в общий торговый ареал полисов и народов Восточного Средиземноморья, а затем и завоеваний Александра Македонского, образовалось единое морское торговое пространство – от портовых городов Южного Китая до побережья Греции. Распад империи Александра не помешал развитию торговых связей, а последовавшее создание и расцвет Римской империи способствовали укреплению торговых связей Востока и Запада. Индия, будучи не только важным транзитным пунктом, но самостоятельным производителем пряностей и предметов роскоши, процветала. Распад Римской империи вынудил политику Индостана переориентировать направление экспансии в сторону восточной части Индийского океана, однако появление и быстрое развитие арабских торговых сетей в западной части региона привело к восстановлению единого торгового пространства. При этом мореплаватели региона не воспринимали океан как пространство войны: хотя пиратские атаки, за которыми следовали карательные экспедиции, были обычным делом, сама концепция борьбы за морские пути была жителям Индостана чужда [Steinberg Ph.E. 2001: 41-52]. Эта ситуация начала меняться лишь с приходом европейцев и османов, которые превратили Индийский океан в пространство войны.

Следующая трансформация морского регионального пространства была связана с эпохой борьбы колониальных держав за доминирование в регионе Индийского океана. Из этой борьбы победителями вышли британцы, которые благодаря союзу с Великими Моголами и обитателями Синда, а также помощи португальцев, сумели справиться с оспаривавшими их господство маратхами, попытавшимися создать морскую империю [Singh K. 1974]. Широкое внедрение парового двигателя и железного судостроения в XIX веке одновременно с установлением глобального доминирования западных держав привели к переделу карты мира, коренным изменениям в самой структуре морской торговли и морской войны. Это, в свою очередь, повлекло за собой массовые миграции рабочей силы из Индии, что привело к формированию крупной индийской диаспоры в регионе [Bose S.A. 2006].

Специфика положения Индии в этот период определялась тем, что она была не колонией в строгом смысле этого слова, а скорее субимперией в составе Британской империи: её элиты, хотя и состояли из выходцев из метрополии и их потомков, пытались в целом следовать интересам Индии в том смысле, в котором они их понимали, и их видение этих интересов далеко не всегда совпадало с видением Лондона. Индия воспринималась как отдельная страна, находящаяся под контролем Британии. Она имела собственные вооружённые силы и свой флот, сравнительно небольшой и выполнявший преимущественно вспомогательные функции типа обеспечения десантов и антипиратских операций. Однако основную задачу по обеспечению безопасности морских рубежей Британской Индии играл британский флот. Как следствие, стратегия Индии как суб-

империи в рамках общей имперской стратегии Великобритании подразумевала оборону сухопутной северной границы против возможного вторжения русских и китайских войск, причём первый сценарий представлялся гораздо более вероятным [Yapp M.A. 1987].

После обретения Индией независимости в 1947 г. её политическое и военное руководство всерьёз задумалось о морской экспансии и установлении контроля над всем регионом Индийского океана, для чего необходимо было сформировать «стальное кольцо» по его границам [Panikkar K.M. 1945]; [Vaidya K.V.1949]. Индии, таким образом, отводилась роль младшего союзника Британии, которая должна была помочь бывшей колонии, передав ей корабли и базы. Однако, как в силу неспособности индийской экономики осуществить масштабную программу строительства и поддержания мощных ВМС, так и из-за стремления премьер-министра Джавахарлала Неру проводить независимую внешнюю политику, эта идея потерпела крах. Британия переориентировалась на Пакистан (попытавшись, впрочем, в 1972 г. вернуться к партнёрству с Индией [Vivekanandan V. 1974]), а Индия вступила во Вторую Индо-Пакистанскую войну с практически небогоготовым флотом, который не смог отразить набеговую операцию ВМС Пакистана. По итогам войны индийское руководство обратило особое внимание на вопросы укрепления морской обороны; в их решении Нью-Дели помогла Москва, предоставившая индийцам большое количество современного оружия и организовавшая курсы для индийских моряков. В 1971 г. Индия взяла реванш: Пакистан потерпел поражение и был расчленён на собственно Пакистан и Бангладеш.

Индия стала доминирующим местным игроком в регионе. Хотя её военно-морская мощь уступала американской или советской, но превосходила ВМС всех других региональных игроков вместе взятых. Умелое политическое маневрирование между враждующими блоками помогло индийскому руководству решить основную задачу: поддерживать выгодный для себя статус-кво в регионе и при этом по возможности при поддержке других региональных держав держать внешних игроков как можно дальше от Индийского океана [Singh K. 1978]; [Braun Д. 1983]. Эта политика получила в западных СМИ название «доктрина Индиры»/«индийская доктрина Монро». Так как Индо-океанский ТВД был в годы холодной войны глубоко второстепенным (во многом благодаря удалённости от советских и американских баз и малому присутствию в регионе ВМФ СССР [Kaushik Д. 1972]), Индии в целом удалось добиться поставленных задач. Типичным примером реализации «доктрины Индиры» можно считать операцию «Кактус» – интервенцию Индии на Мальдивах в 1988 г., в результате которой удалось пресечь попытку государственного переворота.

В 1990-е годы, после окончания холодной войны, оформление региона Индийского океана как сферы индийского контроля продолжалось. В начале XXI

века в индийском политикуме была сформулирована так называемая концепция трёх кругов, или трёх мандал, – непосредственного соседства, расширенного соседства и остального мира. Вся северо-восточная часть Индийского океана попала в зону непосредственного соседства, в то время как остальная часть океана оказывалась в зоне расширенного соседства. В это же время в экспертных кругах Индии в ответ на политический запрос возникла концепция Индо-Тихоокеанского региона.

ИНДО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ

Созданию новой геополитической концепции способствовал ряд факторов.

1. *По итогам холодной войны в регионе образовался вакуум силы.* В годы биполярного противостояния великие державы, хотя и не уделяли Индийскому океану первостепенного внимания, осуществляли достаточное военно-морское присутствие для того, чтобы обеспечивать безопасность мореплавания и в первую очередь транспортировки углеводородов из стран Персидского залива, проводили антипиратские операции, траление опасных вод и прикрытие транспортов. После окончания холодной войны Россия свернула присутствие в регионе, а США, претендующие на роль гегемона, сконцентрировались на идеологической и финансовой экспансии и борьбе с государствами-«изгоями». Это привело к оживлению чёрного рынка и бурной теневой глобализации в регионе с опорой на традиционные экономические инструменты, включая пиратство и незаконную торговлю. Заполнение этого вакуума силы, появление в регионе игрока, который обеспечивал бы безопасность морских путей в регионе, было бы положительно воспринято подавляющим большинством мировых держав, готовых смириться с оформлением сферы влияния Индии. Для Нью-Дели создание такой сферы могло стать важным шагом на пути к признанию за Индией статуса великой державы.

2. *Произошли качественные изменения в распределении ресурсов в мировой экономике и политике.* Китай, бывший до недавнего прошлого развивающейся экономикой, превратился в полноценную фабрику мира, и маршрут из Китая в Европу вновь стал основной мировой торговой артерией. Рост экономического могущества Китая сопровождался ростом его политических амбиций, претензий на особую роль в Восточной и Юго-Восточной Азии, расширением сферы влияния. Китайский бизнес при поддержке государства начал активно проникать в страны Юго-Восточной Азии, южной части Тихого и Индийского океана. Это вызвало тревогу у политических элит Индии, обеспокоенных возможным доминированием КНР в Азии и в сфере индийских интересов в том числе, и побудило их к поиску контрмер. Естественным партнёром в этой ситуации выглядели, помимо Японии, США. Несмотря на проблемные 1990-е годы, когда правительство У. Клинтона не сумело наладить с Индией взаимовыгодные отношения, а адми-

нистрация Дж. Буша-старшего даже ввела против неё санкции после ядерных испытаний 1998 г., постепенно начался процесс американо-индийского сближения – сначала под влиянием совместных интересов в сфере противодействия исламскому терроризму в Азии, а затем и на почве обеспокоенности ростом китайской мощи. Параллельно Индия в рамках политики «смотри на Восток» развивала отношения со странами АСЕАН, рассматривая их как источник инвестиций и технологий, и с ближайшими соседями в рамках Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии (SAARC) и Инициативы стран Бенгальского залива по многоотраслевой технико-экономической кооперации (BIMSTEC), стремясь создать своего рода сферу процветания в масштабах Южной Азии и стран Бенгальского залива [Brewster D. 2014].

3. Наконец, кардинально изменилась сама Индия. Реформы, проведённые в 1990-х годах правительством Нарасимхи Рао, спустя десятилетие привели к быстрому росту индийской экономики. В середине первой декады XXI века темпы роста ВВП Индии достигли 9,8%. У индийских элит возникла иллюзия, что этот рост будет продолжаться в течение ближайших десятилетий и сможет обеспечить постоянное повышение расходов на оборону.

Три этих фактора способствовали концептуальному оформлению претензий на изменившуюся роль Индии в регионе. В 2006–2007 гг. индийские эксперты и морские офицеры Премвир Дас и Гурприт Кхурана предложили концепцию «Индо-Тихоокеанского региона (сам по себе термин появился ещё в середине XIX века, но благодаря П. Дасу и Г. Кхуране обрёл новое звучание) [Das P. 2006]; [Khurana G. 2007]. Эта концепция подразумевала, что Индия в силу своего географического положения обладает возможностью неявно воздействовать на стратегию и внешнюю политику государств Восточной Азии: поскольку основные маршруты поставок углеводородов в этот субрегион проходят возле индийских берегов, то Индия, даже не применяя силу, может вынудить восточноазиатские страны проводить выгодную для неё политику. Хотя в статьях и выступлениях П. Даса и Г. Кхураны речь шла исключительно о том, что при помощи контроля за линией снабжения Индия может обеспечить безопасность поставок нефти и газа в Японию, явно подразумевалось, что основным субъектом такого имплицитного воздействия должен стать Китай. Эту мысль верно уловило японское руководство: тогдашний премьер-министр Японии Синдзо Абэ в выступлении перед парламентом Индии в августе 2007 г. провозгласил концепцию «слияния двух океанов» [1]. Спустя пять лет она вошла в лексикон индийских официальных лиц [Scott D. 2019], привлекла внимание американских экспертов и стала концептуальной основой для разработки «Индо-Тихоокеанской стратегии США» – краеугольного камня нынешней американской политики на Тихом и Индийском океанах [2]. Помимо США, концепция получила широкое распространение и в других странах региона.

В самой Индии в течение этих лет видение Индо-Тихоокеанского региона пережило серьёзную трансформацию. Из конструкции, выстроенной вокруг проблем безопасности, оно превратилось в широкую культурно-философскую концепцию, призванную обосновать экономическое, политическое и культурное доминирование Индии в регионе Индийского океана и экспансию в пространство Тихого океана, не налагая при этом на Нью-Дели никаких обязательств [Doyle T., Rumley D. 2019]; [Chacko P. 2016].

Эта трансформация заняла около полутора десятков лет, причём периоды активности Индии в одной части субрегиона сменялись пассивной политикой, а отступление на одном направлении нередко сопровождалось усилением активности на другом (к примеру, уменьшение индийской активности в Южно-Китайском море сопровождалось наращиванием присутствия в южной части Тихого океана). Сейчас можно констатировать, что Индия в определённой степени сворачивает внешнеполитическую активность за пределами региона Индийского океана.

ПРИЧИНЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

Причины этой концептуальной трансформации, как представляется, заключаются в следующем.

1. Прежде всего, индийские элиты, невзирая на недовольство наращиванием внешнеполитической активности КНР, не готовы втягивать страну в реальную конфронтацию с Китаем, тем более на отдалённом ТВД и в интересах других стран. Речь идёт главным образом о Южно-Китайском море, где Индия могла бы теоретически оказать поддержку стратегическим партнёрам, подкрепив своим флотом их притязания на спорные острова и окружающие их акватории.

С самого момента обретения независимости императивом для индийского руководства остаются приоритет интересов Индии и категорическая неготовность ставить индийскую внешнюю политику в зависимость от интересов других игроков. Конфликт с КНР в пользу малых стран ЮВА представляется индийским политическим элитам бессмысленным. Помимо этого, индийский флот в настоящий момент значительно слабее китайского; он может до некоторой степени надеяться на победу лишь в том случае, если конфронтация с китайскими силами произойдёт на заранее подготовленной позиции. В индийских стратегических планах эту роль играет Андаманский оборонительный район позиция, отрезающий Андаманское море от Бенгальского залива и блокирующий развёртывание любого неприятельского флота, сумевшего форсировать Малаккский пролив [Baruah D., Mohan S. 2019]. С опорой на него индийский флот будет сражаться в максимально выгодных условиях при поддержке береговых ракетных комплексов и базовой авиации, в то время как условному противнику (в данном случае КНР) надо будет протягивать линию снабжения через

Южно-Китайское море, омывающее берега потенциально враждебных стран, и через узость Малаккского пролива. Если же ВМС Индии придётся принять бой в Южно-Китайском море, они лишатся всех своих преимуществ и будут быстро разгромлены. Хотя к 2030 г. значение Андаманской позиции, как ожидается, уменьшится в связи с ростом численности ВМС Индии, но расстановка сил на доске останется той же: индийский флот сможет с определёнными шансами на успех противостоять китайскому в Индийском океане [Menon R. 2018], но будет гораздо слабее его в акватории ЮКМ.

Во-вторых, события, последовавшие за пограничным конфликтом в долине реки Галван в июне 2020 г., продемонстрировали ошибочность самой идеи об имплицитном воздействии индийской угрозы китайской морской торговле на внешнюю политику КНР и тем самым поставили под вопрос концептуальную основу ИТР в понимании Г. Кхураны и П. Даса. После столкновения в долине Галвана основные силы ВМС Индии вышли в океан, продемонстрировав возможность блокирования китайских торговых путей, и даже отправили корабль в ЮКМ, чтобы подкрепить эту демонстрацию [3]. Логика Г. Кхураны и П. Даса предполагала, что в ответ на это власти КНР, видя угрозу торговому судоходству, либо откажутся от дальнейшей эскалации, либо вынуждены будут отправить флот в Индийский океан, где он окажется в невыгодном положении. Но КНР никак не отреагировала на действия ВМС Индии, и теперь уже Нью-Дели оказался перед выбором: или воплотить угрозу в жизнь, прервав китайскую торговую линию, что неизбежно вело к дальнейшей эскалации, либо воздержаться от активных действий, тем самым фактически признав, что индийское руководство не готово идти дальше демонстрации силы и всерьёз не рассматривает возможность её применения. Правительство Нарендры Модии выбрало второй вариант. В результате острая фаза конфронтации в долине Галвана завершилась спустя несколько месяцев, когда стороны сели за стол переговоров. Хотя индийские СМИ со ссылкой на источники в руководстве ВМС сообщали, что именно демонстрационные действия флота вынудили китайцев отказаться от дальнейшей эскалации [4], никаких подтверждений этому нет. Очевидно, что заложенная в основу изначальной концепции ИТР как система безопасности идея имплицитного сдерживания не работала.

В-третьих, Индия столкнулась с серьёзными проблемами в южной части Тихого океана. В 2020 г. Нью-Дели начал там осторожную экспансию, для координации которой было создано специальное направление в рамках МИД [5]. Индийское руководство рассчитывало на формирование «треугольника» Париж – Нью-Дели – Канберра. Франция, которой принадлежит ряд островных территорий и значительные акватории в регионе, имеющие стратегическое значение, в последние годы укрепляла отношения с Индией – перспективным партнёром, не имеющим к Франции исторических претензий [6]. Второй потенциальный партнёр, Австралия, также активно развивал связи с Индией как на двусторон-

ней, так и на многосторонней основе (в частности, в формате Четвёрки); Канберра в целом положительно относилась к наращиванию индийского присутствия в южной части Тихого океана, видя в нём противовес росту китайского влияния в регионе. Развивалось сотрудничество и между Австралией и Францией как по военно-технической (в 2016 г. Канберра подписала контракт с французской «Наваль групп» (*Naval group*) на строительство 12 подлодок общей стоимостью 66 млрд долл.), так и по политической линии (совместные действия во время кризиса на Форуме тихоокеанских островов в феврале 2021 г.) [7]. Стремление Австралии к проведению независимой линии, наличие у неё собственной региональной интеграционной инициативы (*Pacific Step-up*) позволяли надеяться, что она будет действовать в регионе как независимый игрок, в целом дружественный Индии и стремящийся сохранять сложный баланс между Индией, Францией, США и другими игроками.

Однако в сентябре 2021 г. австралийское руководство кардинально изменило политический курс, вступив в состав нового блока АУКУС с участием США и Великобритании. Вместо участия в неформальном блоке с Индией и Францией Канберра сделала выбор в пользу прямого противостояния с Китаем под американским «зонтиком», согласившись фактически на статус младшего партнёра Великобритании и США. Это привело к росту напряжённости в отношениях Франции и Австралии, что сделало невозможным формирование «треугольника» Франция – Индия – Австралия, и вынудило Индию, до того рассматривавшую Австралию как самостоятельного игрока, скорректировать свои планы.

Но ключевым фактором, очевидно, стало нарастание проблем в индийской экономике. После финансового кризиса 2008 г. и периода восстановительного роста началось снижение темпов роста ВВП Индии. Этот тренд вызвал беспокойство в индийских политических и экономических кругах, привыкших увязывать повышение внешнеполитического статуса с темпами экономического роста. Сначала в проблемах обвиняли неудачную политику правительства Манмохана Сингха, затем ошибки правительства «Бхаратия Джаната парти», затем пандемию *COVID-19*. Но, по всей видимости, дело в том, что модель роста ВВП, в которой главным драйвером выступает сектор услуг, заложенная ещё при Н. Рао в 1990-х годах, себя исчерпала. Нынешняя политика премьер-министра Н. Моди нацелена на то, чтобы переломить эту тенденцию и обеспечить ускоренное развитие и реструктуризацию индийской экономики; она подразумевает массовую профессиональную переподготовку людей старших возрастов, кардинальные изменения самой экономической структуры, планирования и системы подготовки кадров для того, чтобы обеспечить возможность для релокации западных фирм из КНР в Индию. Эти масштабные социальные реформы требуют колоссальных вложений, ставя по сомнению возможность проведения экспансии за пределами региона Индийского океана.

«КРЕПОСТЬ ИНДИЯ»

Ещё до начала украинского кризиса указанные выше факторы привели к постепенному сворачиванию индийской экспансии за пределами региона Индийского океана. Сама по себе концепция Индо-Тихоокеанского региона сохранилась в качестве основы индийского внешнеполитического дискурса, но ключевые практические усилия прикладываются в настоящее время к оформлению в регионе Индийского океана сферы безопасности, тогда как западной части Тихого океана отводится роль своего рода предполья, где Индия действует преимущественно пассивно, поддерживая инициативы своих ключевых партнёров – стран АСЕАН и Австралии.

Эта смена вектора выражается, в частности, в том, что Индия заметно активизировала политику в западной части Индийского океана, которой Нью-Дели традиционно уделял сравнительно мало внимания. Укрепляются двусторонние экономические, политические и военные связи со странами Персидского залива. В 2021 г. началось формирование нового неформального блока, который в индийской прессе уже назвали «Четвёрка-2» (*QUAD-2*): он призван объединить ресурсы и технологии Индии, США, ОАЭ и Израиля, став драйвером регионального развития [8].

Важным индикатором являются изменения в индийской кораблестроительной программе. Индийское руководство дало понять, что намерено отказаться от строительства третьего авианосца, предложив военным вместо этого сделать акцент на строительстве подводных лодок [9]. Начальник Штаба обороны ВС Индии генерал Бипин Рават объяснил такое решение бюджетными ограничениями. Несмотря на постоянное лоббирование военно-морскими элитами Индии строительства третьего авианосца и гибель генерала Равата, основного противника этой программы, в авиакатастрофе в декабре 2021 г., перспективы представляются сомнительными: восстановление экономики после пандемии накладывает серьёзные ограничения на военные программы. Стоит обратить внимание и на сугубо военный аспект: если авианосец является средством завоевания и удержания контроля над морем и хорошо подходит для демонстрации флага в отдалении от баз, то подлодки рассматриваются в основном как инструмент создания зоны запрещения доступа и манёвра. В целом эти изменения с вероятностью свидетельствуют о том, что Индия намерена сконцентрироваться на создании оборонительного периметра по границам региона Индийского океана – своего рода «Крепости Индия».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В течение десятилетий руководство независимой Индии пыталось выстроить вокруг страны сферу безопасности, граница которой проходила бы по рубежам региона Индийского океана. Окончание холодной войны и бурный экономиче-

ский рост побудили индийские политические элиты задуматься о расширении контура безопасности и включении в него западной части Тихого океана, однако по ряду политических и экономических причин Нью-Дели постепенно возвращается к привычному индоокеанскому формату.

Начавшийся в 2022 г. украинский кризис может ускорить этот процесс. Москва, особо привилегированный партнёр Нью-Дели, лишилась прямого доступа к западным рынкам, технологиям и инвестициям. В этих условиях Индия превращается в транзитного поставщика, через которого Россия может получить столь необходимые ей западные технологии, ресурсы и деньги. Индийское руководство, в свою очередь, рассчитывает, что Россия, лишившись западных рынков и связей, будет гораздо уступчивее в вопросах передачи технологий и предоставления доступа к своему рынку для индийских товаров. Украинский кризис, таким образом, предоставляет индийской экономике шанс на выход из стагнации. Если руководство Индии сумеет и дальше балансировать между Москвой и западными странами, используя выгоды сотрудничества с обоими лагерями, то экономика страны получит удвоенный импульс для развития.

В складывающейся ситуации Индия теряет интерес к экспансии: в условиях нестабильности на мировом политическом и экономическом поле для неё выгоднее замкнуться в своей сфере влияния, нормализовать отношения с соседями в той мере, в какой это будет соответствовать её интересам, и сосредоточиться на экономическом развитии, пользуясь уникальной позицией великой державы, поддерживающей хорошие отношения как с враждующими лагерями новой холодной войны, так и со средними и малыми игроками.

ИСТОЧНИКИ

1. "Confluence of the Two Seas". Speech by H.E. Mr. Shinzo Abe, Prime Minister of Japan at the Parliament of the Republic of India. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. 22.08.2007. Available at: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/pmv0708/speech-2.html> (accessed 29.05.2022).

2. Indo-Pacific Strategy of the United States. *The White House*. 02.2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed 30.05.2022).

3. Post-Galwan clash, Indian Navy quietly deployed warship in South China Sea. *The Times of India*. 30.08.2020. Available at: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/post-galwan-clash-indian-navy-quietly-deployed-warship-in-south-china-sea/articleshow/77834259.cms> (accessed 17.05.2022).

4. Indian Navy's deployment impacted post-Galwan border talks with China: Vice Admiral Singh. *The Hindu*. 03.12.2022. Available at: <https://www.thehindu.com/news/national/indian-navys-deployment-impacted->

post-galwan-border-talks-with-china-vice-admiral-singh/article37826313.ece (accessed 15.05.2022).

5. Bagchi I. With eye on China, MEA brings Indo-Pacific, Asean policies unit. *The Times of India*. 29.09.2020. Available at: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/with-eye-on-china-mea-brings-indo-pacific-asean-policies-under-one-unit/articleshow/78374295.cms> (accessed 31.05.2022).

6. Захаров А. Индия и Франция: союз солнца и океана. *РСМД*. 30.03.2018. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/brics/indiya-i-frantsiya-soyuz-solntsa-i-okeana/> (accessed 31.05.2022).

7. Paskal C. How the Pacific Islands Forum Fell Apart. *The Diplomat*. 10.02.2021. Available at: <https://thediplomat.com/2021/02/how-the-pacific-islands-forum-fell-apart/> (accessed 30.05.2022).

8. Bagchi I. India, U.S., Israel & UAE coming together to form a 2nd Quad? *The Times of India*. 18.10.2021. Available at: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/india-us-israel-uae-coming-together-to-form-a-2nd-quad/articleshow/87095072.cms>(accessed 03.06.2022).

9. Navy May Have To Wait For Third Aircraft Carrier: General Bipin Rawat. *NDTV*. 17.02.2020. Available at: <https://www.ndtv.com/india-news/genera-bipin-rawat-says-navy-may-have-to-wait-for-third-aircraft-carrier-2181629> (accessed 03.06.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ванина Е.Ю. 2015. Из истории индийской навигации: география мореплавания и мифография запретов. *Под небом Южной Азии. Движение и пространство: парадигма мобильности и поиски смыслов за пределами статичности*. М., Наука – Восточная литература. 911 с.

REFERENCES

Baruah D.B., Mohan C.R. 2019. The Emerging Dynamics of Sino-Indian Rivalry in the Bay of Bengal. *India-China Maritime Competition: The Security Dilemma at Sea*. Ed. by R. Basrus, A. Mukherjee, T.V. Paul. London, New York: Routledge. P. 88-110.

Bose S.A. 2006. *Hundred Horizons: The Indian Ocean in the Age of Global Empire*. Cambridge, London: Harvard University Press. 333 p.

Braun D. 1983. *The Indian Ocean: Region of Conflict or 'Zone of Peace'?* London: C. Hurst & Company. 228 p.

Brewster D. 2014. *India's Ocean: The story of India's bid for regional leadership*. Routledge: London, New York. 228 p.

Chacko P. 2016. India and the Indo-Pacific from Singh to Modi: Geopolitical and Goeconomic Entanglements. *New Regional Geopolitics in the Indo-Pacific: Drivers, dynamics and consequences*. Ed. by P. Chacko. New York: Routledge. P. 43-59.

Das P.S. 2006. Maritime Violence in the Indian Ocean—Challenges and Responses. *Indo-Japan Dialogue on Ocean Security*. Ocean Policy Research Foundation, October 13, 2006. P. 108-121. Available at: https://www.spf.org/en/_opri_media/publication/pdf/200703_061105_02.pdf (accessed 12.05.2022).

Doyle T., Rumley D. 2019. *The Rise & Return of the Indo-Pacific*. Oxford: Oxford University Press. 223 p.

Kaushik D. 1972. *The Indian Ocean: Towards a Peace Zone*. Delhi: Vikas Publications. 225 p.

Khurana G. S. 2007. Security of Sea Lines: Prospects for India – Japan Cooperation. *Strategic Analysis*. Vol. 31, no. 1. P. 139–153. DOI: 10.1080/09700160701355485

Panikkar K.M. 1945. *India and the Indian Ocean: an Essay on the Influence of Sea Power on Indian History*. New York: Macmillan Company. 99 p.

Sidharan K.A. 1982. *Maritime History of India*. New Delhi: Ministry of Information and Broadcasting. 463 p.

McPherson K. 1993. *The Indian Ocean: A History of People and the Sea*. Oxford: Oxford University Press. 327 p.

Menon R. 2018. Scenarios for China’s Naval Deployment in the Indian Ocean and India’s Naval Response. *India and China at Sea*. New Delhi: Oxford University Press, 2018. Pp. 125-136.

Scott D. 2019. India and the Indo-Pacific Discourse. *New Directions in India’s Foreign Policy: Theory and Praxis*. Ed. by Harsh V. Pant. New Delhi: Cambridge University Press. P. 195-214.

Singh K.R. 1974. *Politics of the Indian Ocean*. New Delhi: Thomson Press Ltd. 252 p.

Singh K.R. 1978. *The Indian Ocean: Big Power Presence and Local Response*. New Delhi: South Asia Books. 336 p.

Steinberg Ph.E. 2001. *The Social Construction of the Ocean*. New York: Cambridge University Press, 2001. 239 p.

Vaidya K.B. 1949. *The Naval Defence of India*. Bombay: Thacker & Co. 248 p.

Vanina E. 2015. From the history of Indian navigation: the geography of seafaring and the mythography of prohibitions. Under the Skies of South Asia: Mobility and Space. In *Quest of Meanings Beyond Stasis (USSA-II)*. Moscow: Nauka. 911 p.

Vivekanandan B. 1974. Britain and the Indian Ocean. *Indian Ocean Power Rivalry*. Ed. by T.T. Poulouse. New Delhi: Young Asia. P. 24-31, 317 p.

Yapp M.A. 1987. British Perceptions of the Russian Threat to India. *Modern Asian Studies*. Vol. 21, No. 4. P. 647-665.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КУПРИЯНОВ Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, руководитель Группы Южной Азии и региона Индийского океана Центра азиатско-тихоокеанских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН).
Российская Федерация, 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23.

Alexey V. KUPRIYANOV, Cand. Sci. (History), Senior research fellow, Head of Group on South Asia and Indian Ocean, Center for Asia Pacific Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences.
23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 25.05.2022.

Поступила после рецензирования / Revised 5.06.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 6.06.2022.

УДК 327

DOI: 10.31857/S2686673022080077

EDN: GUGOWB

Политика США в Юго-Восточной Азии: от Б. Обамы до Дж. Байдена

А.С. Степанов

Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный переулок, д. 2/3.

Scopus Author ID: 57217584002 РИНЦ ID: 848659

ORCID: 0000-0001-8270-9774 e-mail: astepano89@gmail.com

Резюме: Регион Юго-Восточной Азии имеет большую геополитическую, экономическую и стратегическую значимость для Азиатско-Тихоокеанского региона и мира в целом. Играет он свою роль и в противостоянии между США и Китаем, поскольку каждая держава стремится укрепить там своё влияние. Китайская Народная Республика, будучи географически близкой к странам ЮВА и имеющая с ними глубокие исторические и культурные связи, активно взаимодействует с ЮВА в торговой и инвестиционной сфере. США также активно инвестируют в регион и поддерживают тесные связи в области безопасности. Понимая важность выстраивания партнёрских отношений со странами ЮВА, каждая американская администрация в XXI веке стремилась предложить свой подход к взаимодействию с этим регионом.

В статье рассматривается политика трёх администраций – Б. Обамы, Д. Трампа и Дж. Байдена. Делается вывод о том, что с течением времени США всё больше сосредотачиваются на противостоянии с Китаем и не рассматривают взаимодействие с ЮВА как самоцель. У таких стран, как Вьетнам и Филиппины есть потенциал значительного укрепления взаимоотношений с США.

Ключевые слова: американо-китайские отношения, Юго-Восточная Азия, Б. Обама, Д. Трамп, Дж. Байден

Для цитирования: Степанов А.С. Политика США в Юго-Восточной Азии: от Б. Обамы до Дж. Байдена. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2022; 52(8): 90–101. DOI: 10.31857/S2686673022080077 EDN: GUGOWB

The U.S. Policy towards Southeast Asia: from Barack Obama to Joe Biden

Alexey S. Stepanov

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences.

2/3, Khlebny pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation.

Scopus Author ID: 57217584002 РИНЦ ID: 848659

ORCID: 0000-0001-8270-9774 e-mail: astepano89@gmail.com

Abstract: The Southeast Asia region is of great geopolitical, economic and strategic importance for both Asia-Pacific region and worldwide. It also plays its part in the confrontation between the US and China, where each power seeks to strengthen its influence. The PRC boasts being geographically close having deep historical and cultural ties with the Southeast Asian countries, and actively interacts with Southeast Asia in trade and investment. The US is also actively investing and maintains close security ties with the region. Understanding the importance of building partnerships with Southeast Asian countries, each American administration in the 21st century sought to offer its own approach to interaction with this region. The article examines the policy of three administrations: B. Obama, D. Trump and J. Biden. The author concludes that over time, the United States is increasingly focusing on confrontation with China and does not consider interaction with Southeast Asia as an end in itself. Countries such as Vietnam and the Philippines have the potential to significantly strengthen their relationship with the United States.

Keywords: US-China relations, Southeast Asia, B. Obama, D. Trump, J. Biden

For citation: Stepanov A.S. The U.S. Policy towards Southeast Asia: from Barack Obama to Joe Biden. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2022; 52(8): 90-101.

DOI: 10.31857/S2686673022080077 EDN: GUGOWB

ВВЕДЕНИЕ

Соперничество между США и Китаем набирает обороты по всему миру, однако центром этого соперничества является западная часть Тихого океана и, в значительной степени, Юго-Восточная Азия (ЮВА). Несмотря на географическую близость региона к Китаю и постоянно укрепляющиеся экономические связи между КНР и членами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), США по-прежнему обладают рядом серьёзных преимуществ, позволяющих им оказывать значительное влияние на ЮВА. Каждая администрация президента США в XXI веке пыталась сформулировать свой собственный подход к этому региону. Пик внимания Соединённых Штатов к ЮВА пришёлся на администрацию Б. Обамы. При Д. Трампе произошло некоторое отдаление США, несмотря на то, что Юго-Восточная Азия является важной частью новой региональной концепции Индо-Тихоокеанского региона, так как находится между Индийским и Тихим океанами. Администрация Дж. Байдена выразила вновь появившийся интерес к ЮВА, что даёт возможность попытаться найти решение старых проблем и использовать новые возможности.

КИТАЙ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

В Юго-Восточной Азии наблюдается большая заинтересованность в развитии сотрудничества с Китаем. Эта идея продвигается в соцсетях, средствах массовой информации, государственном дискурсе, экспертном сообществе стран региона.

В настоящее время под эгидой инициативы «Один пояс – один путь» Китай осуществляет в Юго-Восточной Азии ряд масштабных экономических проектов, включающих строительство гидроэлектростанций, нефте- и газопроводов, железных дорог. Кроме того, он активно продвигает проекты в области безопасности на море и охраны правопорядка. Крупнейшими получателями китайских инвестиций в инфраструктурное развитие в ЮВА являются Индонезия, Вьетнам и Малайзия [J. Stromseth, 2019: 3]. Так, крупным инфраструктурным проектом является «Сотрудничество Ланьцан – Меконг», направленное на инфраструктурное развитие стран бассейна крупнейшей реки Меконг (Камбоджа, Лаос, Мьянма, Вьетнам и Таиланд). С этими государствами у Китая существуют давние разногласия, касающиеся использования реки. Это связано, прежде всего, со строительством плотин выше по течению на территории Китая, что негативно сказывается на сельском хозяйстве стран, находящихся ниже по течению. Основными целями проекта являются технологическое и промышленное развитие региона, развитие торговли, сельского хозяйства, а также борьба с бедностью.

Камбоджа и Лаос – страны, находящиеся в инвестиционной, а вслед за этим и политической зависимости от Китая. Это пока единственные страны, подписавшие с ним двусторонние «планы действий», в основе которых лежит китайская «концепция единой судьбы» [J. Stromseth, 2019: 3]. Происходит интенсивное взаимодействие между Китаем и формальными структурами ЮВА, такими как Региональный форум АСЕАН (АРФ), где Китай к 2017 г. инициировал наибольшее число проектов в сфере регионального сотрудничества [A. Chatterji, 2021: 5]. Для всех стран АСЕАН Китай – крупнейший торговый партнёр (табл. 1). В 2020 г. Ассоциация государств Юго-Восточной Азии стала вторым крупнейшим торговым партнёром Китая после Евросоюза (ЕС). Значительное место среди статей как импорта, так и экспорта стран АСЕАН занимают товары промышленного производства.

Таблица 1

Торговля товарами стран АСЕАН с Китаем и США, млрд долл.

	2018 г.			2019 г.			2020 г.		
	1	2	Всего	1	2	Всего	1	2	Всего
Китай	197,7	280,9	478,5	202,5	305,4	508,0	218,7	299,5	518,1
США	160,3	101,9	262,1	183,8	111,0	294,8	211,5	97,4	308,9
ЕС	141,2	111,0	252,2	134,5	110,6	245,1	130,2	96,5	226,7
Япония	114,8	115,3	230,1	109,9	116,1	226,0	102,5	102,1	204,6
Южная Корея	60,5	100,2	160,7	59,4	97,1	156,5	58,5	96,2	154,7
Мир	1436,0	1372,1	2808,1	1423,8	1392,6	2816,4	1395,9	1272,1	2668,0

1 – Экспорт; 2 – Импорт

Источник: ASEANStatsDataPortal. Available at: <https://data.aseanstats.org/trade-annually>

Китай продвигает своё влияние в том числе через Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), в противовес международным институтам, в которых ведущую роль играют США (таким как Азиатский банк развития). Кроме того, Китай предоставляет странам помощь с меньшим количеством предварительных условий. Так, например, Малайзии, Филиппинам и Таиланду оказывается и военная помощь, несмотря на ситуацию с правами человека. Наиболее близки к Китаю страны ЮВА, расположенные в Евразии, но не имеющие границ с ним. Так, в Таиланде, невзирая на существующие противоречия, связанные с использованием реки Меконг, наличие договора о безопасности с США и дисбаланс в торговых отношениях, элита страны высоко ценит отношения с КНР благодаря проектам, касающимся технологического и инфраструктурного развития. У Таиланда с Китаем существует значительное военное сотрудничество, включающее, в том числе, обучение офицерского состава. Камбоджа, как уже было сказано, имеет сильную долговую зависимость от Китая и, в то же время, тесные связи в экономической, культурной и военной сферах. Страна активно участвует в проектах в рамках инициативы «Один пояс – один путь» и оказывает Китаю дипломатическую поддержку на международной арене, в том числе и на площадках АСЕАН при обсуждении такой важной для региона темы, как территориальные споры в Южно-Китайском море.

Вьетнам – страна, граничащая с Китаем и имеющая богатую историю взаимодействия с ним. Однако в двусторонних отношениях присутствуют также враждебность и взаимное недоверие, несмотря на многие общие черты в характере политических режимов и курсе развития стран. Из всех государств региона Вьетнам занимает наиболее жёсткую позицию в отношении споров в Южно-Китайском море, особенно после стабилизации китайско-филиппинских отношений. У Вьетнама имеется наибольший потенциал наращивания взаимодействия как с США, так и с другими центрами силы в Индо-Тихоокеанском регионе: с Индией, Японией и Австралией. Мьянма, также имеющая общую границу с Китаем, развивает тесное сотрудничество с КНР в торговой и инвестиционной сфере и вовлечена в большое количество проектов в рамках инициативы «Один пояс – один путь», включая «Экономический коридор Китай – Мьянма», строительство ГЭС, объектов железнодорожной и портовой инфраструктуры. До прихода к власти Р. Дутерте в 2016 г. Филиппины, наряду с другими странами Южно-Китайского моря, выражали значительную обеспокоенность действиями Китая в его акватории. Однако филиппинские военные, многие члены правительства и значительная часть населения по-прежнему разделяют озабоченность в связи с усилением КНР.

Что касается Малайзии, то можно отметить движение в сторону Китая на основе существующих тесных торговых и инвестиционных отношений. По этой причине Малайзия, будучи мусульманской страной, не комментирует ситуацию

с правами уйгуров в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Эта страна активно сотрудничает с Китаем в сфере безопасности: между двумя странами существует соглашение об обмене разведанными, страна также закупает китайскую военную технику. При этом Малайзия не признаёт законность претензий КНР в Южно-Китайском море.

Индонезия остаётся одной из стран, стремящихся поддерживать баланс в отношениях и с Китаем, и с США в рамках концепции «прагматичной равноудалённости». Страна имеет тесное торговое и инвестиционное сотрудничество с КНР, причём в торговле страны производят расчёты в своих национальных валютах. Несмотря на это, проблемой остаются территориальные споры между двумя странами в Южно-Китайском море (ЮКМ). Схожей стратегии равноудалённости придерживается и Сингапур, официально заявляющий о нежелании выбирать сторону в американо-китайском противостоянии. Единственной страной ЮВА, урегулировавшей территориальные споры в ЮКМ с Китаем, является Бруней.

США В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

При президенте Д. Трампе США несколько отдалились от региона ЮВА по сравнению с периодом президентства Б. Обамы, что сподвигло некоторые страны укрепить свои отношения с Китаем. Однако на самом деле вовлечённость США в дела ЮВА по-прежнему остаётся высокой. По общему объёму прямых иностранных инвестиций в регион Соединённые Штаты неизменно остаются на первом месте. Эта величина примерно равна совокупным показателям ЕС, Китая, Японии и Южной Кореи, вместе взятых (табл. 2). Торговля США со странами АСЕАН по-прежнему остаётся значительной: США – второй по объёму взаимной торговли торговый партнёр стран Юго-Восточной Азии. Большое количество американских компаний зарегистрировано в странах АСЕАН. В плане сотрудничества в области безопасности США являются абсолютным лидером благодаря союзническим отношениям с рядом стран и тесным контактам между военными ведомствами. Сильны позиции Вашингтона и в сфере применения «мягкой силы».

Таблица 2

Прямые иностранные инвестиции Китая и США в страны АСЕАН, млрд долл.

	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
США	13,6	30,9	-25,4	34,6	35,0
ЕС	25,7	14,3	22,3	10,0	10,0
Япония	15,0	15,6	26,7	23,8	8,5
Китай	10,5	17,5	12,8	8,8	7,7
Южная Корея	6,6	5,6	5,2	7,5	6,8

Источник: ASEANStatsDataPortal. Available at: <https://data.aseanstats.org/fdi-by-hosts-and-sources>

Наиболее радикальные перемены в XXI веке произошли в отношениях США с Филиппинами. Если в 2014 г. между двумя странами было подписано Соглашение об усиленном сотрудничестве в области обороны (*Enhanced Defense Cooperation Agreement*), то пришедший к власти на Филиппинах в 2016 г. Р. Дутерте начал демонстрировать резкое неприятие к руководству США и президенту Б. Обаме лично. Филиппины начали осуществлять внешнеполитическое сближение с Китаем, однако без значительного военного сотрудничества. При Д. Трампе ситуация несколько улучшилась, если не считать угрозы запрета американским военным кораблям заходить в порты Филиппин. При Дж. Байдене на повестку дня снова встала важность продвижения демократии, что в своё время оттолкнуло США от правительства Р. Дутерте. С учётом того, что значительная часть элиты страны придерживается проамериканских позиций, велика вероятность того, что президент, который сменит Р. Дутерте на посту, вернётся к курсу на сближение с США. Однако популярность Дутерте по-прежнему велика, и он может сохранить своё влияние даже после ухода с поста президента. Необходимо отметить, что на Филиппинах существует националистическая фракция, которая выступает в том числе против американского военного присутствия в стране.

Вьетнам, в свою очередь, является одним из потенциальных союзников США. Руководство страны испытывает глубокое недоверие к Китаю, которое вряд ли будет изжито даже в отдалённой перспективе. При Б. Обаме началось примирение руководства США с Компартией Вьетнама.

Индонезия в течение долгого времени стремилась к стратегической автономии и негативно реагирует на конфликты между великими державами в регионе. Пришедший к власти в этой стране в 2014 г. Дж. Видодо выдвинул программу инфраструктурного развития Индонезии, включая отдалённые регионы, которая хорошо сочетается с китайской инициативой «Один пояс – один путь». Кроме того, для проведения прагматичной внешней политики Индонезия заинтересована в стабильных отношениях с США, а следовательно, в том, чтобы у власти в Вашингтоне находилась предсказуемая администрация.

Взаимодействие с Таиландом ранее было одним из центральных элементов американской политики в Юго-Восточной Азии в плане военного сотрудничества. Таиланд принимал участие в операциях США в Сомали и Судане. Однако после государственного переворота 2006 г., а затем 2014 г. отношения между США и тайскими военными серьёзно испортились. Однако Таиланд всё ещё участвует в патрулировании акватории региона и входит в Группу патрулирования Малаккского пролива (*Malacca Strait Patrol Group*).

Сингапур, хотя и не является формальным союзником США, в отличие от Таиланда и Филиппин, обладает прочными связями с Вашингтоном в плане

безопасности. В настоящее время США меньше всего взаимодействуют с такими странами, как Лаос, Камбоджа и Мьянма.

Нельзя сказать, что Юго-Восточная Азия – регион, с которым просто взаимодействовать. Там имеется множество проблем, например, религиозные конфликты и разногласия, особенно в таких странах, как Мьянма, Индонезия и Филиппины. Кроме того, существуют проблемы преступности, терроризма, неравенства доходов. Каждая американская администрация старается сформулировать свой уникальный подход к Юго-Восточной Азии.

АДМИНИСТРАЦИЯ Б. ОБАМЫ

При администрации Б. Обамы региону ЮВА уделялось беспрецедентное дипломатическое внимание. При этом одним из главных приоритетов администрации было взаимодействие с международными организациями, что нашло своё отражение и в отношениях со странами ЮВА. В 2009 г. США и АСЕАН подписали Договор о дружбе и сотрудничестве. Кроме того, в этой организации появился постоянный представитель Вашингтона, а на территории США прошёл ряд саммитов, посвящённых взаимоотношениям США и государств АСЕАН. Помимо этого, США присоединились к Восточноазиатскому саммиту, а также начали принимать участие во встречах министров обороны стран АСЕАН-плюс. Был принят план действий на период с 2011 до 2015 г. о сотрудничестве в сфере безопасности, в частности морской безопасности, в области ядерного нераспространения, борьбы с терроризмом и по другим вопросам. Что касается отношений с отдельными странами, особенностью американской администрации стали попытки наладить отношения с новыми партнёрами. Так, впервые в истории внешней политики США они весьма активно пытались наладить связи с Лаосом. Б. Обама первым из действующих президентов США посетил эту страну с визитом, в ходе которого президенты двух стран объявили о создании всеобъемлющего партнёрства. Визит Хиллари Клинтон в Мьянму в 2011 г. стал первым подобным прецедентом за более чем 50 лет. Сам президент США также неоднократно посещал регион (всего 13 визитов за два президентских срока). В 2016 г., ещё при президенте Б. Обаме, было снято эмбарго на поставки вооружений Вьетнаму, существовавшее с 1984 г. Однако серьёзные финансовые ограничения не позволили администрации воплотить в жизнь все запланированные инициативы.

Юго-Восточная Азия была центральным элементом политики «разворота» США в сторону Азии (*Pivot to Asia*). Экономическим фундаментом этого курса должно было стать Транстихоокеанское партнёрство (ТПП) – большой проект администрации, который позволял, в числе прочего, де-факто создать зоны свободной торговли с такими странами ЮВА, как Малайзия и Вьетнам. Однако в то же время Индонезия и Таиланд в ТПП не входили, что создавало ощущение разделения АСЕАН по принципу членства в этом соглашении.

Политика «разворота» во многом способствовала тому, что другие страны, находящиеся вне Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), тоже начали более активно интересоваться регионом и ориентироваться на него. Но во время второго срока президентства Б. Обамы у стран ЮВА стали возникать сомнения относительно серьёзности намерений США в рамках политики «разворота». В частности, когда Китай осуществлял агрессивные действия в отношении Филиппин и Вьетнама в Южно-Китайском море, США не стали вмешиваться в происходящее. В результате этого страны ЮВА стали вести себя более осторожно в отношениях с Китаем.

АДМИНИСТРАЦИЯ Д. ТРАМПА

При администрации Д. Трампа существовала следующая логика взаимодействия с регионом: если страны ЮВА готовы были пойти на взаимодействие с США по какому-то конкретному вопросу, это взаимодействие продолжалось. Однако АСЕАН перестала быть одним из центральных элементов американской стратегии в АТР. Администрация сосредоточилась на выстраивании модели отношений с дружественными странами, «заточенной» под геополитическое противостояние с Китаем.

В этой связи произошло охлаждение отношений со странами ЮВА, для которых парадигма соперничества великих держав не является привлекательной. В этот период в американских доктринальных документах по-прежнему выражалась поддержка стран ЮВА, но по факту ключевые должностные лица не всегда присутствовали на заседаниях региональных форумов, а сотрудничество со странами региона было эпизодическим. В отличие от администрации Б. Обамы, окружение президента Д. Трампа скептически относилось к многосторонним экономическим и политическим объединениям и больше симпатизировало развитию двусторонних, нежели многосторонних отношений. В экономической политике усилились элементы протекционизма.

В некоторых странах, например Сингапуре, при Д. Трампе вообще не было посла. В то же время получили развитие региональные инициативы в сфере безопасности, такие как Инициатива в области морской безопасности в Юго-Восточной Азии (*Southeast Asia Maritime Security Initiative*) и Азиатско-Тихоокеанская инициатива в области безопасности (*Asia-Pacific Security Initiative*).

Концепция «Америка превыше всего» вызвала обеспокоенность у государств ЮВА. Однако следует отметить, что содержащаяся в ней идея невмешательства во внутренние дела других стран созвучна с принципами, которых придерживаются страны АСЕАН.

При Д. Трампе получила развитие концепция Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона, которая была официально провозглашена во время визита американского президента в Да Нанг в 2017 г. Во многом эта концепция

может быть интерпретирована как отвечающая цели сдерживания Китая и не предполагает уделения особого внимания ЮВА.

Вкупе с риторикой о противостоянии с Китаем, озвученной в том числе в доктринальных документах, таких как Стратегия национальной безопасности и Национальная оборонная стратегия, концепция Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона стала восприниматься как попытка вынудить страны АТР занять сторону в этом конфликте.

Само противостояние США и КНР воспринималось не только как вина Китая, но и как следствие непоследовательной политики Д. Трампа. Ни один из участников этого противостояния не воспринимался в странах ЮВА как однозначно положительный персонаж.

В период президентства Д. Трампа у многих стран ЮВА появилось ощущение, что вовлечённость США в дела региона продолжает снижаться. Согласно некоторым опросам в 2019 г., 68% опрошенных жителей стран АСЕАН считали, что при администрации Д. Трампа участие США в делах региона снизилось [Survey Report. 2019: 10].

АДМИНИСТРАЦИЯ ДЖ. БАЙДЕНА

Приход к власти в США Дж. Байдена вызвал озабоченность в некоторых странах АСЕАН, особенно в тех, которые с настороженностью относятся к Китаю, поскольку они полагали, что политика Байдена в отношении КНР будет более мягкой и начнётся более активное взаимодействие двух стран. К таким странам прежде всего можно отнести Вьетнам или военную элиту на Филиппинах, а также некоторые другие страны, имеющие территориальные споры с Китаем в Южно-Китайском море. Остальные государства восприняли смену администрации позитивно, рассчитывая на более предсказуемый и рациональный подход.

В Индо-Тихоокеанской стратегии Дж. Байдена много внимания уделяется АСЕАН. Многие страны региона упомянуты в документе напрямую. Филиппины и Таиланд являются военными союзниками США, с которыми заключены соответствующие договоры. Ведущими региональными партнёрами названы Индонезия, Малайзия и Сингапур. В то же время отмечается центральная роль АСЕАН, а также выражается поддержка «её попыток выработать устойчивые решения для наиболее важных проблем региона» [1: 9]. Кроме того, в документе говорится о намерении увеличить объём прямых иностранных инвестиций и принять меры, которые позволят «содействовать торговле в соответствии с высокими стандартами, управлять цифровой экономикой, стимулировать инвестиции в прозрачную инфраструктуру с высокими стандартами и создавать цифровые коммуникации» [1: 14].

Вьетнаму уделяется особое внимание во всех американских доктринальных документах, включая Временное стратегическое руководство в сфере нацио-

нальной безопасности Дж. Байдена. Сингапур и Вьетнам послужили целями одного из первых внешнеполитических визитов вице-президента США Камалы Харрис, который был призван укрепить отношения с ЮВА в целом. В ходе визита были достигнуты соглашения в сфере кибербезопасности и борьбы с изменением климата. В конце 2021 г. Индонезию и Малайзию посетил государственный секретарь США Э. Блинкен.

В доктринальных документах администрации Дж. Байдена одной из особенностей является изображение текущей геополитической ситуации через призму идеологического конфликта между авторитаризмом и демократией и трактовка в этом ключе противостояния между США и Китаем. Тем примечательнее тот факт, что в политическом ландшафте такого региона, как Юго-Восточная Азия можно увидеть как авторитарные (включая союзников США, например Таиланд и Филиппины), так и демократические черты.

Несмотря на назначение на ключевые посты администрации многих деятелей времён Б. Обамы, возвращение к политике его администрации невозможно из-за изменившегося баланса сил, агрессивных действий Китая, новых приоритетов как стран АСЕАН, так и самих США, где на первое место вышла задача восстановления ущерба, нанесённого отношениям с основными союзниками в АТР при Д. Трампе. Администрация Дж. Байдена также не проявляет выраженного интереса к участию в каких-либо многосторонних экономических соглашениях, что позволяет предположить, что США могли потерять прежние позиции в экономической структуре АТР. По всей вероятности, администрация Дж. Байдена так же, как и предыдущая администрация, сосредоточена на соперничестве с Китаем. Многие эксперты предсказывали усиление давления на Мьянму и Камбоджу в случае прихода в Белый дом Дж. Байдена, но пока этого не наблюдается.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одним из главных вызовов для стран Юго-Восточной Азии остаётся растущее внешнеполитическое, экономическое, технологическое и военное влияние Китая. Самым негативным образом на регионе сказалась пандемия *COVID-19*. Самоустранение США из Транстихоокеанского партнёрства также вызвало обеспокоенность стран региона.

Главной целью политики США в Юго-Восточной Азии остаётся поддержание благоприятного для них международного порядка, который зачастую называется «порядком, основанным на правилах», куда входит и защита прав человека, и поддержка демократических институтов. Это одно из основных измерений американо-китайского противостояния в АТР.

В целом можно сказать, что политика Вашингтона в отношении Юго-Восточной Азии была тем успешнее, чем больше она отвечала интересам стран региона. В настоящее время к таковым можно отнести экономическое развитие,

приток инвестиций на региональные нужды, поддержание суверенитета и территориальной целостности, а также баланса в отношениях с Китаем и США. Страны региона выражают желание более активного участия в рамках Индо-Тихоокеанского региона, особенно в том, что касается вовлечённости США. Главным источником обеспокоенности стран региона остаётся растущее влияние КНР и её агрессивное поведение в Южно-Китайском море. От США ожидается сдерживание китайской экспансии таким образом, чтобы сами страны ЮВА не жертвовали своей безопасностью. Страны ЮВА при этом не заинтересованы в том, чтобы американо-китайское противостояние служило поводом для наращивания китайской военной мощи.

Внешнеполитическая гибкость стран АСЕАН делает взаимодействие с этим блоком одним из ключевых элементов поддержания региональной стабильности.

Несмотря на нежелание нынешнего руководства Филиппин усиливать сотрудничество с США, эта страна остаётся одним из ключевых союзников, с учётом того, что высшее военное руководство страны продолжает тесное взаимодействие с США. Значительную роль в развивающемся американо-китайском противостоянии продолжает играть Вьетнам, у которого есть серьёзные перспективы усиления взаимодействия не только в двустороннем формате, но и в рамках многосторонних структур под эгидой США, таких как Четырёхсторонний диалог по безопасности – Четвёрка (*QUAD*).

Страны региона не спешат вступать в тесные союзнические отношения с США, несмотря на осознание ими рисков взаимодействия с Китаем, поскольку не видят всеобъемлющей американской стратегии, которая устраивала бы их в качестве альтернативы. Также страны региона не готовы идти на конфликт с Китаем, так как зависят от него в торговле и инвестициях, а также не хотят распространения соперничества великих держав на свой регион. Если собрать членов таких союзов, как Четвёрка, то его совокупная военно-морская мощь заметно превысит китайскую. Но удастся ли собрать все эти страны? Страны АСЕАН не хотят оказаться в центре противостояния двух великих держав, а хотят соблюсти баланс и привлечь к сотрудничеству другие государства, такие как Япония, Южная Корея, Индия, Австралия, страны Евросоюза. В этом состоит и американский интерес.

Развитие новых форматов взаимодействия в регионе, таких как Четвёрка и АУКУС принижает значимость АСЕАН как центрального форума взаимодействия в АТР и порождает у стран этого объединения ощущение того, что США предпочли развитию отношений с АСЕАН отношения с другими центрами силы, такими как Япония, Индия и Южная Корея. Ставшие редкими визиты высших должностных лиц США усиливают это ощущение.

ИСТОЧНИКИ

1. Indo-Pacific Strategy of the United States. Washington DC, The White House, 2022, 18 p.

REFERENCES

Chatterji, A. 2021. China's Relationship with ASEAN: An Explainer. Observer Research Foundation Issue Brief, No. 459, 20 p.

Stromseth, J. 2019. The testing ground: China's rising influence in Southeast Asia and regional responses. Brookings Institution, 12 p.

Survey Report. State of Southeast Asia: 2019. ASEAN Focus. No. 1, 2019, p. 6-16.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СТЕПАНОВ Алексей Сергеевич, Alexey S. STEPANOV, Research Fellow, научный сотрудник Отдела внешне- Department of Military-Political Studies, политических исследований Института Institute for the U.S. and Canadian Studies США и Канады РАН (ИСКРАН), Russian Academy of Sciences (ISKRAN).
Российская Федерация, 121069, Москва, 2/3 Khlebny pereulok, Moscow, 121069, Хлебный пер., 2/3. Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 20.05.2022.

Поступила после рецензирования / Revised 30.05.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 1.06.2022.

УДК 327.8

DOI: 10.31857/S2686673022080089

EDN: GUPJEB

Американо-китайские отношения в условиях глобализации

Д.Н. Ермаков

*Институт Китая и современной Азии РАН (ФГАУН ИКСА РАН)
Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, д.32
ФГБОУ ВО «МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)»*

*Российская Федерация, 109004, г. Москва, Земляной вал, д. 73
Researcher ID: AAS-7807-2020 Scopus Author ID: 56610014800 РИНЦ ID: 319114
ORCID: 0000-0002-0811-0058 e-mail: ermakov@ifes-ras.ru*

О.Ю. Казенков

ФГБОУ ВО «МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)»

*Российская Федерация, 109004, г. Москва, Земляной вал, д. 73.
Researcher ID: AAN-2229-2021 Scopus Author ID: 57205233631 РИНЦ ID: 855244
ORCID: 0000-0002-8893-4443 e-mail: o.kazenkov@gmail.com*

Резюме. Девяностые годы XX столетия привели к изменениям в мировой геополитической стратегии: место Советского Союза, выступающего второй мировой сверхдержавой, прочно занимает Китайской Народной Республикой, которая ещё 30 лет назад могла рассчитывать исключительно на роль регионального лидера. Развитие международных торгово-экономических отношений между США и КНР наглядно демонстрирует в действии гегелевский «закон единства и борьбы противоположностей» – обе страны, имея различные политические системы и общественное устройство, вынуждены выступать основными партнёрами в мировой экономике и в торговле. Инициатива в торгово-экономических отношениях с КНР пока находится в руках США, которые, несмотря на наличие новейших технологий и выдающихся технических достижений, всё-таки вынуждены считаться с требованиями своего китайского партнёра по налаживанию равноправных партнёрских взаимоотношений, неся материальные и репутационные издержки. США на протяжении всей истории американо-китайских отношений часто используют провокации и недружественные акции. *Непоследовательная* позиция США, в первую очередь, по поддержке Тайваня, затрудняет взаимопонимание и установление доверия между странами.

Ключевые слова: торгово-экономические отношения США – КНР; торговые войны США и КНР; права человека в КНР; Тайвань; Гонконг (Сянган); «технологическая развязка»

Для цитирования: Ермаков Д.Н., Казенков О.Ю. Американо-китайские отношения в условиях глобализации //США & Канада: экономика, политика, культура. 2022; 52(8):102-124. DOI: 10.31857/S2686673022080089 EDN: GUPJEB

US-China Relations in the Context of Globalization

Dmitriy N. Ermakov

Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences (ICSA RAS)

32 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117218, Russian Federation

Razumovsky MSUTM (FCU),

73 Zemlyanoy Val, Moscow, 109004, Russian Federation

Researcher ID: AAS-7807-2020 Scopus Author ID: 56610014800. РИНЦ ID: 319114

ORCID: 0000-0002-0811-0058 e-mail: ermakov@ifes-ras.ru

Oleg Yu. Kazenkov

Razumovsky MSUTM (FCU),

73 Zemlyanoy Val, Moscow, 109004, Russian Federation

Researcher ID: AAH-2229-2021 Scopus Author ID: 57205233631 РИНЦ ID: 855244

ORCID: 0000-0002-8893-4443 e-mail: o.kazenkov@gmail.com

Abstract. The nineties of the century led to changes in the global geopolitical strategy: the place of the Soviet Union, acting as the second world superpower, is gradually firmly occupied by the People's Republic of China, which thirty years ago could count solely on the role of a regional leader. The development of international trade and economic relations between the United States and China clearly demonstrates in action the Hegelian "law of unity and struggle of opposites" - both countries, having different political systems and social structure, are forced to act as the main partners both in the world economy and in trade. The initiative in developing trade and economic relations with China is still in the hands of the United States, which, despite the availability of the latest technologies and outstanding economic achievements, still have to reckon with the requirements of its Chinese partner to establish equal partnership relations, bearing both material and reputational costs. The United States, throughout the history of US-Chinese relations, often uses provocations and unfriendly actions. The inconsistent position of the United States, primarily in support of Taiwan, makes it difficult to understand and establish trust between the countries.

Keywords: US-China trade and economic relations; US-China trade wars; human rights in China; Taiwan; Hong Kong (Hong Kong); "technological denouement".

For citation: Ermakov D.N., Kazenkov O.Yu. The Evolution of US-Chinese Relations in the Context of Globalization and the Digital Economy: History and Modernity//USA & Canada: Economics, Politics, Culture. 2022; 52(8):102-124. DOI: 10.31857/S2686673022080089 EDN: GUPJEB

ВВЕДЕНИЕ

Джо Байден 20 января 2021 г. приведён к присяге в качестве 46-го президента США. Американский лидер «свободного мира» выступил с инаугурационной речью и подписал ряд указов в первый день пребывания в должности. Он уделил приоритетное внимание таким вопросам, как вирус COVID-19, изменение

климата, неравенство и расизм. Говоря о взаимоотношениях с Китаем, он дал понять, что не спешит отступать от политики администрации Дональда Трампа. В тот же день помощники Байдена, в том числе кандидат на пост госсекретаря Энтони Блинкен и кандидат на пост министра финансов Джанет Йеллен, указали, что президент планирует использовать многосторонний подход, заручившись поддержкой западных союзников, чтобы максимизировать рычаги влияния Вашингтона на Пекин. Высокоставленные дипломаты США и Китая – госсекретарь США Энтони Блинкен и руководитель внешней политики Китая Ян Цзечи – 5 февраля 2021 г. разговаривают по телефону.

Американский политический истеблишмент, после позорного бегства США из Афганистана, осознаёт все опасности потери статуса «мирового полицейского» в глазах не только противников, но и среди союзников по НАТО. Администрации Джо Байдена, вероятно впервые в американской истории, предстоит решить сложную задачу «войны на два фронта»: не допустить аннексии со стороны Китая о Тайвань и проводить политику сдерживания России в украинском кризисе.

Соединенные Штаты всегда должны отстаивать свои интересы и ценности в отношениях с Китаем - в торговле, международной безопасности и правах человека. США не должны бояться сильного и процветающего Китая - самый верный способ сделать Китай врагом - это относиться к нему как к врагу. Несмотря на серьезные и постоянные разногласия, Соединённые Штаты и Китай смогли построить отношения, которые принесли пользу обеим странам и повысили стабильность в Азии и мире. Расширение связей и сотрудничества позволяет обмениваться идеями, которые могут разрушить недоверие и непонимание Китая в Соединенных Штатах, одновременно поощряя экономический рост и, возможно, политические перемены в самом Китае.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Сложные и драматические взаимоотношения Соединённых Штатов Америки и Китайской Народной Республики берут начало с первого октября 1949 года. Националистическое правительство Чан Кайши – лидера Гоминьдана, под напором войск Коммунистической партии Китая, бежало на Тайвань. Как известно, Соединённые Штаты, во время Второй мировой войны, поддерживали китайских националистов против Японии, а по окончании войны помогали правительству Китайской Республики в Тайбэе. Тем самым создавалась почва для нескольких десятилетий ограниченных отношений США с материковой Китайской Народной Республикой. Серьёзным конфликтом и столкновением национальных интересов США и Китая стала война на Корейском полуострове: 25 июня 1950 г. Корейская народная армия вторглась в Южную Корею. Соединённые Штаты Америки, воспользовавшись отсутствием советской делегации, сумели получить мандат Организации Объединённых Наций на ввод на территорию Корейского полуострова воинского контингента. Китайская Народная Республика в поддержку

коммунистического режима Ким Ир Сена приняла ответные меры и перебросила на территорию Корейского полуострова миллион «добровольцев». В 1953 г. президенту США Дуайту Эйзенхауэру удалось прорвать китайскую блокаду Тайваня с помощью военно-морского флота США, что, в свою очередь, позволило правительству Чан Кайши в августе 1954 г. развернуть тысячи войск на островах Куэмой и Мацу в Тайваньском проливе. В ответ на активизацию Тайваня Народно-освободительная армия Китайской Народной Республики обстреливает острова. Вашингтон подписывает договор о взаимной обороне с националистами Чанга. Весной 1955 г. Соединённые Штаты угрожают Китаю ядерным ударом. В апреле 1955 г. Китай соглашается на переговоры, заявляя об ограниченной победе после ухода националистов с острова Дачен. Кризисы вновь вспыхивают в 1956 и в 1996 годах. Серьёзными испытаниями для миролюбивых стран является и сегодняшняя напряжённость, создаваемая правящими кругами США вокруг Тайваня. КНР старается проявлять сдержанность и не поддаваться на провокации.

По проблемам гипотетического применения силы со стороны КНР в отношении Тайваня, президент России В.В. Путин в ходе «Российской энергетической недели», отвечая на вопрос о возможности применения КНР силы против Тайваня, заметил: «Китайская философия не связана с применением силы, им это не нужно. Он напомнил слова Си Цзиньпина, что Китай не планирует использовать вооружённые силы для решения каких-либо проблем [1].

В июле 1971 г. госсекретарь США Генри Киссинджер совершает тайную поездку в Китай. Вскоре после этого ООН признает КНР, предоставив ей постоянное место в Совете Безопасности, которое начиная с 1945 г. занимала Китайская Республика Чан Кайши. Значительный «прорыв» в американско-китайских отношениях во многом произошёл благодаря нарастающим противоречиям между СССР и КНР, которыми умело воспользовалась Америка. Так, поддержав Китай, США нанесли ощутимый удар по позициям Советского Союза. Воспринимая СССР как своего основного конкурента, США старались достигать соглашения со странами, способными создать внешнеполитические проблемы для советского государства: в феврале 1972 г. президент Ричард Никсон встречается с председателем КНР Мао Цзэдуном и подписывает Шанхайское коммюнике [2]. Президент США Джими Картер, противодействуя советской политике на Дальнем Востоке и в странах Азии, предоставляет Китаю полное дипломатическое признание, одновременно подчёркивая принцип «одного Китая» (материкового) и разрывая нормальные связи с Тайванем. Вскоре после этого Соединённые Штаты посещает вице-премьер Китая Дэн Сяопин, который в дальнейшем проведёт в Китае крупные экономические реформы. Однако американские аналитики не решились отдать Тайвань в зону китайского влияния и в апреле 1979 г. Конгресс одобрил закон «Об отношениях с Тайванем», позволяющий продолжать коммерческие и культурные связи между Соединёнными Штатами и Тайванем [3]. Президент США Рональд Рейган, называя Советский Союз «империей зла», в августе 1982 г. подписывает

третье совместное коммюнике с КНР о нормализации отношений. Последнее подтверждает приверженность США политике «одного Китая». Одновременно США оставляют за собой небольшую «лазейку» и предоставляют Тайваню «Шесть заверений», включая обещания соблюдать закон «О тайваньских отношениях», не выступать посредником между Тайванем и Китаем [4]. Американская дипломатия выигрывала тактически, но долгосрочная стратегическая партия оказалась для США проиграна. «Переиграв» Советский Союз, договорившись с Китаем в 1970-е годы, сегодня США столкнулись с острой конкуренцией со стороны «тоталитарного» Китая, бросившего реальный вызов американской гегемонии в мире. Недальновидность американской стратегии поддержки Китая как оппонента СССР и очевидная слабость американских аналитических научных центров, разработавших внешнеполитическую доктрину США в 1970–1980-х годах, в XXI веке создали серьёзную внешнеполитическую проблему уже и для самой Америки. Советская экономика работала в «замкнутом» цикле, и США не испытывали какой-либо зависимости от поставок продукции из СССР. В отличие от Советского Союза Китай выступает крупнейшим держателем американских ценных бумаг, экономики США и Китая взаимозависимы в условиях глобального мира и международного разделения труда. Американский истеблишмент эпохи Генри Киссинджера налаживал дружеские отношения с Китаем по политическим мотивам, стараясь превратить КНР в некую третью силу, противостоящую СССР. Напомним, что в 1972 г. американо-китайский товарооборот составлял всего 4 млн долл. США, а к концу 1980-х годов ежегодный объём китайско-американской торговли превышал 20 млрд (в условиях отсутствия производства в КНР высокотехнологичной продукции). Основным внешнеполитическим противником США считали Советский Союз, который всё-таки старался избегать острых конфликтов с США и перманентно декларировал свою приверженность интересам мира во всём мире. В 1989 г. китайские продажи в Соединённые Штаты более чем в 2 раза превышали продажи США в Китай. Однако «тревожные звонки» Америка игнорировала. Ведь на самом деле Китай был всего лишь 14-м крупнейшим торговым партнёром Соединённых Штатов.

В октябре 2000 г. президент У. Клинтон подписывает закон «Об американо-китайских отношениях», открывающий путь для вступления Китая в 2001 г. во Всемирную торговую организацию. Соединённые Штаты надеялись использовать механизмы ВТО для регулирования китайского импорта. Американские политики наконец-то начинают осознавать способность Китая к 2027 г. обогнать США как экономику номер один в мире [5].

В марте 2011 г. Соединённые Штаты Америки, Европейский Союз и Япония подали во Всемирную торговую организацию «запрос на консультации» с Китаем по вопросу ограничений на экспорт редкоземельных металлов. В интервью журналу «Экономика» директор по азиатским исследованиям Совета по международным отношениям С. Элизабет утверждает, что Китай ограничивает экс-

порт редкоземельных элементов из-за «опасений по поводу долгосрочных поставок и экологических последствий» [6].

Серьёзную озабоченность у США вызвали действия Китая в области промышленного и технологического шпионажа: 19 мая 2014 г. суд США выдвинул обвинения пяти китайским хакерам в краже торговых технологий у американских компаний. Хакеры предположительно связаны с Народно-освободительной армией Китая [7]. В ответ Пекин приостановил сотрудничество в рабочей группе по кибербезопасности между США и Китаем [8].

В 2016 г. Китай превращается во второго по величине торгового партнёра Америки после Канады. Самый большой торговый дефицит Соединённых Штатов, составляющий почти 350 млрд долл., с большим отрывом приходится на КНР. Доля Китая в мировой экономике выросла до 13,4% к 2014 г. (доля США составляла 22,3%. В 2015 г. Китай продолжает расти на 7% в год по сравнению с относительно «анемичными» 2,6% в Соединённых Штатах.

Администрация Б. Обамы попыталась успокоить своих давних союзников в Азиатско-Тихоокеанском регионе – Японию, Филиппины, Южную Корею и других – военным «поворотом» в сторону Азии. Но реализации политика Б. Обамы не нашла: американское внимание на протяжении десятилетий было сосредоточено на других регионах, в первую очередь на Ближнем Востоке. Соединённые Штаты в эпоху администрации Б. Обамы сопротивлялись изображать китайско-американские отношения как антагонистические, предпочитая дипломатию и сотрудничество.

Единственная сфера, где наблюдается прогресс американско-китайского сотрудничества – область экологии. Как известно, китайский экономический рост во многом объясняется не только низкой стоимостью рабочей силой и вынужденным игнорированием вопросов охраны окружающей среды. В кулуарах саммита Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества 2014 г. президент США Б. Обама и президент КНР Си Цзиньпин выпустили совместное заявление об изменении климата, пообещав сократить выбросы углекислого газа. Президент США Б. Обама сформулировал более амбициозную цель сокращения выбросов в США [9], а председатель КНР Си Цзиньпин принял на себя обязательства к 2030 г. ограничить рост выбросов Китаем углерода в атмосферу. Следующий важный шаг в области изменения климата будет сделан уже в период правления администрации президента США Джо Байдена – 10 ноября 2021 г. США и Китай подписали совместное заявление во время саммита ООН по климату в Глазго [10].

АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ ДОНАЛЬДЕ ТРАМПЕ

Избранный президент США Дональд Трамп 9 февраля 2017 г. заявил, что Соединённые Штаты не обязательно должны придерживаться своей давней позиции о том, что Тайвань является частью «одного Китая».

Однако американский истеблишмент оказался не готов идти на серьёзную конфронтацию с КНР. Американское «глубинное государство» поправило вновь избранного президента. Важное значение для развития американско-китайских отношений стала иметь встреча 6–7 апреля 2017 г. президента США Д. Трампа и председателя КНР Си Цзиньпина в Мар-а-Ларго во Флориде [11]. Демонстрируя дружелюбие, стороны, тем не менее, не смогли достигнуть реального прогресса.

Администрация Д. Трампа 22 марта 2018 г. объявила о введении тарифов на китайский импорт на сумму не менее 60 млрд долл. В качестве причины столь радикальных шагов Белый дом выдвигает воровство Китаем технологий и интеллектуальной собственности у США [12]. Меры нацелены на товары, включая одежду, обувь и электронику, и ограничивают некоторые китайские инвестиции в Соединённые Штаты. Китай вводит ответные меры в начале апреля 2018 г. на ряд американских товаров, вызывая серьёзные опасения торговой войны между крупнейшими экономиками мира. Этот шаг знаменует собой ужесточение подхода президента США Д. Трампа к Китаю после громких саммитов с Си Цзиньпином в апреле и ноябре 2017 года.

Администрация Дональда Трампа 6 июля 2018 г. вводит новые тарифы на китайские товары на общую сумму 34 млрд долларов [13]. В «чёрном списке» оказывается более 800 китайских товаров промышленного и транспортного секторов, а также такие товары, как телевизоры и медицинские приборы, которые начали облагаться 25%-ным налогом на импорт. Китай в ответ ввёл собственные тарифы на более чем 500 американских товаров [14]. Китайские санкции оценивались примерно в 34 млрд долл., вводили ограничения на такие товары, как говядина, молочные продукты, морепродукты и соевые бобы. Администрация президента Д. Трампа считала, что Китай «обворовывает» [15] Соединённые Штаты Америки и использует в своих интересах правила свободной торговли в ущерб американским фирмам, работающим в Китае. Пекин критикует действия администрации Трампа как «торговое запугивание» и предупреждает, что тарифы могут спровоцировать волнения на мировом рынке [16].

Вице-президент США Майк Пенс 4 октября 2018 г. в своём выступлении указывает на изменения в позиции администрации Дональда Трампа: Соединённые Штаты будут уделять приоритетное внимание конкуренции, а не сотрудничеству, используя тарифы для борьбы с «экономической агрессией» КНР [17]. Вице-президент США осуждает то, что он называет растущей китайской военной агрессией, особенно в Южно-Китайском море, критикует усиление цензуры и религиозных преследований со стороны китайского правительства и обвиняет Китай в краже американской интеллектуальной собственности и вмешательстве в выборы в США. Министерство иностранных дел Китая осуждает речь Пенса как «необоснованные обвинения» и предупреждает, что такие действия могут нанести ущерб американско-китайским отношениям [18].

Серьёзным ударом по американско-китайским отношениям стало дело «Хуавей» – 01 декабря 2018 г. американцы арестовали финансового директора компании Мэна Ваньчжоу [19]. Вскоре после того, как США приказали Канаде задерживать Мэна, Китай арестовал Спавора и Коврига по обвинению в шпионаже. Проходящий по делу «Хуавей» Мэн вернулся в Китай 24 сентября 2021 г., а Спавору и Ковригу было разрешено вернуться в Канаду.

Президент США Д. Трамп 27 ноября 2019 г. подписал закон «О правах человека и демократии в Гонконге», что стало фактом грубого вмешательства во внутренние дела КНР [20]. Как известно, законодательство разрешает Соединённым Штатам применять санкции к лицам, ответственным за нарушения прав человека в Гонконге. Дональд Трамп потребовал, чтобы официальные лица США каждый год оценивали, пользуется ли Гонконг «высокой степенью автономии» от Пекина. Госсекретарь США Майк Помпео 23 июля 2020 г. произносит речь под названием «Коммунистический Китай и будущее свободного мира», сигнализируя о глубоком антикитайском сдвиге в политике США [21]. По мере приближения окончания срока пребывания во власти Дональд Трамп ужесточает риторику в отношении Китайской Народной Республики. В ноябре-декабре 2020 г. директор национальной разведки Джон Рэтклифф называет Китай «самой большой угрозой для Америки сегодня» [22], в то время как Министерство торговли добавляет десятки китайских компаний, включая крупнейшего в стране производителя чипов *Semiconductor Manufacturing International Corporation*, в свой торговый «чёрный список».

Кроме того, Белый дом запрещает инвестиции США в китайские компании, которые, по его словам, связаны с Народно-освободительной армией. Заметим, что Джо Байден 3 июня 2021 г. издаёт новый исполнительный указ, запрещающий американские инвестиции в китайские фирмы с предполагаемыми связями с оборонными или технологическими секторами ОПК. Новый приказ расширяет более ранний «чёрный список» эпохи Трампа и распространяется на 59 китайских фирм, включая коммуникационный гигант «Хуавей». Американским инвесторам запрещено покупать или продавать публично торгуемые ценные бумаги в целевых компаниях [23].

Российский исследователь А.Н. Панов справедливо отмечает: «Новая китайская стратегия» в представлении администрации Д. Трампа, как вышло продемонстрировали действия Белого дома в отношении Пекина в 2020 г., предусматривает полный отказ от попыток "вовлечения" Китая в сферу американского влияния и акцент не столько на сдерживании, сколько на дозированной конфронтации, без скатывания к открытой силовой стадии. В целом же развёрнутая при Д. Трампе стратегия "декитаизации" привела к серьёзнейшему за многие десятилетия ухудшению отношений США с Китаем» [Панов А.Н. 2021. № 4]. Только на следующий день после официальной инаугурации 46-го президента

США Джо Байдена, 21 января 2021 г., Китай вводит санкции против Помпео и других чиновников администрации Трампа.

ЭВОЛЮЦИЯ АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАЦИИ ДЖО БАЙДЕНА

10 февраля 2021 г., накануне лунного Нового года, президент США Джо Байден и председатель КНР Си Цзиньпин провели первый телефонный разговор. В то время как оба лидера передали друг другу праздничные приветствия, американская сторона подчеркнула озабоченность по поводу экономической практики, прав человека и Тайваня, в то время как Китай сосредоточился на взаимном уважении, сотрудничестве и диалоге.

Администрация Джо Байдена 10 марта 2021 г продлила тарифные исключения на 99 категорий медицинских изделий из Китая до 30 сентября 2021 г. В уведомлении, опубликованном Управлением торгового представителя США, подчёркивалось, что данная мера применяется для помощи в борьбе с COVID-19 [24]. Исключение охватывало широкий спектр предметов – от медицинских масок и перчаток до манжет для измерения артериального давления и рентгеновских столов.

Пять китайских компаний: *Huawei Technologies Co.*, *ZTE Corp.*, *Hytera Communications Corp.*, *Hikvision Digital Technology Co.* и *Dahua Technology Co.* – 12 марта 2021 г. были включены в новый «чёрный список», опубликованный Федеральной комиссией связи США по соображениям национальной безопасности в соответствии с законом 2019 года. Соединённые Штаты Америки 17 марта 2021 г. ввели санкции против ещё 24 китайских и гонконгских чиновников за политику Пекина в Гонконге. Иностранные финансовые учреждения, которые сознательно проводят значительные операции с перечисленными лицами, будут подвергнуты санкциям США [25].

Соединённые Штаты предприняли усилия по устранению китайских компаний на телекоммуникационном рынке: регулятор телекоммуникаций США Федеральная комиссия по связи 17 марта 2021 г. объявила о начале разбирательства, чтобы определить, следует ли лишать лицензии на местный бизнес *China Unicom Americas*, а также *Pacific Networks* и её дочернюю компанию *ComNet*, ссылаясь на проблемы национальной безопасности. В декабре 2020 г. комиссия открыла аналогичную процедуру, чтобы начать отзыв разрешения *China Telecom*, крупнейшей государственной китайской телекоммуникационной компании, которая имела разрешение США в течение почти 20 лет.

США и Китай 18–20 марта 2021 г. проводят первую встречу на высоком уровне на Аляске. Блинкен в своём вступительном слове отметил, что США обсудят свои «глубокие озабоченности действиями Китая, в том числе в Синьцзяне, Гонконге, Тайване, кибератаках на США, экономическом принуждении к нашим союзникам». После одной сессии жарких споров перед журнали-

стами и двух сессий дискуссий за закрытыми дверями секретарь США Э. Блинкен и советник по национальной безопасности Дж. Салливан и их китайские коллеги высокопоставленный чиновник иностранных дел Китая Ян Цзечи и министр иностранных дел Ван И завершили свою двухдневную встречу, так и не выпустив совместного заявления. Во время открытой сессии первого дня обе стороны в течение часа резко критиковали политику друг друга.

Ян Цзечи обвинил США в злоупотреблении своей военной и финансовой мощью и использовании понятия «национальная безопасность», чтобы воспрепятствовать торговым потокам и разжиганию антикитайских настроений.

После встречи обе стороны отдельно опубликовали заявления, в которых определили ограниченные области сотрудничества и координации в отношении изменения климата и геополитических вопросов, связанных с Ираном, Северной Кореей, Мьянмой и Афганистаном, признав при этом «фундаментальные» разногласия по вопросам Гонконга, Синьцзяна, Тибета и Тайваня [26].

Европейский Союз, США, Великобритания и Канада 22 марта 2021 г. ввели санкции против Китая в связи с предполагаемой проблемой прав человека в Синьцзяне. Европейский Союз ввёл санкции против четырёх китайских граждан, в том числе главного директора службы безопасности, за предполагаемые нарушения прав человека в Синьцзяне. Аналогичные шаги последовали со стороны США, Великобритании и Канады. США в тот же день ввели санкции против двух китайских правительственных чиновников, причастных к серьёзным нарушениям прав человека в отношении этнических меньшинств в Синьцзяне [27].

В ответ Китай ввёл санкции против десяти граждан ЕС и четырёх юридических лиц [28]. Санкции «око за око» поставили под сомнение Всеобъемлющее соглашение ЕС – Китай об инвестициях. Бизнес обеих стран попал под геополитический перекрёстный огонь. Некоторые ведущие западные бренды одежды, такие как *H & M*, *Nike*, *Adidas* и *Burberry*, столкнулись с негативной реакцией и бойкотом в Китае из-за их заявленных опасений по поводу предполагаемого использования принудительного труда в Синьцзяне [29].

Министерство торговли США 8 апреля 2021 г. добавило в свой список семь китайских суперкомпьютерных компаний, сославшись на деятельность, противоречащую интересам национальной безопасности или внешней политики США: «Тяньцзиньские фитиевые информационные технологии» (*"Tianjin phytic information technologies"*), «Шанхайский центр проектирования высокопроизводительных интегральных схем» (*"Shanghai High-Performance Integrated Circuit Design Center"*), «Сунвай Микроэлектроникс» («Sunway Microelectronics»), «Национальный суперкомпьютерный центр Цзинань» («*Jinan National Supercomputing Center*»), «Национальный суперкомпьютерный центр Шэньчжэнь» (*"National Supercomputing Center Shenzhen"*), «Национальный суперкомпьютерный центр Уси» (*"National Supercomputing Center of Usi"*) и «Национальный суперкомпьютерный центр Чжэнчжоу» («*Zhengzhou National Supercomputing Center*»). Амери-

канским компаниям запрещено вести бизнес с компаниями из списка юридических лиц без предварительного получения лицензии правительства США.

Председатель Комитета Сената США по международным отношениям демократ Роберт Менендес (штат Нью-Джерси) и сенатор-республиканец от штата Айдахо Джим Риш 8 апреля 2021 г. представили двухпартийное соглашение под названием закон «О стратегической конкуренции 2021 года», который предусматривает инвестиции в 250 млрд долл. в американское производство полупроводников, стимулируя Национальный научный фонд, создавая региональные технологические центры пятого поколения (5G).

Приоритетная задача США в противостоянии с Китаем – укрепление коалиции демократических стран Азиатско-Тихоокеанского региона: президент США Джо Байден и премьер-министр Японии Есихидэ Суга 16 апреля 2021 г. договорились о необходимости укреплять сотрудничество, дабы противостоять вызовам со стороны Китая. Опасаясь усиления глобального влияния Китая, лидеры США и Японии обсудили ряд геополитических вопросов в совместном заявлении, включая «важность мира и стабильности Тайваньского пролива». В совместном заявлении по Китаю США и Япония объявили об инвестициях в такие области, как технологии пятого поколения, искусственный интеллект, квантовые вычисления, геномика и цепочки поставок полупроводников [30]. Данное событие не осталось вне внимания китайской стороны. Посольство Китая в Вашингтоне выразило «сильную озабоченность» и «твёрдую оппозицию» совместному заявлению, заявив, что Китай будет твёрдо защищать свой национальный суверенитет, безопасность и интересы развития.

Комитет по международным отношениям Сената США 21 апреля 2021 г. одобрил закон «О стратегической конкуренции», сигнализируя о двухпартийном консенсусе в отношении ориентации политики США на более агрессивную внешнеполитическую линию в отношении Китая. Вице-премьер Китая Лю Хэ 26 мая 2021 г. поговорил по телефону с торговым представителем США Кэтрин Тай. Разговор стал первым серьёзным официальным контактом о торговле между двумя сторонами с тех пор, как президент Джо Байден вступил в должность.

Лю Хэ и министр финансов США Джанет Йеллен 1 июня 2021 г. провели видеовстречу по экономическим связям, вторую по счёту, после избрания Джо Байдена, между высокопоставленными торговыми чиновниками с обеих сторон. Государственное информационное агентство Китая «Синьхуа» сообщило, что стороны обменялись мнениями о макроэкономической ситуации и сотрудничестве между США и Китаем. По словам «Синьхуа», «обе стороны считали, что экономические отношения между Китаем и США очень важны» [31]. Вместе с тем, Джо Байден постарался смягчить торговые противоречия с КНР: 9 июня 2021 г. он отменил ряд указов Трампа, которые запрещали использование на территории США принадлежащих Китаю приложений *WeChat* и *TikTok* [32].

Китайская Народная Республика, в свою очередь, старается противодействовать американскому экономическому давлению: Национальный законодательный орган Китая – Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП) 10 июня 2021 г. одобрил закон «О санкциях против иностранных государств». Согласно закону, физические или юридические лица, участвующие в принятии или осуществлении дискриминационных мер в отношении китайских граждан или юридических лиц, могут быть включены в список антисанкций. Тем, кто находится в списке, может быть отказано во въезде в Китай или их вышлют из страны. Их активы в Китае могут быть арестованы, задержаны или заморожены [33].

Во время телефонного разговора госсекретаря США Блинкена и ответственного секретаря руководящей группы по иностранным делам при ЦК КПК Ян Цзечи 11 июня 2021 г. Блинкен подчеркнул озабоченность США по поводу проблем в Гонконге, Синьцзяне и Тайване, необходимости второго этапа расследования происхождения *COVID-19*. Он обратил внимание своего китайского коллеги на несколько случаев задержания и запрета на выезд граждан США и Канады в Китае [34]. В свою очередь, Ян Цзечи высокопоставленный дипломат Китая Ян Цзечи призвал США соблюдать принцип одного Китая, говорится в заявлении Министерства иностранных дел Китая. Он раскритиковал Вашингтон за вмешательство во внутренние дела Китая, клевету на Китай из-за *COVID-19* и продвижение «псевдомногосторонности» путём формирования антикитайских клик.

Во время трёхдневного саммита Группы семи (G7) 13 июня 2021 г. лидеры экономически развитых стран мира раскритиковали Пекин за нарушения прав человека в Синьцзяне, призвали сохранить высокую степень автономии Гонконга и потребовали полного расследования происхождения коронавируса в Китае [35]. В ответ посольство Китая в Великобритании обвинило Группу семи в «необоснованных обвинениях»: «Прекратите клеветать на Китай, прекратите вмешиваться во внутренние дела Китая и прекратите вредить интересам Китая».

Министерство торговли США 13 июня 2021 г. запретило импорт в США ключевого материала солнечной панели от китайской компании «*Hoshine Silicon Industry Co., Ltd.*», обвинив китайскую сторону в использовании в производственном процессе «принудительного труда». Запрет затронул торговые взаимоотношения поставщиков США с пятью китайскими компаниями. [36].

Палата представителей Конгресса США 8 декабря 2021 г. приняла закон «О предотвращении принудительного труда уйгуров», запрещающий весь импорт из китайского региона Синьцзян из-за опасений по поводу предполагаемого принудительного труда [37].

Бюро промышленности и безопасности Министерства торговли США 9 июля 2021 г добавило в свой список 34 организации, в том числе 23 китайские компании и объединения: 14 за их роль в предполагаемых нарушениях прав человека в Синьцзяне, пять за их связи с военными Китая и ещё четыре за ведение

бизнеса с другими странами, с компаниями, на которые правительство США наложило санкции. Китайские компании выступают крупными производителями монокристаллического кремния и поликремния, которые используются в производстве солнечных панелей.

НАТО, руководимая США, 14 июня 2021 г. выпускает коммюнике, расширяющее фокус альянса, чтобы включить угрозы со стороны Китая, такие как разработка ядерного оружия и военная модернизация. «Заявленные амбиции и напористое поведение Китая представляют собой системные вызовы основанному на правилах международному порядку и областям, имеющим отношение к безопасности альянса» [39].

КНР 23 июля 2021 г. объявила о решении ввести санкции в отношении семи американских граждан и организаций, включая бывшего министра торговли Уилбура Росса, реализуя тем самым своё право на «зеркальный ответ» за более ранние санкции США в отношении семи китайских чиновников в Гонконге. Подобная мера стала первым случаем применения Китаем контрсанкционных мер, используя новый закон «О санкциях против иностранных государств».

Незначительное потепление американо-китайских отношений произошло во второй половине 2021 года. Министерство финансов Китая 16 сентября 2021 г. объявило о продлении освобождения от тарифов на 81 продукцию, импортируемую из США. КНР отказался от установления тарифов на продукты, включая золотую руду и руду редкоземельных металлов [40]. Соединённые Штаты Америки, в свою очередь, 25 августа 2021 г. предоставили лицензии, разрешающие поставщикам продавать чипы китайской телекоммуникационной компании «Хуавей», внесённой в чёрный список, для её растущего бизнеса автокомпонентов [41]. Соединённые Штаты продолжили торгово-информационную войну с КНР. Федеральная комиссия по связи США 26 октября 2021 г. аннулировала лицензию «*China Telecom America*» по предоставлению телекоммуникационных услуг в Америке, являющейся дочерней компанией «*China Telecom*» – крупнейшей китайской государственной телекоммуникационной компании. Приказ предоставлял «*China Telecom America*» 60 дней, чтобы остановить свои внутренние и международные услуги в США.

Первая официальная встреча лидеров США и КНР с момента вступления Джо Байдена в должность проводилась виртуально 15 ноября 2021 г. и длилась более трёх часов. Подобно встрече на Аляске, лидеры поднимали вопросы давних разногласий, при этом Байден выражал озабоченность по поводу нарушений прав человека в Пекине, а Си Цзиньпин заметил, что поддержка США Тайваня похожа на «игру с огнем» [42]. Нет ни крупных прорывов, ни заключительного совместного заявления, хотя Байден говорил, что они устанавливают «ограждения», чтобы избежать конфликта, а эксперты считают, что это позитивный шаг.

США 24 ноября 2021 г. «поместили» ещё 12 китайских компаний в «чёрный список» Министерства торговли, ссылаясь на проблемы национальной безопасности и внешней политики. Восемь китайских технологических организаций были включены в американский список зарубежных организаций, осуществляющих квантовые вычисления с использованием «двойных технологий». Другие китайские фирмы были добавлены за их вклад в «неохраняемую ядерную деятельность Пакистана или программу баллистических ракет». Американским предприятиям запрещено продавать материалы и оборудование перечисленным иностранным организациям. Соединённые Штаты, ссылаясь на нарушения прав человека со стороны КНР, 4 февраля 2022 г. ввели дипломатический бойкот зимних Олимпийских игр в Пекине [43].

Палата представителей Конгресса США 5 февраля 2022 г. приняла закон «О конкуренции в Америке» – обширный законодательный акт, направленный на укрепление конкурентного преимущества США перед Китаем. Среди других вопросов в законе излагаются положения о том, чтобы США укрепляли связи с Тайванем, продолжали применять санкции в отношении должностных лиц, обвиняемых в совершении зверств в провинции Синьцзян, а также усиливали контроль и проверку китайских компаний, которые «способствовали репрессиям религиозных и этнических меньшинств в КНР» [44].

Посол Кэтрин Тай и Офис торгового представителя Соединенных Штатов 1 марта 2022 года представили Конгрессу повестку дня президента Байдена в области торговой политики на 2022 год и годовой отчет на 2021 год. Среди множества других целей торговой политики в отчёте говорилось о том, что США «должны признать, что Китай, как крупная нерыночная экономика, однозначно исказил мировую торговлю своей экономической политикой и практикой, нанеся ущерб производству, инвестициям и даже потреблению в США» и это привело к «срочной необходимости в реформах» [45].

В отчёте не содержалось конкретных подробностей о мерах политики в области торговли с Китаем, но говорилось, что США возобновят взаимодействие с партнёрами и союзниками «для решения общих проблем» в отношении Китая. Настоятельно предлагается, чтобы США продолжали проводить политику повышения своей конкурентоспособности с Китаем и использовали своё влияние на международной арене, чтобы призвать другие страны сделать то же самое.

Через несколько дней после того, как официальные лица США заявили, что Россия попросила Китай о военной помощи, Джо Байден и Си Цзиньпин 18 марта 2022 г. провели первую телефонную конференцию с момента начала вооружённого конфликта между Россией и Украиной, когда Байден угрожал «последствиями», если Китай окажет материальную поддержку Российской Федерации [46]. Во время разговора Джо Байден сообщил о санкциях и других усилиях, которые координируются с союзниками, чтобы наказать Россию. Си

Цзиньпин критикует санкции, говоря, что последние «только заставят людей страдать». Оба лидера выразили поддержку мирным переговорам [47].

В среду, 20 апреля 2022 г., министр обороны США Ллойд Дж. Остин поговорил с министром национальной обороны Китая генералом Вэй Фэнхэ. Информация, исходящая от Министерства обороны США и Государственного совета Китая, о содержании разговора крайне лаконична. По данным Министерства обороны США, звонок был «продолжением недавнего разговора между Джо Байденом и Си Цзиньпином», они «обсудили оборонные отношения США и КНР, вопросы региональной безопасности и неспровоцированное вторжение России в Украину». Между тем, в заявлении Государственного совета КНР говорится, что «Китай надеется установить прочные и стабильные отношения с Соединёнными Штатами», но что «Соединённые Штаты не должны недооценивать решимость и возможности Китая». Что касается Тайваня, то китайские военные будут решительно защищать национальный суверенитет, безопасность и территориальную целостность». США также подтвердили свою приверженность политике «одного Китая». По Украине стороны лишь обменялись мнениями по данному вопросу. В опубликованном 5 мая 2022 г. заявлении Госдепартамента по Тайваню, содержалась официальная позиция: США «признают китайскую позицию, что существует только один Китай, а Тайвань является частью Китая», и «не поддерживают независимость Тайваня». На регулярном брифинге для прессы 10 мая 2022 г. официальный представитель Министерства иностранных дел КНР Чжао Лицзянь справедливо назвал измененный документ «уловкой», чтобы скрыть принцип «одного Китая», «попытка изменить статус-кво через Тайваньский пролив повредит самим США» [48]. Тем не менее, на брифинге для прессы 11 мая 2022 г. представитель Госдепартамента США заявил, что «наша политика в отношении Тайваня не изменилась» и «мы не поддерживаем независимость Тайваня» [49].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Соединённые Штаты Америки, несмотря на гневную риторику по отношению к КНР, вынуждены маневрировать, осознавая невозможность решения «китайского вопроса» без накопления военных сил и формирования «пула» союзников в Азиатско-Тихоокеанском регионе. По мнению проамериканских политологов, «тоталитарные страны» не способны конкурировать со «свободными странами» (к которым себя и причисляют США) в битве за мировое лидерство. События последних десятилетий наглядно показывают, что КНР является единственной мировой державой, способной выиграть битву за глобальное лидерство с США. 25 октября 2020 г. в интервью телеканалу «Си-би-эс» (CBS) Джо Байден заявил: «Думаю, самая большая угроза для Америки прямо сейчас, с точки зрения подрыва нашей безопасности и союзов, – это Россия. Во-вторых, я думаю, что крупнейшим конкурентом является Китай» [50].

Несмотря на глобальный технологический прорыв, КНР испытывает острую зависимость от импорта американских технологий, участия в мировой финансовой системе. Именно этими факторами объясняется стремление Китая не раздражать США оказанием активной технологической и военной помощи России, опасаясь со стороны американцев и их союзников жёстких санкций, направленных на финансовый и промышленный сектор КНР. Мы солидарны с мнением С.М. Труша, оценивающего американо-китайские отношения во время президентства Д. Трампа следующим образом: «Обострение конфликта с США, хотя и было для китайских стратегов тактически неожиданным, в стратегическом плане не застало их врасплох. Выступать в качестве альтернативного США глобализационного ядра Китай ещё не готов. Научно-технологический инновационный потенциал, уровень фундаментальной и прикладной науки в прорывных направлениях, способность к коммуникационной адаптации к свободному движению капиталов, технологий и рабочей силы у Китая пока ниже американского». [Труш С. М. 2020: 45] Одновременно, солидарная позиция США, ЕС, Канады, Австралии и Японии по поддержке Украины и последовавший за ней санкционный режим в отношении Российской Федерации, проводящей специальную операцию в Украине, останавливает руководство КНР от применения активных военных мер на Тайване. Китайское руководство осознаёт все риски своего военного вторжения на Тайвань.

В последние несколько лет правительство США стало рассматривать технологическую взаимозависимость с Китаем как главную угрозу американской безопасности, процветанию и ценностям демократического устройства. Вашингтон опасается, что Пекин может использовать технологические связи для кражи секретов, распространения дезинформации, наблюдения за диссидентами, захвата инфраструктуры США и обеспечения экономического и военного скачка Китая вперед. В результате американские официальные лица стараются сократить поток технологических продуктов, услуг и ресурсов из США в Китай и обратно. В настоящее время американские эксперты исходят из существования двух сценариев развития американо-китайских отношений. В экстремальном сценарии развязка расширяется и ускоряется до тех пор, пока не появятся отдельные геотехнологические сферы - одна с центром в Соединенных Штатах, другая с центром в Китае. Поскольку технология настолько переплетена со всей коммерческой деятельностью, такой технологический раскол резко сократит все виды экономического взаимодействия между Китаем и миром, ориентированным на США. В другом сценарии технологические связи США и Китая постепенно начинают стабилизироваться, находя новое равновесие, которое сохраняет подавляющую часть глобальной цепочки поставок технологий.

Технология сама по себе не всегда является единственной проблемой, определяющей внешнюю политику США. В отношениях с Китаем лидеры США использовали технологические отношения в качестве механизма для достижения

прогресса в двусторонних переговорах. Например, администрация Дональда Трампа использовала свои претензии к «Чжунсин» (ZTE) и «Хуавей», для усиления позиций США на торговых переговорах с Китаем. Американские политики вынудили КНР торговаться за финансовое благополучие своих технологических компаний и идти на уступки США. Вашингтон, стараясь оказать влияние на внутреннюю и внешнюю политику Китая, не располагает военными инструментами влияния, поэтому и использует технологический контроль в качестве разменной монеты в нетехнологических переговорах.

Маневры Дональда Трампа на торговых переговорах с Китаем наглядно продемонстрировали опасность использования технологического контроля в качестве общего двустороннего рычага воздействия. Компания «Чжунсин» была первоначально включена в 2016 г. в «чёрный список» организаций за нарушение санкций, введённых США против Ирана и Северной Кореи, в целях продвижения своих торговых переговоров с Китаем. Это позволило противникам Д. Трампа обвинить президента в создании угрозы национальной безопасности. Первый этап торговых переговоров предоставил редкую возможность решить структурные проблемы в экономических связях между США и Китаем. Непреклонное применение санкций в отношении Ирана и Северной Кореи превратилось во второстепенный вопрос американо-китайской повестки дня. Однако на втором этапе торговых сделок с КНР Дональд Трамп постепенно утрачивал все рычаги воздействия на Китай. Президент решил сосредоточиться на второстепенных вопросах торгового дефицита, пренебрегая более судьбоносными вопросами, такими как китайские субсидии и принудительная передача КНР американских технологий. Несомненно, что использование инструментов «технологической развязки» вынудило КНР взять на себя обязательства по ограничению выброса в атмосферу парниковых газов. В отношении российско-китайского сотрудничества американская администрация выступает «ревностным» хранителем территориальной целостности России и действует в соответствии с принципом: «ни пяди российской территории Китаю».

Администрация Джо Байдена создаёт коалиции союзников и партнёров по таким вопросам, как права человека в Китае, его кибероперации и многое другое. Конечно, создание и поддержание этих международных коалиций является сложной задачей. Но в отличие от США большинство других стран – даже таких близких к Америке, как альянс «Пять глаз», Европейский Союз, Япония и Южная Корея, как правило, не желают вступать в прямую конфронтацию с КНР. Джо Байден старается направить глобальную дипломатию США, связанную с Китаем, на правильный курс, но эти дипломатические проблемы, вероятно, переживут как самого Байдена, так и его администрацию.

В американо-китайских отношениях вполне вероятно наступление «переломного момента» в результате внутреннего давления с обеих сторон. Антиглобалистский или неоиоляционистский сдвиг в Соединённых Штатах может при-

вести к действиям, направленным на подавление «несправедливой» торговой политики Китая путём повышения тарифных барьеров для китайских товаров. Такая политика нашла бы поддержку среди американских правозащитников, желающих подтолкнуть Китай к политическим реформам в области прав и свобод человека, демократизации политической системы, введения многопартийности. В Китае продолжающийся экономический спад может разжечь пламя национализма и выдвинуть многие исторические обиды как реальные, так и вымышленные. Первостепенными станут усилия правительства КНР по переключению внимания населения с внутренних проблем на внешние угрозы.

ИСТОЧНИКИ

1. Joint Communique of the United States of America and the People's Republic of China (Shanghai Communique) February 28, 1972. Available at: <http://www.china.org.cn/english/china-us/26012.htm> (accessed: 14.04.2022).
2. Conference report filed in House (03/24/1979). Available at: <https://www.congress.gov/bill/96th-congress/house-bill/2479> (accessed: 14.04.2022).
3. The "Six Assurances" to Taiwan July 1982. Available at: <http://www.taiwandocuments.org/> (accessed: 14.04.2022).
4. H.R. 4444 (106th): China Trade bill. Available at: <https://www.govtrack.us/congress/bills/106/hr4444/text> (accessed: 14.04.2022).
5. China GDP Surpasses Japan, Capping Three- Decade Rise/ *Bloomberg News*/ August 16, 2010.
6. Interview by Elizabeth C. Economy, Interviewee Christopher Alessi, Interviewer Март 14, 2012. Available at: <https://www.cfr.org/interview/challenging-chinas-trade-practices> (accessed: 14.04.2022).
7. U.S. Charges Five Chinese Military Hackers For Cyber Espionage Against U.S. Corporations And A Labor Organization For Commercial Advantage First Time Criminal Charges are Filed Against Known State Actors for Hacking. Available at: <https://www.justice.gov/usao-wdpa/pr/us-charges-five-chinese-military-hackers-cyber-espionage-against-us-corporations-and> (accessed: 14.04.2022).
8. China Halts Cybersecurity Cooperation After U.S. Spying Charges. *Bloomberg*. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2014-05-20/china-suspends-cybersecurity-cooperation-with-u-s-after-charges> (accessed: 14.04.2022).
9. U.S. and China Reach Climate Accord After Months of Talks // *The New York Times*. 2014/11/12. Available at: <https://www.nytimes.com/2014/11/12/world/asia/china-us-xi-obama-apec.html> (accessed: 14.04.2022).
10. U.S.-China Joint Glasgow Declaration on Enhancing Climate Action in the 2020s MEDIA NOTE OFFICE OF THE SPOKESPERSON. NOVEMBER 10, 2021. Available at: <https://www.state.gov/u-s-china-joint-glasgow-declaration-on-enhancing-climate-action-in-the-2020s/> (accessed: 14.04.2022).

11. This is historical material “frozen in time”. The website is no longer updated and links to external websites and some internal pages may not work. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/> (accessed: 14.04.2022).

12. Trump orders huge tariffs on China, raises trade war worries. By KEN THOMAS and PAUL WISEMAN March 23, 2018. Available at: <https://apnews.com/73e5e5aa7be2408892e9904d642d2137> (accessed: 14.04.2022).

13. USTR Releases Product Exclusion Process for Chinese Products Subject to Section 301 Tariffs. Available at: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2018/july/ustr-releases-product-exclusion> (accessed: 14.04.2022).

14. China Strikes Back at Trump’s Tariffs, but Its Consumers Worry // *New York Times*. 2018/07/06. <https://www.nytimes.com/2018/07/06/business/china-trump-trade-war-tariffs.html> (accessed: 14.04.2022).

15. Trump: China, other nations have become 'spoiled' on trade. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-usa-trade-china-trump/trump-china-other-nations-have-become-spoiled-on-trade-idUSKCN1II2MD> (accessed: 14.04.2022).

16. China Reacts to US Tariffs on Chinese Products. Available at: <https://learningenglish.voanews.com/a/china-react-to-us-tariffs-on-Chinese-products/4470901.html> (accessed: 14.04.2022).

17. Remarks by Vice President Pence on the Administration’s Policy toward China. FOREIGN POLICY Issued on: October 4, 2018. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-vice-president-pence-administrations-policy-toward-china/> (accessed: 14.04.2022).

18. Foreign Ministry Spokesperson Hua Chunying Making Clear China's Position in Response to US Leader's Groundless Accusations Against China January 28, 2019. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2535_665405/201810/t20181005_696937.html (accessed: 14.04.2022).

19. Chinese Telecommunications Conglomerate Huawei and Huawei CFO Wanzhou Meng Charged With Financial Fraud Huawei Device USA Inc. and Huawei’s Iranian Subsidiary Skycom Also Named Defendants Other Charges Include Money Laundering, Conspiracy to Defraud the United States, Obstruction of Justice and Sanctions Violations. Available at: <https://www.justice.gov/opa/pr/chinese-telecommunications-conglomerate-huawei-and-huawei-cfo-wanzhou-meng-charged-financial> (accessed: 14.04.2022).

20. S.1838 - Hong Kong Human Rights and Democracy Act of 2019. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/1838/text> (accessed: 14.04.2022).

21. Communist China and the Free World’s Future Michael R. Pompeo, Secretary of State Yorba Linda, California Richard Nixon Presidential Library. Available at: <https://2017-2021.state.gov/communist-china-and-the-free-worlds-future-2/index.html> (accessed: 14.04.2022).

22. U.S.-China Joint Glasgow Declaration on Enhancing Climate Action in the 2020s MEDIA NOTE/OFFICE OF THE SPOKESPERSON NOVEMBER 10, 2021. Available at: <https://www.state.gov/u-s-china-joint-glasgow-declaration-on-enhancing-climate-action-in-the-2020s/> (accessed: 14.04.2022).

23. FACT SHEET: Executive Order Addressing the Threat from Securities Investments that Finance Certain Companies of the People's Republic of China/ JUNE 03, 2021. STATEMENTS AND RELEASES. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/06/03/fact-sheet-executive-order-addressing-the-threat-from-securities-investments-that-finance-certain-companies-of-the-peoples-republic-of-china/> (accessed: 14.04.2022).

24. Notice of Product Exclusion Extensions: China's Acts, Policies, and Practices Related to Technology Transfer, Intellectual Property, and Innovation. A Notice by the Trade Representative, Office of United States on 03/10/2021. Available at: <https://www.federalregister.gov/documents/2021/03/10/2021-04946/notice-of-product-exclusion-extensions-chinas-acts-policies-and-practices-related-to-technology> (accessed: 14.04.2022).

25. Hong Kong Autonomy Act Update Press Statement Antony J. Blinken, Secretary of State March 17, 2021. Available at: <https://www.state.gov/hong-kong-autonomy-act-update/> (accessed: 14.04.2022).

26. Secretary Antony J. Blinken and National Security Advisor Jake Sullivan Statements to the Press REMARKS TO THE PRESS ANTONY J. BLINKEN, SECRETARY OF STATE NATIONAL SECURITY ADVISOR SULLIVAN. OTEL CAPTAIN COOK ANCHORAGE, ALASKA, MARCH 19, 2021. Available at: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-and-national-security-advisor-jake-sullivan-statements-to-the-press/> (accessed: 14.04.2022).

27. Xi Jinping's reply to Ms. Sarah Landy, a friend from Iowa, USA. Available at: <https://www.mfa.gov.cn/> (accessed: 14.04.2022).

28. Xi Jinping meets with UN High Commissioner for Human Rights Michelle Bachlet. Available at: <https://www.mfa.gov.cn/> (accessed: 14.04.2022).

29. EU-China Investment Deal in Doubt, Businesses Caught in Geopolitical Crossfire. March 26, 2021. Available at: <https://www.china-briefing.com/news/eu-china-investment-deal-in-doubt-businesses-caught-in-geopolitical-crossfire/> (accessed: 14.04.2022).

30. Remarks by President Biden and Prime Minister Suga of Japan at Press Conference. APRIL 16, 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/04/16/remarks-by-president-biden-and-prime-minister-suga-of-japan-at-press-conference/> (accessed: 14.04.2022).

31. Chinese, U.S. senior officials hold video talks over economic ties Source: Xinhua / 2021-06-02. Available at: http://www.xinhuanet.com/english/2021-06/02/c_139984135.htm?mc_cid=9a689500f7&mc_eid=bfbb6731f5 (accessed: 14.04.2022).

32. Biden Drops Trump's Ban on TikTok And WeChat – But Will Continue The Scrutiny. June 9, 2021. Available at: <https://www.npr.org/2021/06/09/1004750274/biden-replaces-trump-bans-on-tiktok-wechat-with-order-to-scrutinize-apps> (accessed: 14.04.2022).

33. Anti-Foreign Sanctions Law of the People's Republic of China (adopted by the 29th Meeting of the Standing Committee of the 13th National People's Congress on June 10, 2021). Available at: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202106/d4a714d5813c4ad2ac54a5f0f78a5270.shtml> (accessed: 14.04.2022).

34. Secretary Blinken's Call with Politburo Member Yang. READOUT OFFICE OF THE SPOKESPERSON. JUNE 11, 2022. Available at: https://www.state.gov/secretary-blinkens-call-with-politburo-member-yang/?mc_cid=405e08fb6d&mc_eid=bfb6731f5 (accessed: 14.04.2022).

35. CARBIS BAY G7 SUMMIT COMMUNIQUÉ. Our Shared Agenda for Global Action to Build Back Better. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/media/50361/carbis-bay-g7-summit-communicue.pdf> (accessed: 14.04.2022).

36. U.S. bans imports of solar panel material from Chinese company. By Michael Martina, Karen Freifeld and David Shepardson. June 24, 2021. Available at: <https://www.reuters.com/business/us-restricts-exports-5-chinese-firms-over-rights-violations-2021-06-23/> (accessed: 14.04.2022).

37. H.R.1155 - Uyghur Forced Labor Prevention Act 117th Congress (2021-2022). Available at: https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/1155/text?_cf_chl_jschl_tk__=ik7j4zvvqmwofDbOJgIO8GWQSrySFSRlkbXxY6QHUF0-1639547319-0-gaNycGzNCb0 (accessed: 14.04.2022).

38. Commerce Department Adds 34 Entities to the Entity List to Target Enablers of China's Human Rights Abuses and Military Modernization, and Unauthorized Iranian and Russian Procurement. July 9, 2021. Available at: <https://www.commerce.gov/news/press-releases/2021/07/commerce-department-adds-34-entities-entity-list-target-enablers-chinas> (accessed: 14.04.2022).

39. Brussels Summit Communiqué Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Brussels 14 June 2021. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm (accessed: 14.04.2022).

40. 国务院关税税则委员会公布对美加征关税商品第五次排除延期清单2021年9月16日来源：国务院关税税则委员会办公室。 Available at: http://gss.mof.gov.cn/gzdt/zhengcejiedu/202109/t20210916_3753343.htm?mc_cid=b694e108d7&mc_eid=9cddb941a (accessed: 14.04.2022).

41. EXCLUSIVE Huawei gets U.S. approvals to buy auto chips, sparking blow back. August 25, 2021. Available at: <https://www.reuters.com/business/autos-transportation/exclusive-us-approves-licenses-huawei-buy-auto-chips-sources-2021-08-25/> (accessed: 14.04.2022).

42. President Xi Jinping Had a Virtual Meeting with US President Joe Biden 2021-11-16 14:55. Available at:

https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/202111/t20211116_10448843.html (accessed: 14.04.2022).

43. The Debate Over Boycotting the 2022 Beijing Olympics By Lindsay Maizland Last updated December 6, 2021. Available at: <https://www.cfr.org/in-brief/debate-over-boycotting-2022-beijing-olympics> (accessed: 14.04.2022).

44. Rules committee print 117-31. Text of H.R. 4521, The America Competes Act of 2022. January 25, 2022. JANUARY 25, 2022. Available at: <https://docs.house.gov/billsthisweek/20220131/BILLS-117HR4521RH-RCP117-31.pdf> (accessed: 14.04.2022).

45. USTR Releases 2022 President's Trade Policy Agenda and 2021 Annual Report. Available at: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2022/march/ustr-releases-2022-presidents-trade-policy-agenda-and-2021-annual-report> (accessed: 14.04.2022).

46. Russia Asked China for Military and Economic Aid for Ukraine War, U.S. Officials Say March 13, 2022, 3:52 p.m. ET March 13, 2022, 3:52 p.m. ET Edward Wong and Julian E. Barnes. Available at: <https://www.nytimes.com/2022/03/13/us/politics/russia-china-ukraine.html> (accessed: 14.04.2022).

47. President Xi Jinping Has a Video Call with US President Joe Biden. 2022-03-19 00:21. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/202203/t20220319_10653207.html (accessed: 14.04.2022).

48. Foreign Ministry Spokesperson Zhao Lijian's Regular Press Conference on May 11, 2022. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/eng/xwfw_665399/s2510_665401/202205/t20220511_10684604.html (accessed: 14.04.2022).

49. Department Press Briefing – May 11, 2022. NED PRICE, DEPARTMENT SPOKESPERSON WASHINGTON, D.C. MAY 11, 2022. Available at: <https://www.state.gov/briefings/department-press-briefing-may-11-2022/> (accessed: 14.04.2022).

50. Цитаты Джо Байдена о России. Available at: <https://ria.ru/20201031/bayden-1582421970.html> (accessed: 14.04.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Панов А.Н. Перспективы внешнеполитической стратегии администрации Дж. Байдена в Азиатско- Тихоокеанском регионе // Россия и Америка в XXI веке. 2021. № 4. DOI: 10.18254/S207054760017904-1

Труш С. М. КНР – США: некоторые особенности и аспекты нарастающего конфликта // США & Канада: экономика, политика, культура. – 2020. № 12. С. 45-61. URL: <https://usacanada.jes.su/s268667300012647-1-1/> DOI: 10.31857/S268667300012647-1

REFERENCES

Panov A.N. Prospects of the foreign policy strategy of the administration of J. Biden in the Asia-Pacific region // Russia and America in the XXI century. 2021. № 4.

Trush S. M. China – USA: some features and aspects of the growing conflict // USA & Canada: Economics, Politics, culture. – 2020. – Issue No. 12, pp. 45-61. Available at: <https://usacanada.jes.su/s268667300012647-1-1> / DOI: 10.31857/S268667300012647-1

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЕРМАКОВ Дмитрий Николаевич, доктор политических наук, доктор экономических наук, профессор, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Центра мировой политики и стратегического анализа Федерального государственного автономного учреждения науки «Институт Китая и современной Азии Российской академии наук» (ФГАУН ИКСА РАН)

Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, д.32; главный научный сотрудник Управления по научно-исследовательской деятельности ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)», Российская Федерация, 109004, г. Москва, Земляной вал, д. 73.

КАЗЕНКОВ Олег Юрьевич, Почётный работник сферы образования РФ, научный сотрудник Управления по научно-исследовательской деятельности ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)», Российская Федерация, 109004, г. Москва, Земляной вал, д. 73.

Статья поступила в редакцию / Received 20.05.2022.

Поступила после рецензирования / Revised 30.05.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 1.06.2022.

Dmitriy N. ERMAKOV, Doctor of Sciences (Politics, Economics), Professor, Candidate of Sciences (History), Chief Researcher at the Center for World Politics and Strategic Analysis Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences

32 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117218, Russian Federation

Chief Researcher of the Department for Research Activities of the K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University) 73 Zemlyanoy Val, Moscow, 109004, Russian Federation.

Oleg Yu. KAZENKOV, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Research Fellow of the Department for Research Activities of the «K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University)», 73 Zemlyanoy Val, Moscow, 109004, Russian Federation.

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
НАУКИ
ИНСТИТУТ СОЕДИНЁННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ И КАНАДЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

*Лицензия на осуществление образовательной деятельности
№ 0244 от 25.07.2012 г.*

Свидетельство о государственной аккредитации № 2445 от 22.12.2016 г.

**Объявляет приём аспирантов на 2022/2023 учебный год
(форма обучения – очная, срок обучения – 3 года)
по направлениям (научным специальностям):**

- **«Политические науки и регионоведение»**, направление подготовки 41.06.01:
 - научная специальность 5.5.2 «Политические процессы, институты и технологии» **(3 места по договору об оказании платных образовательных услуг)**;
 - научная специальность 5.5.4 «Международные отношения» **(3 места по договору об оказании платных образовательных услуг)**.
- **«Экономика»**, направление подготовки 38.06.01:
 - научная специальность 5.2.5 «Мировая экономика» **(1 бюджетное место; 3 места по договору об оказании платных образовательных услуг)**.

Сроки приёма документов – с 15 августа по 9 сентября 2022 г.

Документы, необходимые для поступления, представляются поступающим в организацию одним из следующих способов:

- Лично по адресу: г. Москва, Хлебный переулок, д. 2/3;
- Через операторов почтовой связи по адресу: 121069, г. Москва, Хлебный переулок, д. 2/3;
- В электронной форме на информационно-образовательном портале

ИСКРАН по ссылке: <http://edu.iskran.ru/aspirantura/priem-dokumentov/>

Поступающие предоставляют в приёмную комиссию: оригинал или копию документа об окончании магистратуры или специалитета; копии паспорта, СНИЛС и ИНН; 2 фотографии 3x4 см; реферат по выбранному направлению подготовки; индивидуальные достижения.

Вступительные испытания: экзамен по специальной дисциплине и собеседование по реферату; экзамен по английскому языку.

Сроки проведения вступительных испытаний: с 12 по 29 сентября 2022 г.

Сайт ИСКРАН: www.iskran.ru

Телефон для справок: 8 (495) 691-11-66; 8 (495) 915-32-27, доб. 406.

Электронный адрес: aspirantura@iskran.ru

Институт США и Канады РАН (ИСКРАН) – ведущий российский и мировой научный центра в области американских исследований, канадоведения, международных отношений и международной безопасности. Директор ИСКРАН – член-корреспондент РАН, профессор В.Н. Гарбузов. Научный руководитель ИСКРАН – академик РАН, профессор С.М. Рогов. Специфика ИСКРАН, активно участвующего в процессе формирования внешней политики России, даёт аспирантам уникальную возможность приобщиться к практике экономического и политического анализа и консультирования, ориентированных на реализацию внешнеполитических интересов России.

Основу профессорско-преподавательского состава аспирантуры составляют научные сотрудники Института США и Канады РАН. Многие из них имеют многолетний опыт научной и педагогической работы в МГИМО(У) МИД РФ, МГУ, а также ведущих университетах США и стран Западной Европы.

Информация для авторов

Редакция принимает материалы, соответствующие тематическому профилю журнала, отвечающие международным стандартам научных публикаций и оформленные в соответствии с установленными правилами. Рукопись должна представлять результаты оригинального авторского исследования, изложенные в научном стиле. Объём принимаемых к рассмотрению статей до 45 тыс. знаков, рецензий – до 15 тыс. знаков.

К статье должны прилагаться: информативная аннотация (200–250 слов), ключевые слова и подробные данные об авторе (полностью фамилия, имя, отчество, степень, учёное звание, должность и полное название места работы, адрес организации с индексом, e-mail). При этом аннотация представляет собой резюме, подробный пересказ содержания и выводов статьи. В аннотации следует избегать использования словосочетаний вроде «в статье рассматривается», «автор считает» и пр. Под ключевыми словами подразумеваются наиболее часто упоминающиеся в работе понятия и термины.

Вся прилагаемая информация должна быть продублирована на академическом английском языке. *Бумажная версия* печатается на одной стороне листа (шрифт *Arial*, кегль 12, интервал полуторный, поля слева и справа по 3 см). Автор индексирует свою статью по Универсальной десятичной классификации (УДК). Обязательно наличие у автора цифрового идентификатора ORCID. Его можно оформить на сайте <http://orcid.org/>.

Электронная версия представляется в форматах *doc*, *docx* или *rtf*. Текст статьи и вся сопровождающая информация представляется в одном файле в следующем порядке: название статьи (русск., англ.), аннотация (русск., англ.), ключевые слова (русск., англ.), полная информация об авторе (русск., англ.), текст статьи, библиографический список.

Отсутствие библиографического списка может стать причиной отказа в регистрации статьи. Материалы для рубрик "Размышляя над прочитанным" и "Книжная полка" могут не содержать библиографический список. На каждый источник из списка обязательна ссылка в тексте.

Полные библиографические описания даются в списке литературы, размещённом после текста статьи. В список включаются ссылки на статьи из научных периодических изданий и монографии. Этот список состоит из двух частей: на русском и английском языках ("Список литературы" и "References" соответственно). Англоязычная часть содержит перевод и транслитерацию названий русскоязычных источников на английский язык (см. сайт: <http://translit.net/>). Транслитерация производится по системе Библиотеки Конгресса США (ALA-LC).

Отсылки в тексте заключаются в квадратные скобки и содержат фамилию автора (авторов), год издания, номера цитируемых страниц; допускается частичная замена длинных заглавий многоточием.

1. При описании книг указываются в следующем порядке: фамилия и инициалы автора, год издания, название (*курсивом*), город издания, издательство, количество страниц.

2. Если книга написана коллективом авторов, на первое место выносится её название, после года издания в круглых скобках указывается редактор, редактор-составитель и т.п.

3. При описании переводной книги следует указать сначала ссылку на оригинальное издание, а затем – на издание русского перевода (если русское издание не является оригинальным составным сборником трудов иностранного автора).

4. Ссылки на информационные, официальные и прочие источники, в том числе на интернет-ресурсы, не являющиеся научно-аналитическими материалами (законы, материалы слушаний, выступления и обращения официальных лиц, статистические источники, материалы прессы), следует приводить в разделе "Источники", который размещается после текста статьи перед списком литературы. Ссылки в этом разделе нумеруются, отсылки к ним в тексте имеют вид номера публикации в квадратных скобках.

5. Публикации в разделах "Источники" и "Список литературы/References" приводятся в алфавитном порядке.

Примеры отсылок в тексте статьи: [1] – на публикацию в разделе "Источники", [Иванов И.И. 2001: 25] – на публикацию в разделе "Список литературы".

Все таблицы и рисунки должны быть пронумерованы, иметь заголовки и ссылки в тексте. Данные, заимствованные из другого источника, сопровождаются библиографической ссылкой. Весь графический материал принимается только в редактируемом виде (не картинками!).

Все присланные в Редакцию материалы отдаются на рецензирование.

Плата за публикацию не взимается.

Дополнительные варианты оформления ссылок и библиографии авторы могут найти на страницах журнала и на сайте <http://www.iskran.ru/journal.php>.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Все статьи журнала размещаются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК). С декабря 2015 г. журнал входит в базу *Russian Science Citation Index (RSCI)* на платформе *Web of Science*.